МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Автобиография Тимура. Богатырские сказания о Чингис-хане и Аксак-Темире

Автобиография Тимура

Богатырские сказания о Чингис-хане и Аксак-Темире

Москва
Берлин
2019

УДК 94
ББК 63.3(0)4
А18

Автобиография Тимура. Богатырские сказания о
А18 Чингис-хане и Аксак-Темире. – Москва ; Берлин :
Директ-Медиа, 2019. – 195 с.

ISBN 978-5-4475-4824-7

Эта книга адресована всем интересующимся жизнеописанием великих полководцев, в их которых имя Тамерлана (Тимура) – беспощадного завоевателя, гениального стратега, не проигравшего ни одного сражения, безусловно, занимает особое место. Прозванный на Руси Темир Аксаком (Железным хромцом), Тамерлан благодаря своим завоеваниям перекроил карту мира, изменив тем самым ход истории. Каким он был, чего достиг, какую прожил жизнь и как ушел из этого мира вы узнаете из уникальных письменных источников, вошедших в данное издание.

Дополняет книгу «Сказание о Чингисхане» – своеобразное генеалогическое повествование об основателе и первом великом хане великой Монгольской империи. Первую половину «Сказания…» составляют отдельные эпизоды, посвященные различными предками Чингисхана, а вторая половина «Сказания» непосредственно целиком связана с личностью легендарного великого хана.

УДК 94
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-4475-4824-7

Автобиография Тимура

Во имя Аллаха, милостивого и милосердого![1]

Пусть знают все мои рожденные в счастье дети, исполненные могущества родные, султаны, амиры и визири[2], что Аллах своей волей поставил меня пастырем народов, венчал меня на царство, укрепил мой трон. Так мне послано Аллахом в награду за двенадцать качеств моего характера.

[Двенадцать моральных качеств Тимура]

Первое. Всегда я считал беспристрастие первым своим качеством: и к бедным и к богатым безразлично относился всегда с одинаковой справедливостью и строгостью.

Второе. Всегда строго хранил ислам, всегда чтил и уважал людей, которых возвеличил своей милостью Аллах.

Третье. Всегда щедро раздавал бедным милостыню, всегда с большим терпением разбирал всякое дело, всегда тщательно вникал во все обстоятельства дела.

Четвертое. Всегда старался делать всякое дело для блага подвластных мне народов, никому не делал зла без серьезных причин, не отгонял никого, кто обращался ко мне за помощью. Я твердо помнил слово Корана, что слуги Аллаха должны творить лишь одну его волю и от одного него принимать милости *[Коран*[3]*, XLII сура, аят 18 и* 22], и в течение всей своей жизни придерживался этих слов.

---

[1] «*Во имя Аллаха милостивого и милосердого!*» – формула, предваряющая все «суры» (главы) Корана (см. ниже «Коран»), кроме IX; этой формулой начинается и всякая книга «муслимов» (правоверных);

[2] *Визирь* (буквально: «носильщик тяжестей») – носильщик тяжестей управления, первый министр.

[3] *Коран* (буквально: «чтение», собственно – инфинитив глагола, означающего «читать») – собрание в форме одной цельной книги, священной для «правоверных», откровений, данных в разное время в Мекке и Медине посланнику Аллаха Мухаммеду; повидимому, в устах самого Мухаммеда

название «Коран» имело тот смысл, что он был прочитан ему свыше. Мухаммед обыкновенно проводил месяц рамадан в уединении на горе Гира близ Мекки. Однажды ночью (это было в декабре 610 или январе 611 г. христианской эры) Мухаммед, куда-то уходивший, вернулся и сказал своей жене Хадидже: «Я спал глубоким сном, когда мне явился во сне ангел, держа в руках исписанный кусок шелковой материи, и сказал: “Читай!” – “Что же я буду читать?” – спросил я. Он развернул кусок и повторил: “Читай”. Я повторил вопрос: “Что я буду читать?” Ангел ответил: “Читай во имя Господина твоего, который сотворил все. Который сотворил человека из огустевшей крови. Читай во имя Господина твоего, который всех щедрее. Это он научил человека пользоваться пером. Он научил человека тому, чего человек не знал” *(Коран, XCVI сура, 1–5 аят).* Я произнес эти слова за ангелом, и он удалился. Когда я проснулся и пошел на скат горы, то услышал над своей головой слова: “О Мухаммед, ты послан Аллахом, а я Джабраил”. Я поднял глаза и увидал ангела; я стоял неподвижно с обращенным к нему взором, покуда он не скрылся». Так начались откровения Аллаха Мухаммеду. Коран – собрание рассказов, поучений, законов и т. д. без всякого порядка, тем более хронологического. Откровения, занесенные в Коран, редко бывали длинны, чаще всего они состояли из нескольких стихов, которые записывались еще при жизни Мухаммеда или сохранялись просто в памяти, потому что современники Мухаммеда владели замечательной памятью, свойственной народам, пишущим мало. Мухаммед всякое откровение, которое представляло собой целое, называл *сурой*. Сура – слово еврейское, означает «ряд камней в стене», потом «строчка в письме или книге»; в Коране сура обозначает отдельную главу. Сура состоит из отдельных стихов «аят»: что буквально значит «знак», «знак небесного предостережения», «чудо», потому что каждый стих Корана обозначает, как слово самого Аллаха, именно предостережение и чудо. В Коране всего 114 сур, из них 70, данных в Мекке, 44 – в Медине; кроме первой суры («эль-фатига»), очень небольшой по объему, имеющей особо магическое значение для правоверных, – остальные суры расположены в Коране по своей величине в виде убывающей прогрессии от самых больших по размерам в начале до самых малых в конце. Полного собрания стихов Корана во времена Мухаммеда не существовало. Впервые были собраны отрывки Корана в одно целое при первом халифе Абу-Бекре (632–634 гг. н. э.) по настоянию Омара. В 11 году хиджры в ожесточенном бою при Акрабе с «лжепророком» Мосейлимой погибло более шестисот сподвижников Мухаммеда («азгабов»), знавших на память длинные отрывки из Корана. У Омара, ближайшего сподвижника Мухаммеда, впоследствии второю халифа

Пятое. Всегда предпочитал делать то, что касается ислама, прежде всего остального, что касается обыденной жизни; только закончив дела Аллаха, я принимался за дела обыкновенные.

Шестое. Всегда старался я говоритъ правду, всегда отличал правду среди того, что мне говорили о жизни здешней и жизни будущей.

Однажды мне рассказали, как Аллах сотворил первого человека, Адама; ангелы[4], которые видели творение, стали

(634–644 г. н. э.), явилось опасение, что скоро совсем не останется в живых людей, слышавших от самого Мухаммеда откровения Корана. Он подал совет Абу-Бекру собрать в одно целое все отрывки Корана. Абу-Бекр поручил собирание Корана ближайшему помощнику Мухаммеда, Зейд-ибн-Табиту. Зейд-ибн-Табит нашел, что легче гору сдвинуть с места, чем выполнить такое поручение халифа. Под руководством Омара он собрал отрывки Корана, частью записанные на свитках бумаги или пергамента, на волокнистых черенках пальмовых листов, на камешках или костях, а частью – и это самая большая часть – сохранявшихся в памяти тех или иных «правоверных». Запись Зейд-ибн-Табита была предназначена только для частного пользования Абу-Бекра и Омара. Среди «правоверных» обращались и другие варианты тех или иных отрывков Корана; на этой почве начались пререкания между войсками различных областей халифата. Третий халиф, Отман (644–656 гг.) решил ввести одну общую, официальную, обязательную для всех редакцию Корана. Зейд-ибн-Табиту было поручено составить и эту вторую редакцию. Вторая редакция Корана есть единственно признанная редакция, потому что все остальные редакции халиф Отман распорядился уничтожить. Коран был предметом бесчисленных толкований. Комментаторы распадаются на ряд отдельных школ и направлений, между которыми идут постоянные споры. Коран, по Нельдеке, – наиболее читаемая в мире книга; ее читают не только в мечети во время службы, но и постоянно дома или в пути; она также служит предметом, по которому гадают о будущем.

[4] *Ангелы*, по словам Корана, – духи, вестники Аллаха, имеющие два, четыре, а иногда и множество пар крыльев *(XXXV сура, 1 аят)*, носят престол Аллахов *(LXIX сура, 17 аят)*, являются заступниками за людей *(XI сура, 7 аят)*, являются на помощь «правоверным» *(III сура, 120 аят)*; они – хранители каждого человека *(VI сура, 6 аят)*; умрут, подобно людям,

роптать на Аллаха: ничего не выйдет хорошего из создания человека, – говорили они творцу; человек на земле непременно будет говорить ложь другим, не исполнять своих обещаний, убивать подобных себе людей, – словом, творить всяческие беззакония; Аллах непременно раскается в том, что создал человека. Аллах отвечал ангелам, что он давным давно предвидел злобу и неправду людскую, что в свое время он пошлет людям меч, который будет карать всех Злых и лживых и истребит всякую неправду.

Я так понял рассказ, что меч, карающий неправду, который Аллах посылает людям, – это правители народов. Я потому и старался из всех сил быть во всем справедливым и по правде решать во всех делах моей жизни.

Седьмое. Всегда давал лишь такие обещания, какие мог исполнить: я думал, что если точно выполнять обещания, то всегда будешь справедливым и никому не причинишь зла.

Восьмое. Всегда считал себя первым и самым ревностным слугой Аллаха, всегда творил волю Аллаха, или его Посланника (Мухаммеда), без воли Аллаха не чинил вреда ни одному из народов этого мира. И знатным и незнатным я одинаково старался делать добро; я никогда не желал овладеть чужим имуществом, не думал о богатстве; не завидовал богатым. Поучительна судьба амира Хусайна, жадного до добра подвластных ему людей, он и погиб из-за своей жадности.

Девятое. Всегда старался в точности исполнять веления Аллаха и откровения его Посланника, в своих делах я руководился исключительно указаниями шариата[5] и всегда

перед днем последнего, Страшного суда *(XXXIX сура, 68 аят);* последним должен умереть Азраил, ангел смерти; потом будут все воскрешены.

[5] *Шариат* (буквально: «путь к спасению») – религиозно-нравственный кодекс «правоверных»; его основы: 1) *Коран;* 2) *Сонна* (собрание преданий

уклонялся от дурного. Посланник Аллаха и «муслимы»[6] были моими единственными и наилучшими друзьями.

Десятое. Всегда старался высоко поднять во вселенной знамя ислама[7]: я слышал, что правая вера и великая власть рождены как бы из одного чрева, что только та власть сильна,

---

о жизни Мухаммеда) и *хадисы* (отдельные сказания о Мухаммеде и его изречения, не вошедшие в Коран, записанные из уст людей, которые слышали их от современников или их потомков; имена лиц, преемственно сохранивших хадисы, точно в них указаны); 3) *Иджма* – согласие старых духовных авторитетов; 4) *Кыяс* (буквально: «аналогия») – логическая очевидность.

[6] *Муслимы* (буквально: «предавшие себя воле Аллаха») – «правоверные», служители религии, пошедшей со времен Мухаммеда, – ислама.

[7] *Ислам* (буквально: «подчинение, предание воле другого») – предание себя воле Аллаха. «Религия Аллаха есть ислам» *(Коран, III сура, 17 аят)*, – одна из мировых религий, ведущая начало со времен Мухаммеда (около 570–632 гг. н. э.). *I. Пять столпов («рук») ислама:* 1) *Исповедание веры:* «Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник его». 2) *Пятикратная молитва* («салат», «намаз»). 3) *Милостыня* («закят»). 4) *Пост* («саум») в священном месяце рамадане. 5) *Паломничество* («хадж») в Мекку. *II. Двадцать «ветвей» ислама:* 1) Строго соблюдать учение Корана. 2) Сообразоваться с преданием и устным учением посланника Аллаха, Мухаммеда. 3) Никогда не делать несправедливости. 4) Употреблять лишь дозволенную пищу. 5) Никогда не употреблять запрещенной пищи. 6) Наказывать злоумышленников, чтобы не усиливать злых путем снисходительности добрых. 7) Раскаиваться в своих дурных поступках. 8) Основательно изучать дело веры. 9) Делать добро даже и врагам. 10) Быть скромным в жизни. 11) Помогать служителям Аллаха. 12) Избегать перемен и нововведений. 13) Выказывать мужество в несчастий и твердость в испытаниях. 14) Прощать, когда мы сильны и властны. 15) Быть терпеливыми в несчастии. 16) Познавать Аллаха. 17) Познавать Мухаммеда, посланника Аллаха. 18) Противиться внушениям шейтана. 19) Противиться страстям и дурным побуждениям. 20) Предаться всецело служению Аллаху с полным доверием и полною покорностью. *III. Шесть благочестивых деяний:* 1) молитва; 2) милостыня; 3) паломничество; 4) борьба против дурных побуждений; 5) борьба против всего, нарушающего Коран; 6) священная война («джихад»).

которая основана на правой вере, поэтому в распространении ислама видел прочное основание своего величия в мире.

Одиннадцатое. Всегда относился с великим уважением к сайидам[8], почитал улемов[9] и шейхов[10]; всех их я неизменно призывал в свой совет, внимательно выслушивал их указания по делам веры и исполнял их советы. Народ меня особенно любил за это.

К этим лицам, облеченным особыми дарами Аллаха и его Посланника, я старался относиться так же, как это делал царь Константы.

Царь Константин однажды собрал воинов и двинулся войной на султана Рай[11]. По пути Константин узнает, что в совете султана принимают большое участие сайиды, улемы и шейхи; как только весть дошла до царя, он немедленно со своими воинами повернул обратно и совершенно отказался от мысли завоевать Рай. Своим визирям и амирам царь

---

[8] *Сайид* (буквально: «начальник», «господин») – до Мухаммеда так назывались вожди отдельных арабских племен; после Мухаммеда – его потомки от дочери Фатимы; они составляли как бы обособленную касту среди остального населения, были освобождены от телесного наказания, имели право заступничества за обиженных перед властями, носили чалму зеленого цвета, любимого Мухаммедом. Обыкновенно сайиды не роднились с посторонними; монгольские ханы, женясь на сайидках, обыкновенно сами принимали название сайидов.

[9] *Улемы* (от alîm – «ученый») – ученые богословы, толкователи Корана, учителя Корана, знатоки религиозно-юридических норм Корана; из рядов улемов выбирались кади (судьи) и муфтии (знатоки права).

[10] *Шейх* (буквально: «старец») – до Мухаммеда так назывался вождь арабского племени, достигший полной зрелости возраста; после Мухаммеда – глава духовного ордена «правоверных», вообще духовный руководитель.

[11] *Рай* – старинный город Персии в 10 километрах к юго-востоку от теперешнего Тегерана; захвачен арабами в 641 г. н. э. при Омаре; был резиденцией сельджукских султанов, Эль-Тогрула и Альп-Арслана; разрушен монголами при Чингис-хане в 1221 г.

так объяснил, что одна священная книга утверждает великую важность присутствия высоких духовных лиц в совете царя:

«Если в совете царя заседают духовные лица, никто не в силах победить этого царя».

Константин писал с пути султану Рай, что его правление подобно правлению «хакана»[12]; поэтому-то он раздумал итти войной на правителя, которого не в силах одолеть.

Двенадцатое. Всегда милостиво относился к юродивым[13], не имевшим пристанища, людям самого низкого положения; я всячески старался помочь им. Я был всегда снисходительным к правоверным, не наказывал строго за малую вину. К сайидам всегда относился с великим уважением; я избегал слушать людей, которые говорят ложь.

Я слышал: слава великих правителей рождается от милостивого отношения к подвластным людям; в Коране сказано, что если правитель простит одного виновного, он таким образом окажет милость всем подвластным ему людям; во всех своих делах я следовал примеру милостивых правителей.

Я слышал: если Аллах пошлет кому-либо великую власть, то могущество владыки возрастет еще больше, если он будет справедлив и милостив во всех своих делах; могущество владыки, наоборот, быстро придет в умаление, если он уклонится на путь несправедливости и жестокости. И вот, чтобы поддержать и укрепить свое могущество, я взял в одну руку светоч справедливости, а в другую – светоч милосердия и этими двумя светочами непрерывно освещал путь своей жизни, всегда во всяких делах стараясь быть справедливым и милостивым.

---

[12] *Хакан* – царь царей, великий хан; этот титул носил Чингис-хан и его преемники; в переносном смысле этот титул распространялся на всех выдающихся правителей.

[13] *Юродивые* – люди, отрекшиеся от всяких земных благ и привязанностей, блаженные, неимущие; пользовались великим уважением народных масс; перед ними заискивали и «пастыри народов».

Я выбрал себе четырех министров, справедливых и милостивых; из них главные: Махмудшах Хорасанский и Наср-эддин Махмуд-уль Арамыр. Я приказал им всегда следить за моими поступками и останавливать меня всякий раз, когда я буду несправедливым, буду верить словам лжи или буду посягать на чужое добро.

Я слышал: если Аллах посылает великую власть, то оказывает тем самым великую милость; эта милость налагает на владыку обязанность всегда и всюду быть справедливым и милостивым. Когда я сделался великим правителем, я всегда помнил это и старался всегда быть справедливым и милостивым.

[Тимур размышляет о природе власти правителя]

С сильным войском я расположился у Эрзерума; войско заняло всю степь вокруг города. Я смотрел на своих воинов и думал:

«Я – один, сам по себе, кажется, не обладаю особенной силой.

Почему и все эти воины и каждый из них поодиночке
всегда подчиняются моей воле, воле одного человека?
Если я прикажу им что-либо сделать,
все немедленно будет сделано, как приказано.

Я принес благодарность Аллаху за то, что он дал мне такую славу среди своих рабов, и спрашивал улемов, которые были при мне, почему такое множество людей, которое окружает меня, беспрекословно подчиняется моей воле.

Улемы объясняли, что моя сила – в силе и воле Аллаха, что меня покрывает его величие; они привели священные слова, что если сам правитель во всех своих делах будет подчиняться справедливости, то и все подвластные ему люди будут в свою очередь подчиняться ему, а враги – трепетать перед ним. Преданность такому правителю со стороны

подвластных ему людей легко объяснить их признательностью к его постоянной справедливости.

[Шейх Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади]

Когда мне исполнился двадцать один год, я решился отправиться путешествовать. Но я обратился за напутственным благословением к почтенному шейху Заин-эд-дину Абу-Бекру Тайабади.

Шейх благословил меня на путешествие, препоясал меня поясом[14], дал мне шапку[15] и вручил коралловое кольцо[16] с надписью: «Рости-расти», что значит:

«Если во всем будешь справедлив,
то всегда встретишь удачу».

Шейх пожелал мне всякого благополучия и удачи в пути и сказал об откровении, которое ему было относительно меня:

– В мире есть человек, который во всем тебя поддерживает, называет тебя «наибом»[17] Посланника Аллаха; теперь

---

[14] *Препоясание поясом* – магический символ передачи дарований и способностей от высшего к низшему; пояс, замкнутый круг, символизирующий вечность, окружает тело человека и таким образом приобщает его к вечности.

[15] *Шапка, возложение шапки* – также магический символ передачи власти через голову, центр души, от высшего к низшему; так, Чингис-хан, надевая шапку на каждого из своих четырех сыновей, тем самым облекал их высшей властью хана в своих улусах.

[16] *Кольцо* – также магический символ передачи высоких дарований, приобщения к высшей власти. Шейх Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади передал Тимуру сразу *три* фетиша, пояс, шапку и кольцо, символизируя передачу ему очень больших и очень высоких дарований.

[17] *Наиб* (буквально: «наместник») – заместитель посланника Аллаха (Мухаммеда) в мире, человек очень высоких духовных дарований. Шейх Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади называет Тимура «наибом» Мухаммеда в знак его великого назначения – распространять ислам, как среди «людей писания» (евреев и христиан), так и неверных – язычников.

ты не можешь увидать его, но придет время, когда он сам взглянет на тебя взором, полным счастья.

(Далее старый шейх стал рассказывать мне из своей жизни)

[Паломничество Тимура к «кутбу»]

Когда мне исполнилось семьдесят пять лет от роду, в 805 году [хиджры], я овладел столицей Рума[18] и отправился к шейху Кутб[19]-уль-Арифину[20] Садр-эд-дину Ардебильскому. Я хотел послужить какому-либо славному своей праведной жизнью подвижнику и просил шейха найти такое лицо, которому я мог бы служить. Шейх посоветовал мне отправиться в горы Шахлан, где в одном месте я должен был найти скалу и ключ, бивший из скалы попеременно то холодной, то горячей струей. Мне нужно было там, у ключа, терпеливо ожидать «кутба», которому я должен был послужить; он должен был притти к ключу совершить омовение[21] и молитву.

---

[18] *Рум* – искаженное турками-сельджуками название государства Romaeorum (римлян), т. е. византийцев. Так же называлось и основанное самими турками-сельджуками государство в пределах Малой Азии.

[19] *Кутб* (буквально: «звезда», «глава») – наименование у «правоверных» лиц, прославившихся святой, подвижнической жизнью.

[20] *Кутб-уль-Арифин* – буквально: «звезда (глава) знающих».

[21] *Омовение* является ключом для молитвы, а ключом омовения – магическая формула: «во имя Аллаха милосердого и милостивого!» Предписания Корана относительно омовения: «О верующие! когда вы собираетесь совершать молитву, вымойте лицо и руки до локтя, вытрите голову и ноги до пяток; очищайтесь после совокупления с вашими женами, а когда вы больны или когда вы в дороге выполнили потребности природы или имели совокупление с женщинами, то, если не найдете воды, отрите лицо и руки мелким и чистым песком. Аллах не хочет налагать на вас никакого бремени, но хочет сделать вас чистыми». *(Коран, V сура, 8 и 9 аят). Омовение, называемое «тайамум» – очищение песком и пылью* – допускается в семи

Я повиновался словам шейха Садр-эд-дина, немедленно отправился в указанное место, нашел ключ и стал ждать прихода «кутба», которому должен был служить. Рано утром к ключу подошел какой-то человек, совершил омовение и стал молиться[22]. Я подошел к этому человеку и, к великому удивлению, узнал в нем своего собственного конюха. Три дня я видел, как этот человек подходил к ключу и совершал там молитву.

На третий день, чтобы избавиться от сомнения, которое меня мучило все эти дни, я решился заговорить с ним:

– Сайид-Али-ата! между своими слугами я считал тебя самым плохим и только теперь узнал, какое высокое положение ты занимаешь; решаюсь просить тебя: объясни мне, каким образом ты достиг высшего и почетнейшего звания?

случаях: 1) недостаток воды; 2) опасение истощить запас воды; ***3)*** потребность в этой воде для питья; 4) опасение потерять часть ее при переноске; 5) болезни, не терпящие употребления воды; 6) переломы, требующие спокойствия для их сращения; 7) раны, к которым не следует прикасаться.

[22] *Молитва («салат», «намаз»)* у правоверных – пятикратная, т. е. совершается пять раз в течение суток: 1) *полуденная* («зухр»), время которой наступает, когда солнце, достигнув высшей точки в своем течении, начинает клониться к закату, и продолжается до той поры, пока тень от предметов не станет равной их длине, присоединенной к длине тени предметов во время наступления молитвы; 2) *послеполуденная* («аср») – между полуденной молитвой и заходом солнца; 3) *вечерняя* («магрш») – совершается тотчас после заката солнца; 4) *ночная* («шла») – с исчезновением красной вечерней зари и до появления утренней на востоке и 5) *утренняя* («субх») – с появлением зари и до восхода солнца. Время молитвы обыкновенно возвещается муэззинами с минаретов мечетей; молитва совершается там, где «правоверного» застает «азан» – возвещение. Молитва предполагает необходимые приготовления: 1) необходимо очистить свое тело установленными омовениями; 2) облечься в безукоризненно чистые одежды; 3) выбрать чистое место для молитвы; 4) закрыть часть тела между пупком и коленами; 5) иметь чистые намерения; 6) «киблой» (местом, куда обращаются на молитве) иметь Каабу, дом Аллаха, воздвигнутый в Мекке Ибрахимом (Авраамом).

– В самом начале твоего правления «кутб-уль-актаб»[23] велел мне помогать тебе; я исполнил его повеление.

Мы оба затем совершили омовение, а затем Сайид-Алиата начал молитву, а я последовал его примеру.

Молитва доставила мне великое наслаждение. После молитвы «кутб» сказал мне:

– Ты гость Аллаха, и поэтому во имя гостеприимства Аллах исполнит все, о чем ты теперь его попросишь.

Я стал просить утверждения в вере.

Кутб ответил:

– Вера принадлежит Посланнику Аллаха; вера-город, вне которого некоторые говорят: «Нет божества кроме Аллаха», другие внутри его говорят: «Кроме Аллаха нет божества»; имя этого города «баб-уль-абваб»[24], там обиталище того, кто произносит слова счастья: «Ля илляга-иль-Алагу, Мухаммед Расу ль Улла» (Нет божества кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник Аллаха).

После этого «кутб» начал снова класть поклоны, я последовал его примеру, а когда я поднял голову после поклона, увидал, что «кутб» уже умер.

В отчаянии я вернулся к шейху [Садр-эд-дину Ардебильскому] и подробно рассказал ему, что случилось со мной во время путешествия. Шейх сказал мне:

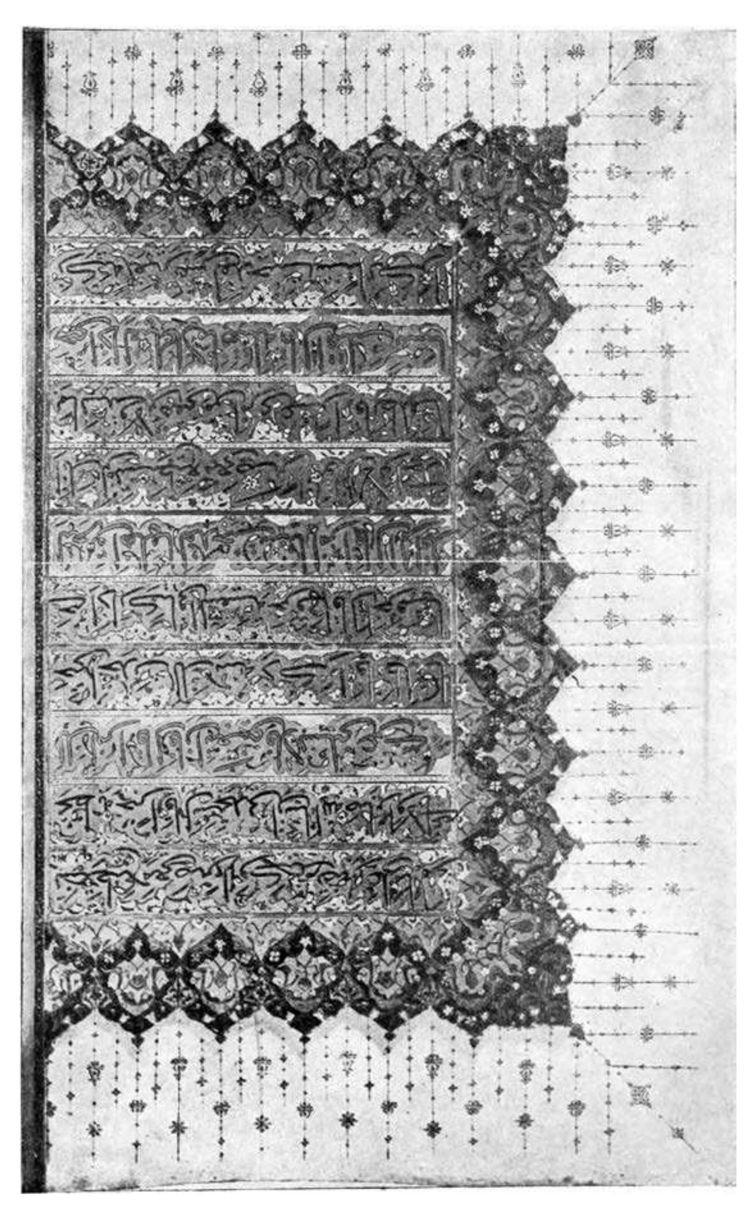
– Власть принадлежит только «кутбу», наместнику Аллаха, который по приказанию «кутб-уль-актаба» оказывает помощь «великому амиру»; к нему после смерти «кутба» переходит вся власть. Власть Кайсара[25] поддерживал один служитель Аллаха, он исчез, и власть Кайсара перешла к тебе.

---

23 *Кутб-уль-актаб* – святой из святых, высший, недосягаемый глава, шейх, достигший высшей степени в познании божества.

24 *Баб-уль-абваб* – ворота ворот.

25 *Кайсар* от к τσαϱ – Caesar – император (царь).

Коран. XVIII сура, 67–73 аят
Фотоснимок с рукописи Корана XVI в. б. Королевской библиотеки в Берлине

Слова почтенного [Кутб-уль-Арифина Садр-эд-дина Ардебильского] навели меня на мысли: «Теперь моя слава и величие достигли высшей степени, но и меня может постигнуть такая же участь; впрочем, я надеялся, что мое место займет какой-нибудь справедливый правитель».

Чтобы угодить Аллаху, я отпустил на волю четыре тысячи пленных «руми»; кроме того в 806 году [хиджры] я защитил Мавераннехр[26] от набегов узбеков[27], я прекратил разбои в этой стране.

[Хазрет Убайдулла]

За меня стали молиться во всех мечетях[28] имамы[29], стоящие на «минбарах»[30], стали возносить молитвы сайиды, улемы и шейхи. Нашелся один недовольный отношением ко мне духовных лиц, хазрет[31] Убайдулла, который громко высказал:

– Тимур – кровожадный турок, много народа он погубил, как можно молиться за него?!!

---

26 *Мавераннехр* (буквально: «то, что за рекою») – страна за Сыр-Дарьей вплоть до Аму-Дарьи.

27 *Узбеки* (буквально: «сами господа») – название народа, населявшего страну Джете, т. е. Восточный Туркестан со включением Джунгарии и Семиречья.

28 *Мечеть* первая устроена в Медине, когда Мухаммед переселился туда из Мекки; ее назначение было служить местом для молитвы «правоверных», а также для собраний их общины; по образцу первой мединской стали устраиваться мечети в других центрах, захваченных арабами.

29 *Имам* (буквально: «стоящий впереди») – духовный глава «правоверных», обязанный направлять их к точному исполнению законов веры, глава религиозной школы.

30 *Минбар* – возвышенное место в мечети.

31 *Хазрет* – почетный титул, прибавляемый к именам султанов, высших духовных лиц и т. д.

Вскоре после этих слов Убайдулла видит сон – самого Мухаммеда и меня, стоящего рядом с ним. Убайдулла трижды поклонился Посланнику Аллаха, но тот не обратил на него внимания, совсем не ответил на его поклоны. Убайдулла, огорченный, обратился к Посланнику Аллаха со словами:

– О Посланник Аллаха! Я – служитель твоего шариата, а Тимур – кровопийца, истребивший бесчисленное множество людей, и его ты принимаешь, а меня отвергаешь!?.

Посланник Аллаха ответил Убайдулле:

– Правда, по воле Тимура погибло и гибнет множество людей, но эту вину он вполне искупил глубоким почитанием сайидов; поэтому народ должен молиться за такого правителя.

После этих слов Посланника Аллаха Убайдулла проснулся; тотчас поспешил ко мне просить прощения за неприятность, которую он причинил мне, не зная, кто я.

Весь народ быстро узнал про это; все убедились, что за меня следует возносить молитвы Аллаху. Подвластные мне люди говорили:

«Да будет на нем милость Аллаха», поняв, что я пользуюсь особой его милостью. Я убедился, что Посланник Аллаха не отказывает мне в своем направительстве и помощи, и стал еще с большим уважением и заботливостью относиться к сайидам (потомкам Посланника).

[Помощь Аллаха Тимуру]

В 800 году хиджры я с четырехсоттысячной конницей двинулся к Эрзеруму. Я двигался по направлению к этому городу и внимательно наблюдал за тем, что делается вокруг пути. Я скоро заметил, что со стороны Ирака приближается к моему войску большая толпа народа. Через час богадуры, охранявшие движение войска, сообщили мне, что со стороны Ирака виден еще отряд арабов; еще через час я получил

новые вести: к моему войску прибыл большой отряд бедуинов и сайидов из Кербеллы[32] и Неджефа[33]; во главе отрядов стоял сайид Паттах, а перед ним несли белое знамя[34]. Я был рад прибытию таких подкреплений и думал: вероятно, эти люди пришли ко мне на помощь по воле Аллаха. Сайид Паттах приблизился ко мне и сказал:

– Мне явился во сне четвертый халиф Али и приказал:

«Доставь белое знамя брату моему Тимуру».

Жители Неджефа сказали: белое знамя доставлено мне, как помощь при осуществлении моего предприятия, как способ исполнить мое желание овладеть Эрзерумом. Я выслушал, пал ниц и принес благодарность Аллаху; потом я велел записать это событие в «*Историю моих подвигов*».

Одновременно улемы, бывшие среди приближенных ко мне людей, нашли в Коране аят, который указывал, что Рум должен пасть в этом же году; в это же время прибыл Инги-Тимур из своего убежища и поздравил меня с победой; я принял слово «победа» за хорошее предзновенование и передал ему белое знамя. Он взглянул на белое знамя и начал битву.

Аллах и в другое время постоянно помогал мне; так, когда я собирался походом против столицы Рума, я пожелал узнать наперед, осуществится ли мое намерение. Я отправился

---

[32] *Кербелла* – священный город шиитов (отвергающих «Сонну», т. е. книгу, где собраны предания о жизни Мухаммеда) в Ираке-уль-Арабе; в десятый день (так называемый «день Ашура») первого в году месяца мухаррема, в 61 г. хиджры (= 680 г. н. э) в битве под Кербеллой был убит Хусайн, сын Али, четвертого халифа «правого пути», и Фатимы, дочери Мухаммеда, т. е. внук самого Мухаммеда.

[33] *Неджеф* – священный город шиитов в Ираке-уль-Арабе, где погребено тело сына Али, Хусайна. Шииты покровительствуют «джехангиру» так же, как и сонниты.

[34] *Белое знамя («лива»)* – знак большой милости Мухаммеда к вождю, которому белое знамя посылается или достается; оно – символ непременной победы над неверными.

на могилу шейха Ясави и просил погадать мне[35]. Через гадание я узнал, что если во время войны мне будет грозить опасность, мне стоит лишь прочитать одно четверостишие, и успех всегда будет мне обеспечен.

[Магическое четверостишие]

О могущий ночь темную в день ясный превратить,
А землю всю – в цветник благоухающий;
О могущий все трудное на свете белом сделать легким, –
Пошли мне помощь в предстоящем трудном деле:
на легкое всю трудность измени.

Я твердо запомнил четверостишие; во время боя с Кайсаром семьдесят раз прочитал его про-себя и одержал блестящую победу.

[ХАКАН ТУКЛУК ТИМУР, ПОТОМОК ЧИНГИС-ХАНА, ПРИХОДИТ В МАВЕРАННЕХР. ПО СОВЕТУ ШЕЙХА ЗАИН-ЭД-ДИНА АБУ-БЕКРА ТАЙАБАДИ ТИМУР ПОДЧИНЯЕТСЯ ХАКАНУ]

Аллах оказал мне помощь и в 801 году [хиджры]. Потомок Чингиз-хана, хакан Туклук Тимур, двинул много воинов Джете для завоевания Мавераннехра и перешел у Ходжента Сайхун. Амиры Мавераннехра и Хаджи-Барлас сильно испугались, переправилась через Джайхун и искали спасения в бегстве в Хорасан.

Я был в тяжелой нерешимости: последовать ли общему примеру и спасаться бегством в Хорасан[36], или добровольно присоединиться к войску хакана Туклук Тимура?

---

[35] *Гадание* на могиле чтимых шейхов – очень распространенный у «правоверных» пережиток старинной магии, сильный не только в низах общества, но и у самого «джехангира», быть может, самого *суеверного* из всех окружавших и подвластных ему людей.

[36] *Хорасан* – северо-восточная провинция Персии.

Только одна дорога могла вывести меня из мучительного положения: совет моего уважаемого духовного руководителя, шейха Заин-эд-дина Абу-Бекра Тайабади; я немедленно написал ему письмо и спрашивал, как мне лучше всего поступить по отношению к хакану Туклук Тимуру?

Шейх написал мне в ответ:

«Четвертый халиф Али привел такое изречение:

«Если небо – лук, а судьба – стрелы, то стрелок – сам Аллах; куда убежишь [от него]?» «Прибегни к самому себе и присоединись к Туклук Тимуру, потому что он – тень Аллаха».

Я понял ответ почтенного шейха так, что Аллах велит мне действовать заодно с хаканом Туклук Тимуром и поспешил присоединиться к нему у Ходжента на берегу Сайхуна.

[Тимур подает советы хакану Туклук Тимуру]

Хакан Туклук Тимур был весьма доволен, что я добровольно присоединился к нему, и по воле Аллаха облек меня полным Доверием. Он во всяком деле совещался со мною и ни одного своего намерения не осуществил без разговора со мною.

Так, однажды Туклук Тимуру дали знать, что его амиры в Кипчакской степи[37] подняли знамя бунта. Хакан спросил меня, как лучше поступить: самому ли итти на кипчаков и примерно их наказать, или послать одних богадуров. Я подал ему совет:

– Если ты пошлешь кого-нибудь, то будет две опасности;

если пойдешь сам – одна опасность;

умный человек тот, кто предпочитает одну опасность двум.

---

[37] *Кипчакские* улусы. – Кипчаками писатели «правоверных» называли народ, известный под именем половцов; степи киргизские, уральские, приволжские и придонские носили название Дешти Кипчак.

Другой раз хакан Туклук Тимур просил моего совета по какому-то очень важному делу; я отвечал ему так:

– Твое величие подобно огромному шатру, который раскинут над всем Мавераннехром.

Столбы, которые поддерживают этот шатер, – справедливость; веревки, на которых покоится крыша, – беспристрастие; колья, которыми укреплена палатка, – правда.

Поддерживай этими тремя качествами твое величие, как колья, столбы и веревки поддерживают шатер;

всякий найдет спасение под сенью шатра, а бегущий прочь погибнет.

Шейхам, улемам и сайидам оказывай высокое уважение;

ко всем людям, тебе подвластным, богатым и бедным, относись справедливо;

хороших людей поощряй дарами, дурных старайся исправить наказанием;

снабжай воинов всем необходимым, а слугам своим плати жалование исправно; пусть твой воин будет убит, но жалование его должно быть уплачено.

Однажды приближенные хакана Туклук Тимура ограбили народ; пострадавшие принесли жалобу самому хакану. Туклук Тимур обратился ко мне за советом, я ответил:

– У турок ум такой же узкий, что и глаза; чтобы добиться от них преданности, необходимо насытить их глаза и сердце.

Туклук Тимур остался очень доволен моим советом.

Вскоре хакан отправился походом на кипчаков, сам предводительствуя своими воинами, а власть над Мавераннехром на время своей отлучки передал мне; он дал мне грамату[38], в которой значилось, что хакан Туклук Тимур отдал Мавераннехр брату своему Тимуру. Так было сделано, чтобы избежать притязаний со стороны врагов хакана Туклук Тимура и междоусобий.

---

[38] *Граматы* – документы феодального права.

Однажды во сне явился мне Посланник Аллаха и сказал:

– Тимур! семьдесят твоих потомков будут Правителями в награду за то, что ты с большим уважением относился к моему потомству [сайидам].

Я запомнил этот сон.

В 862 году [хиджры] хакан Туклук Тимур вернулся в Мавераннехр, заранее известив меня о своем прибытии. Я с большим торжеством встретил Туклук Тимура.

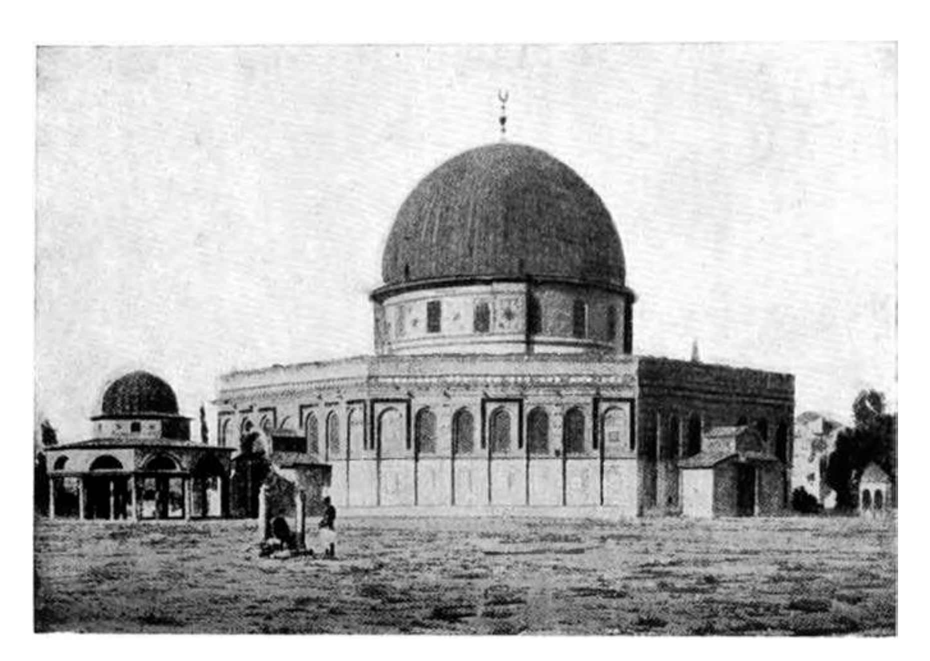
[Хакан Туклук Тимур передает власть над Мавераннехром своему сыну, Ильяс-Ходже, а Тимура оставляет главным начальником своих воинов]

По возвращении в Мавераннехр хакан Туклук Тимур, в нарушение данной мне граматы, передал высшую власть над страной своему сыну Ильяс-Ходже[39], а меня сделал главным амиром своих воинов. Такое унижение причинило мне большое горе: я был глубоко обижен, что у меня отняли власть и сделали только главным начальником воинов.

Туклук Тимур узнал, что я очень недоволен его распоряжением, он позвал меня к себе и показал мне завещание предка моего, Качули-богадура. На стальной доске было начертано, что наследование достоинства хана предоставлено потомству Кабыль-хана, а потомству Качули-богадура – наследование высшей власти над всеми воинами. Завещание требовало от представителей того и другого рода поддерживать друг друга и никогда не враждовать между собою из-за власти. Я убедился, что назначение меня главным амиром воинов согласно с волею моих предков, и успокоился.

---

[39] *Ходжа* (буквально: «старик», «господин», «хозяин дома») – название сословия, ведущего происхождение от четырех халифов «правого пути» (от их детей, рожденных не дочерьми Мухаммеда, а другими женами).

Мечеть Омара
Фотоснимок Bonfils в Бейруте

[Ильяс-Ходжа у власти; бесчинства узбеков. Тимур самовольно укрощает узбеков и приобретает глубокую ненависть с их стороны]

Ильяс-Ходжа не обладал качествами, необходимыми для правителя: ни амиры, ни узбеки не слушались его. Однажды жители Мавераннехра пожаловались мне, что узбеки требуют выдать им тысячу девушек. Я сказал об этом Ильяс-Ходже; он запретил узбекам такое насилие, но те не обратили внимания на его распоряжение.

В это же время некоторые из сайидов Персии пожаловались, что узбеки схватили и увели в плен семьдесят сайидов. Эта дерзость вывела меня из терпения: я быстро двинулся в погоню за узбеками и освободил сайидов из плена. Узбеки возненавидели меня; они сделали донос хакану Туклук

Тимуру, будто я намерен восстать против него и сделаться самостоятельным правителем. Хакан Туклук Тимур прислал грамату с приказанием казнить меня за измену, грамата случайно попала в мои руки, я принял все меры, чтобы предохранить себя от совершенно незаслуженной казни.

[Письма шейха Заин-эд-дина Абу-бекра Тайабади Тимуру]

Как раз в это время явился мне во сне Посланник Аллаха и сказал, что в награду за освобождение из плена семидесяти сайидов семьдесят поколений моих потомков будут правителями. Я проснулся и немедленно написал о своем сне духовному покровителю, шейху Заин-эд-дину Абу-Бекру Тайабади.

Старец в скорости прислал мне в ответ[40], что мой сон предвещает для меня бесчисленное множество побед в будущем. Шейх рассказал мне про случай с одной женщиной – матерью Сабук-Тагина[41]; ей было обещано, что ее потомки будут правителями только за то, что она спасла от смерти козу.

«Эта женщина спасла от смерти только козу, – писал мне шейх Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади, – а ты освободил из плена семьдесят сайидов, ты можешь быть вполне уверен, что за такое великое дело тебя в будущем ожидает великая награда.

---

[40] *Толкование сновидений* – одно из трех важнейших знаний, которыми обладали так называемые «познающие арабы» еще до Мухаммеда и которые остались ценными и после него: 1) знание генеалогий и исторических предании (после Мухаммеда – «хадисы»); 2) толкование снов; особенно славился своими толкованиями первый халиф Абу-Бекр; 3) звездочетство и связанные с ним прорицания и пророчества (астрология).

[41] *Сабук-Тагин* – султан (977–997 н. э.) города Газны в Афганистане, отец знаменитого султана Махмуда (998–1030).

Вещий сон исполнился: еще при моей жизни шесть моих сыновей сделались правителями.

Вскоре я получил от почтенного шейха Заин-эд-дина Абу-Бекра Тайабади еще другое письмо; там он писал, что Аллах поставил меня хранителем своего царства, а Посланник Аллаха вручил мне ключи от него.

Узбеки горели сильной враждой против меня, а от хакана Туклук Тимура пришла вторичная грамата с приказанием убить меня; узбеки порешили убить меня исподтишка и стали ждать удобного случая, чтобы покончить со мной.

Я стал опасаться измены со стороны окружавших меня амиров и под предлогом охоты выехал из Самарканда и укрылся на одном мазаре; я склонил голову на камень и крепко уснул; какая-то птица распростерла надо мной свои крылья и так прикрыла мою голову, что лучи солнца нисколько не беспокоили меня. Меня разбудил проходивший мимо гуртовщик баранов словами:

– Без бега[42] – ты бег.

Эти слова я принял за хорошее предзнаменование и отважился вернуться в Самарканд.

[«Фетва» (жителей Самарканда Тимуру]

Я получил «фетву»[43] от знатных людей Самарканда:

«От насилий узбеков мир пришел в расстройство; люди уважаемые оскорблены; имущество правоверных разграблено.

Мы, факиры[44], шейхи, сайиды, решили как один подчиниться тебе, Тимур.

---

[42] *Бег, бий, бей* – тюркское слово, значит: «государь, господин мой», употребляется для обозначения старшин рода, племени и феодалов средней руки.

[43] *«Фетва»* – мнение, заключение обязательного юридически-морального характера со стороны мухаммеданских законоведов.

Если приложишь все силы и истребишь узбеков, мы все как один встанем за тебя.

Если же не защитишь нас от узбеков, то в день Страшного Суда[45] будем обвинять тебя перед Аллахом».

Я написал о «фетве» шейху Заин-эд-дину Абу-Бекру Тайабади и скоро получил от него ответ: старец приветствовал меня за честь, какую оказали мне сайиды и улемы.

«Эта “фетва” – решающий довод, – писал шейх, – халифы “правого пути”[46] одобряют твое назначение».

Я понемногу стал собирать воинов и готовиться к выступлению в поход, чтобы наказать узбеков, но у меня не было друга, которому я мог бы открыть свою тайну; население

---

[44] *Факиры* (арабское fukr, персидское «дарвеш», откуда название «дервиш») – нищенствующие бродячие монахи «правоверных».

[45] *Страшный Суд, Последний Суд,* наполняет целый ряд сур Корана, является любимой и наиболее разработанной идеей ислама. Вот наиболее важные места из Корана: 1. Когда солнце согнется; 2. Когда звезды упадут; 3. Когда горы приведутся в движение; 4. Когда самки верблюдов будут оставлены; 5. Когда дикие звери соберутся толпами; 6. Когда моря закипят; 7. Когда души совокупятся; 8. Когда спросят заживо погребенную девушку; 9. За какое преступление ее заставили, умереть; 10. Когда лист книги развернется; 11. Когда небеса отложатся в сторону; 12. Когда пламень ада помешают кочергою, чтобы лучше горел; 13. Когда рай приблизится; 14. Тогда всякая душа узнает сделанное ею дело. *(LXXXI сура, 1–14 аят)* 1. Когда разверзнется небо; 2. Которое будет повиноваться Аллаху и постарается исполнить его повеление; 3. Когда земля будет распростерта ровным пластом; 4. Когда она выбросит из недра своего все, что содержала и оставляла нетронутым; 5. Когда она будет повиноваться Аллаху и постарается исполнить его повеления; 6. Тогда ты, о человек, желавший бы увидеть Аллаха твоего, увидишь его. 7. Кому дадут книгу его дел в правую руку, 8. Тот будет сужден с кротостью; 9. Он радуясь возвратится в свое семейство. 10. Кому дадут книгу его дел назад к спине, 11. Будет призывать смерть, 12. Когда будет гореть в огне. 13. На земле он веселился среди своего семейства, 14. Он воображал, что никогда не явится перед Аллахом; 15. Но Аллах видел все. (*LXXXIV сура, 1–15 аят)*

[46] *Четыре халифа «правого пути»:* 1) Абу-Бекр, 2) Омар, 3) Отман, 4) Али.

Самарканда, правда, подчинялось мне, но я не решался поднять открыто знамя восстания. Моя тайна распространилась среди народа, узбеки узнали о грозившей им опасности и поспешили собраться в одно место.

В это самое время я снова получил письмо от почтенного шейха Заин-эд-дина Абу-Бекра Тайабади: он писал мне, что Посланник Аллаха пошлет мне помощь в задуманном мною деле. Это письмо принесло мне громадное успокоение.

В это время хакан Туклук Тимур снова прислал грамату с приказом казнить меня; поэтому святой амир Куляль дал мне совет – немедленно удалиться в Хорезм.

– Всегда следует отступать перед превосходными силами и удаляться от врага, которого не можешь одолеть; так поступали пророки, – сказал мне амир Куляль.

Я пожелал узнать, что меня ожидает в пути, и загадал по Корану; мне открылся аят:

«Солнце течет к назначенному месту: такова воля Сильного, знающего». *(Коран, XXXVI сура, 38 аят.)*

Я понял, что путешествие мое обещает быть благополучным, и окончательно решил двинуться в дальний путь-дорогу.

[Четыре правила шейха Заин-эд-дина]

Перед отъездом я написал письмо шейху Заин-эд-дину Абу-Бекру Тайабади и в 864 году [хиджры] с шестьюдесятью всадниками выехал из Самарканда в Хорезм[47]. На пути я получил такой ответ от шейха:

«Тимур, усвой себе четыре качества.

Первое. Всякое путешествие совершай по примеру Посланника Аллаха, всякое дело начинай по благословению и с помощью Аллаха.

---

[47] *Хорезм* – область Хивы.

Второе. В своих делах руководись всегда примером пророка Ибрахима[48], наблюдай, чтобы во время твоего правления в подвластных тебе странах не совершилось прелюбодеяния или других тяжких преступлений.

По своей настойчивости не уступай аисту. Один аист в своем гнезде нашел маленького вороненка. В течение трех дней аист не обращал на вороненка ни малейшего внимания; на четвертый день слетелись четыреста аистов и умертвили хозяина гнезда за то, что нашли у него в гнезде вороненка.

Третье. Всякое дело, по примеру Посланника Аллаха, начинай не иначе, как по совету с другими людьми; были правители, которые всякое дело делали по самоволию, не беря ни у кого совета; но было ли продолжительным величие таких правителей?

Четвертое. Следуй примеру четырех халифов "правого пути"; будь храбр, заботлив и щедр; всякое дело делай с особым вниманием. Следуй примеру птиц, которые с большим вниманием и осторожностью разбивают яйца, из которых вылупливаются цыплята».

[Путь из Самарканда в Хорасан]

Во время пути из Самарканда в Хорасан совершенно неожиданно ночью на меня напала тысяча всадников. Со своими шестьюдесятью богадурами я одолел врагов. Шестьсот человек сложили свои головы в этом кровопролитном бою. Потом у меня было единоборство с Тугуль-богадуром, и я одолел его: богадур раскаялся в том, что боролся со мной.

Я отправился далее в Хорасан, но меня неожиданно захватил в плен хан Али-бег Джаны-Курбаны. Два месяца томился

---

[48] *Авраам (Ибрахим)* – великий пророк «правоверных», поставленный «имамом» для народов *(Коран, II сура, 118–119 аят)*; разбивший свой стан в Мекке *(III сура, 89–91 аят)*; сокрушитель идолов *(VI сура, 76, 83 аят)*.

я в кишевшей паразитами темнице. Наконец мне удалось выбрать удобное время и бежать из тюрьмы. Я вооружился мечом, дерзко прошел мимо своих караульных: никто из них из страха не решился преградить мне дорогу. Прямо из темницы, вооруженный мечом, я пошел к хану Али-бегу Джаны-Курбаны. Как раз в это время хан получил письмо от своего брата, Мухаммед-бега Джаны-Курбаны. Он писал, что в случае, если Тимур посетит страну, подвластную Али-бегу, следует принять его с надлежащим почетом и уважением. Али-бег Джаны-Курбаны прочитал письмо, увидал меня перед собой и просил меня простить за то, что, не зная, кто я, так жестоко обошелся со мной.

[ВСТРЕЧА ТИМУРА С ЗВЕЗДОЧЕТОМ[49]]

Пришлось мне однажды встретиться со звездочетом; он справился с положением звезд и решил, что моя жизненная судьба находится под влиянием звезды Джадда[50]. Это говорит о совершенстве, долгой жизни, славе и могуществе, – сказал мне звездочет.

– Когда твоя судьба станет в зависимость от положения звезды Зухаль, ты превзойдешь остальных правителей и одолеешь всех своих врагов. Когда солнце достигнет своего четвертого дома – созвездия Овна[51] – ты овладеешь престолом великого хана, придашь блеск своему царству и доставишь победу вере Посланника Аллаха. Когда звезда Муштари придет в пятый дом[52], потомство твое умножится,

---

[49] *Астрология,* звездочетство – определение судьбы отдельных людей и целых народов по расположению небесных светил, третье из знаний «познающих арабов»; составление гороскопов у великих и мелких владык было постоянным обычаем и Востока, и Запада.

[50] *Джадда* – двенадцатый знак Зодиака – «Козерог».

[51] Здесь – путаница: четвертый знак Зодиака не «Овен», а «Телец».

[52] Пятый знак Зодиака – «Близнецы».

слава правления твоего потомства будет жить во всем мире. Звезда Муштари покровительствует соблюдающим шариат. Если твои потомки будут руководиться в своих делах правилами шариата, их величие будет расти; если, наоборот, они будут действовать против шариата, – величие их быстро рассеется.

[Сон амира Тарагая, отца Тимура]

В молодости я слышал от своего отца, амира Тарагая, рассказ об удивительном сне, который ему привиделся.

– Однажды я увидел во сне, что ко мне подошел красивый молодой человек, похожий лицом на араба, и вручил мне меч[53]; я взял меч в руки и стал размахивать им по воздуху; блеск стального клинка осветил весь мир.

Я просил амира Куляля объяснить этот сон. Амир Куляль сказал мне, что сон этот пророческий, что Аллах пошлет мне сына, которому суждено овладеть всем миром, обратить всех в ислам, освободить землю от мрака новшеств и заблуждений.

Сон, действительно, исполнился: в 733 году [хиджры] Аллах дал мне тебя, сын мой. Как только ты появился на свет, я отнес тебя к шейху Шамс-эд-дину.

Когда я пришел, шейх читал Коран и остановился на следующих словах: «Ужели не опасаетесь, что тот, кто на небе, может велеть земле поглотить вас; она уже колеблется». (*Коран, XVII сура, 16 аят*.)

Так как в этом аяте Корана встречается, слово «Тамурру»[54], то мы и нарекли тебе имя Тимур.

---

[53] *Меч* – главное оружие амиров и богадуров, символ мужской силы и власти; меч, освещающий блеском своего стального клинка весь мир, – перст Аллаха, указующий будущего владыку мира.

[54] *Tamurru* – «поколеблется».

Я выслушал рассказ своего отца Тарагая, как, при каких обстоятельствах мне дано было имя, узнал, что это имя заимствовано из Корана, принес хвалу Аллаху и прочитал суру Корана, озаглавленную «Табарак».

[Пророчества об овладении Тимуром миром]

Однажды я видел во сне, будто я закинул невод в большую реку; невод охватил всю реку, и я посредством него вытащил на берег одновременно всех рыб и животных, населяющих воды. Толкователи объяснили этот сон, как предвестник великого и славного моего царствования, настолько славного, что все народы мира подчинятся мне.

По совету шейха Камаля, я отправился к сайиду Кулялю; сайид при встрече принес мне поздравление с вступлением на престол великого хана, который я должен передать своему потомству. После таких слов уважаемого сайида Куляля я пришел в великую радость и стал стремиться к тому, чтобы овладеть всем миром.

[Сверхъестественные удачи Тимура]

Однажды я встретился с военачальником страны Джете[55], амиром Сайид-Байгубаром. Этот амир с шестью тысячами всадников напал на меня на берегу реки Балх[56]. У меня в это время было всего-навсего около тысячи всадников. У моего противника было так много войска, что все мои воины, как только увидали его, упали духом – как я заметил. Но удивительное счастье выручило меня: амиры

---

[55] *Джете* – название страны, включавшей Восточный Туркестан, Джунгарию и Семиречье.

[56] *Балх* – река в Северном Афганистане, на которой стоял «мать городов» Балх, старинная цитадель, центр арабской науки, в 1220 г. разрушенный Чингис-ханом; вошел в состав Афганистана в XVIII веке.

Джагуй-Барлас[57], Ингу-Тимур, Муса и Сулейман неожиданно прислали мне в помощь еще тысячу всадников. При такой поддержке мне удалось наголову разбить войска амира Сайид-Байгубара.

Ильяс-Ходжа, сын хакана Туклук Тимура с тридцатью тысячами всадников перешел каменный мост и разбил шатер. У меня было в это время всего-навсего только шесть тысяч всадников, да и те пришли в уныние: на стороне врагов был громадный, пятикратный перевес в силах. Удивительное счастье опять повезло мне: как раз в это самое время пришел отряд от хорасанских сайидов, которые жили в Термезе; отряд поспешно присоединился к моим воинам. Хорасанцы сумели поднять дух моих воинов; они сейчас же освободились от гнетущего страха перед впятеро сильнейшим неприятелем.

Я вступил в бой с Ильяс-Ходжой и одержал над ним решительную победу. Еще перед сражением, когда я расположился в виду войск Ильяса-Ходжи и приготовился вступить в бой, пришло время «намаза», и я стал на молитву. Когда я сделал поклон до земли, то услышал чей-то голос, сказавший: «Тимур, тебе дарована победа!»

Я поднял голову, осмотрелся: подле меня никого не было. Я понял тогда, что слышал голос из «мира тайн», и принес Аллаху благодарность за помощь свыше.

Я пошел походом на Персию. Совершенно неожиданно шах Мансур с пятью тысячами всадников напал на меня. Я велел поскорее собрать воинов, вооруженных пиками, чтобы отразить натиск врага; таких воинов, к моему великому горю, совершенно не оказалось. Ко мне явилась помощь,

---

[57] *Барлас* – название одного из четырех великих племен (кланов) Мавераннехра; наименование клана присоединилось к именам амиров и остальных крупных феодалов, например, в данном случае – к имени амира Джагуя.

откуда я и ждать не мог: всадник, похожий лицом на араба, вооруженный пикой, прискакал с криком:

– Алла, дай победу Тимуру!

Шах Мансур, перепуганный криком незнакомца, без чувств свалился с коня; его поднял на своего коня и увез шах Рух. Всадник, который так неожиданно явился мне на помощь, исчез неведомо куда.

Я овладел столицей Персии; я потребовал от амира Хусайна сдачи крепостей Шадман, Балха и Бадакшан. Одновременно досточтимый шейх Заин-эд-дин Абу Бекр Тайабади прислал мне письмо; он писал, что ключи Хорасана тоже вручены мне. Такая радость внушила мне прочную уверенность, что мое предприятие – овладеть Персией – кончится полной удачей.

[Хызр оказывает помощь Тимуру]

В 837 году [хиджры] я перешел Джайхун и овладел Гиас-эд-дином и Кентом, а также всеми драгоценностями и добром, какие там были. Как сообщил мне сайид Мухаммед-Гису-Дараз, амир Сайид-Али велел передать мне, что сам Хызр окажет мне помощь.

Когда Хызр[58] являлся в Самарканде, мне суждено было увидать его чудеса; он сказал мне несколько неприятных слов; мне невыразимо горько было их слышать. Уезжая из Самарканда, я был в сильном смущении, что своей обидой на слова Хызра я огорчил его самого.

---

[58] *Хызр* – великий святой «правоверных», покровитель путников; незримый, он ходит постоянно по земле и выручает из беды. По казанскому преданию, каждый человек видит Хызра три раза в своей жизни, но не узнает его. Он является под видом или нищего или странника и т. п. Если узнать его в это время и попросить у него счастья, он осчастливит на всю жизнь, но это редко кому удается («Кызыр» – № 21 из собрания казанских и алтайских сказок Г. Н. Потанина).

Но теперь, когда пришла весть от амира Сайид-Али, я успокоился; я понял, что Хызра никогда не мог оскорбить обыкновенный смертный вроде меня.

[Тимур распространяет ислам]

Я разрушал до основания капища, где местные жители поклонялись своим идолам, и распространял веру Посланника Аллаха (ислам). Самое большое капище было у Тугуль-богадура. Когда я решил разрушить капище, ко мне обратились брамины, принесли в дар много золота и просили пощадить их святилище. Я не обратил внимания на просьбы и приказал прогнать их. В капище было много идолов и рядом – статуя человека. Я приказал разбить эту статую, но один из браминов упорно просил меня оставить в неприкосновенности статую очень чтимого язычниками великого чудотворца. Брамин говорил, что этот чудотворен; имел такую силу, что в одну ночь мог иметь совокупление с тысячью шестьюстами женщинами. Я ответил брамину, что шейтан[59] еще сильнее их чудотворца, потому что он может в одну ночь совокупиться с бесчисленным количеством женщин.

[ВЕЩИЕ СНЫ ТИМУРА]

При начале всякого дела я неизменно вверял себя воле Аллаха и не справлялся, соответствует ли данный момент началу задуманного мною дела. Однако звездочеты находили всякий раз, что всякое свое дело я предпринимал как раз в такое время, какое соответствовало данному делу по расположению звезд.

---

[59] *Шейтан* (сатана), Эблис (дьявол) встречается уже в очень древних верованиях семитов, почти всегда ассоциируясь с рассказами о падении ангелов и человека. В Коране много раз упоминается под именем Эблиса в рассказе о сотворении человека, когда вопреки воле Аллаха он отказался поклониться человеку.

Исход всякого трудного дела, какое только я ни предпринимал, мне был заранее известен: я узнавал грядущее по сновидениям.

Так, когда хакан Туклук Тимур впервые пришел в Мавераннехр, я увидел во сне, будто ко мне подлетела птица шагин и уселась мне на руку: в это время подошло много коров, и я их подоил. Мне объяснили, что этот сон предвещает мне счастье: птица, усевшаяся мне на руку, означает могущество, а множество коров предвещали многие выгоды для меня. И действительно, сон мой сбылся: я присоединился к хакану Туклук Тимуру и получил от него много милостей.

Амир Хусайн, внук амира Казгана, из Кабула пришел отобрать земли, принадлежавшие его отцу. В свое время я оказал ему большую помощь; он тем не менее решил убить меня, хотя его сестра была моей женой (то есть мы были родственниками); чтобы примирить его с собой, я сделал его наместником Балха; вышло иначе, чем я предполагал: он не только не перестал враждовать со мной, а наоборот, почувствовал свою силу и задумал воевать со мной. Я тоже стал готовиться к борьбе с амиром Хусайном. Во время приготовлений я видел сон, будто амир Хусайн на серебряном блюде принес мне меч, а его клинок был весь сплошь облеплен мухами. Этот сон истолковали так, что мне обещана помощь имама Хусайна, потомка Посланника Аллаха. По смыслу сна, величие амира Хусайна должно было перейти ко мне, а его самого мне суждено было убить. Все сбылось со временем. Я выразил благодарность за помощь мне потомку Посланника Аллаха паломничеством на священную могилу имама Рузи.

Однажды во время бегства из Самарканда я увидел себя во сне плачущим; черный ворон сел мне на плечо, и рой мух со всех сторон слетался ко мне. Я отогнал мух и проснулся

в самом дурном расположении духа. В это самое время Тугуль-богадур напал на меня с тысячью всадников. Я понял, что мой плач во сне и черный ворон означали предстоящее мне горе, а множество слетевшихся мух – войско Тугуль-богадур а, которое мне суждено было победить. Сон сбылся: вскоре я вступил в бой с войсками Тугуль-богадура и разбил их наголову.

Когда я отправился в Балх, мне приснился сон, будто мне поднесли несколько сосудов для вина, а я их разбивая, ударяя одним сосудом по остальным. Меч свой я увидел иззубренным и счел это за дурное предзнаменование. Шах Персии Мансур напал на меня с пятью тысячами всадников; я одержал над ним полную победу и рассеял всех его воинов; остатки бежали в страну кипчаков.

Однажды Тохтамыш-хан, позабыв мою дружбу, все услуги, какие я ему оказал в разное время, с громадным войском пришел воевать со мной. Я пытался усовестить его, написал письмо, где просил оставить зло на меня, вспомнить все хорошее, что я ему когда-то делал, и грозил жестокой местью за неблагодарность. Мне приснилось в это время, будто луч солнца с востока упал мне на голову, а потом как бы потух и исчез. Толкователи снов объяснили мне, что луч солнца с востока и его исчезновение означают нашествие Тохтамыш-хана и полное его поражение в борьбе со мной. Так и сбылось.

Когда я двигался в сторону Ирака, мне приснился сон, будто ко мне пришло множество львов и скорпионов. Через день амиры этой страны явились ко мне с изъявлением покорности, и я овладел всем Ираком.

Собираясь в поход в Индустан, вижу себя во сне в роскошном саду, полном деревьев, обремененных плодами. Птицы в ветвях деревьев свили множество гнезд. Я взял

пращу и разорил все эти гнезда. Толкователи объяснили мне, что сон предвещает полную удачу моего похода на Индустан. Сон вполне сбылся: я овладел Индустаном и разорил там множество городов.

Когда я двинулся с войском в Сирию, против меня соединились войска Сирии, Египта и Турции. Казалось очень трудным воевать против воинов могущественных султанов. Я прочел «салат» и лег спать. Во сне я увидел, что я восхожу на высокую гору. Над моей головой нависли свинцовые тучи, меня окутала мгла тумана. Однако скоро тучи разразились сильнейшим ливнем, а туман после дождя рассеялся. Толкователи объяснили, что этот сон предвещает мне полную победу над всеми врагами.

– Гора, – объясняли мне, – это столица Сирии – цель твоего похода; тучи и туман – воины твоих врагов, а дождь – это твои воины. Как дождь, выпав, рассеял тучи и туман, так и твои войны, обрушившись на полчища врага, рассеют их.

Этот сон сбылся в точности: мои войска разбили и рассеяли бесчисленные полчища сильнейших врагов.

Однажды, когда у меня было всего-навсего сто тысяч войска, на меня напал Кайсар, царь Рума, с четырехсоттысячным войском. Я предал себя воле Посланника Аллаха, прочитал «салат» и лег спать. Мне снилось, будто я нахожусь в пустыне, вокруг меня множество народа, а вдали виднеется свет. Я поспешил по направлению к свету. По дороге я увидал три кучки золы и поехал дальше; скоро я догнал пять человек, которые шли впереди меня. Вдруг поднялась сильная буря; один из пятерых людей, шедших по дороге, объяснил мне, что означает эта буря: это Посланник Аллаха восходил на небо. Я подошел и, к великому счастью, мог поклониться Посланнику Аллаха. У одного из пятерых, встреченных по дороге, был в руках «батик»[60]; по повелению Мухаммеда я вынул

[60] *Батик* – холодное оружие, палка с металлическим шаром на конце.

его из рук встреченного человека, одного из пяти, и взял себе. Проснулся я радостный, что видел во сне самого Посланника Аллаха и получил от него такие знаки внимания. В этот же день рано утром я вступил в бой с Кайсаром, схватил белое знамя, привел в полный беспорядок и разогнал все его войско.

Индусский сказочный ландшафт
Миниатюра к Харири. Парижская рукопись

Во время сражения я очень устал и почувствовал себя крайне нездоровым. Мысли о смерти пришли мне в голову; забота отягощала мое сердце, что будет с моим царством в случае моей смерти, кого из моих сыновей следует назначить преемником. Посланник Аллаха успокоил меня, открыв, что семьдесят поколений моих потомков будут правителями. Я увидел сон, будто нахожусь под деревом, которое раскинуло надо мной свои развесистые ветви и защищало меня

от солнечных лучей; в чаще ветвей шумели различные птицы и насекомые; все они ели плоды тенистого дерева, под сенью которого я отдыхал; я сам попробовал плодов: одни из них оказались сладкими, другие – кислыми. Во сне я услышал таинственный голос, что дерево, которое я видел, – это мое потомство. Когда я проснулся, толкователи объяснили мой сон таким образом:

– Дерево – это ты, ветви с листьями – твое потомство, а птицы и насекомые, евшие плоды с дерева, – подвластные тебе народы, которые получают от тебя щедрые и обильные блага.

Однажды, озабоченный своими делами, я заснул и вижу во сне, будто меня со всех сторон окружают ужасные фигуры «джиннов», свиней, безобразных мужчин й отвратительных женщин, диких зверей и птиц. Я проснулся в ужасе и немедленно написал письмо моему духовному руководителю, шейху Заин-эд-дину Абу-Бекру Тайабади. Скоро я получил от шейха ответ:

«Ужасные фигуры, которые ты видел во сне, – это твои нехорошие дела; тебе нужно покаяться во всем зле, какое только ты учинил».

Я немедленно исполнил совет почтенного старца, и скоро мне приснился сон, совершенно непохожий на виденный раньше ужасный. На этот раз я увидал, будто отдыхаю в роскошном саду[61]; там всевозможные великолепные цветы, различные фруктовые деревья, посреди сада протекают большие реки, мой слух ласкают нежные звуки музыки.

Я снова написал письмо уважаемому шейху Заин-эд-дину Абу-Бекру Тайабади. Скоро пришел и ответ от шейха:

---

[61] *Прекрасный сад* – обычная символика райских наград. В Коране «фирдус» (рай) и «дженнет» (сад) употребляются безразлично для обозначения местопребывания праведных.

он писал, что видел очень хороший сон, что мое раскаяние[62] принял Аллах и простил мне все нехорошие дела.

«Посланник Аллаха сказал, что к каждому человеку приставлен "джинн" (гений), который наблюдает за его поступками, подстрекает его к дурным делам; раскаянием в злых делах ты одолел своего "джинна"; всякому правоверному следует раскаянием и делами добрыми с помощью Аллаха преодолевать силу своего "джинна".

Когда я собирался в поход из Самарканда в Китай, мне приснилось, будто я с ветвей большого дерева слез на землю; на голове у меня была чашка с водой, которая при этом упала и разлилась; в это время мой отец, амир Тарагай, взял у меня из рук лошадь и повел меня в сад; там он меня оставил, а сам исчез неведомо куда. Толкователи дали объяснение привидевшемуся мне сну, но я не поверил им и положился всецело на волю Аллаха.

В это же время я видел и другой сон: будто я заблудился в пустыне, где были дикие звери; я прошел пустыню и попал в сад: там было множество разнообразных плодов и музыкальные инструменты; в саду же находился громадный трон; около трона стояла высокая башня, а на вершине башни сидели какие-то люди; пред каждым из них лежала книга, и они что-то вписывали перьями в эти книги. Я спросил у них, что они пишут, и получил в ответ, что их дело вести запись тому, что должно случиться в жизни с каждым человеком. Я заинтересовался и стал их расспрашивать, кто записывает события моей грядущей жизни, но тут внезапно проснулся, сильно встревоженный сновидением.

---

[62] *Раскаяние* – «Сам Аллах старается примириться с теми, которые согрешили по неведению и тотчас же раскаиваются; Аллах прощает их... Раскаяние совсем бесполезно тому, кто постоянно делает дурные дела и только при приближении смерти кричит: "Я раскаиваюсь". Для тех нет пользы, кто умирает неверующим; мы приготовили для них жестокое наказание». *(Коран, IV сура, 21–22 аят)*

Когда я овладел Персией, жители Шираза[63] при содействии шаха Мансура убили поставленного там моего наместника. Я приказал тогда истребить всех жителей Шираза. Ко мне пришел сайид Джамиль-уль-Кадыр и просил помиловать ширазцев; я не обратил внимания на заступничество сайида.

В следующую уже ночь я увидал во сне Посланника Аллаха, который сурово сказал мне:

– Тимур! ты не уважил просьбы моего потомка и не помиловал населения Ширака, а разве ты сам не нуждаешься в моем ходатайстве?

Я проснулся в страхе, что навлек на себя гнев Посланника Аллаха.

Я сейчас же отправился к сайиду Джамиль-уль-Кадыру и просил простить меня за то, что я не исполнил его просьбы. Я не только помиловал жителей Шираза, но и послал им богатые подарки, а Махмуду-Ходже пожаловал страну Мегриджан. Я теперь хорошо понял, что следует беспрекословно исполнять все, что скажут сайиды, оказывать всевозможное почтение всем потомкам Посланника Аллаха, в моем сердце укрепилась пламенная любовь к потомству Посланника Аллаха.

Обо всем, что случилось, и виденном сне я немедленно написал письмо почтенному шейху Заин-эд-дину Абу-Бекру Тайабади и скоро получил от него ответ следующего содержания:

«Пусть Аллах пошлет тебе все, что ты ни попросишь.

Внуши своим детям, что милость Посланника Аллаха необходима каждому человеку, от самого великого до самого презренного.

---

[63] *Шираз* – город в Персии, родина знаменитых поэтов: Саади (Мушариф-эд-дина), автора «Гюлистана» («Сада роз») и Хафиза, знаменитого лирического поэта Персии XIV века.

Любовь и почтение к сайидам – залог спасения в этом и будущем мире. Всякий раз, когда становишься на пятикратную молитву, воздай прежде благословение сайидам, чтобы твой “намаз” был угоден Аллаху.

Если ты будешь исполнять все это, ты можешь надеяться на награду в будущей жизни.

Оказывай больше внимания и почтения потомкам Посланника Аллаха».

[Вещий сон амира Тарагая, отца Тимура]

Отец мой, амир Тарагай, рассказывал мне, что еще до моего рождения он видел однажды во сне, будто ему вручили меч, блеском которого озарился весь мир; из рук его поднялись пары, обратившиеся в воздухе в капли, которые и упали на землю дождем. Толкователи объяснили моему отцу его сон так, что его потомки будут правителями, что между остальными детьми у него родится сын, который силою оружия подчинит себе весь мир; все народы мира будут ему подвластны. Сон сбылся: вслед за этим сном родился я.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ СЕМЬ ЛЕТ

Меня отдали в школу, где вручили табличку слогов, я скоро выучился читать и радовался своим успехам.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДЕВЯТЬ ЛЕТ

Я научился пятикратной молитве, стал старшим учеником во всей школе. Во всех общественных собраниях, где мне случалось бывать, я старался занять место поблизости к улемам, при этом я всегда сидел, поставив колена на землю, я всегда старался держать себя так почтительно перед старшими.

На улице я играл с детьми; моей любимой игрой была война; я делил своих сверстников на две части и устраивал

примерные сражения между ними, себя самого я всегда провозглашал амиром и руководил военными действиями.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

Я уже стыдился детских игр и старался проводить время среди равных себе юношей.

С семи и до семидесяти лет, всю свою долгую жизнь, я щедро помогал нищим. Одежду, раз надеванную, я уже не надевал другой раз, а отдавал бедным. Когда я достиг величия и славы, я возвеличил и всех товарищей моего детства. Ежедневно я приказывал заколоть одного барана для бедных: тушу разрезали на семь частей и раздавали мясо тому, кто особенно нуждался.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ

Я любил одного мальчика, у которого был другой товарищ, по имени Муллача, с очень дурными наклонностями. Этот Муллача однажды сказал мальчику, с которым я был дружен:

– Я у тебя прошу ласки.

Мальчик ответил:

– Проси у меня поцелуя.

Муллача ответил:

– Что мне пользы от твоего поцелуя?

После этого случая я избегал быть в обществе таких дурных товарищей.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Я очень полюбил: охоту верхом и скоро достиг блестящих успехов в искусстве верховой езды.

Однажды я отдыхал на берегу реки. К реке подошел какой-то турок с чрезседельником в руках. Вскоре к тому же месту

пришла неизвестная женщина, невидимому, почерпнуть воды. Турок, увидав женщину, бросился на нее, желая изнасиловать. На крики женщины в помощь ей прибежал ее родственник и хотел защитить от турка, но тот оказался всех сильнее: он связал прибежавшего защитника чрезседельником, потом женщину поясом и на глазах у меня совершил совокупление с женщиной. Я смеялся всему, что видел, но одновременно твердо решил уничтожить во всем мире таких преступников.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Мой отец, амир Тарагай, привел меня в мечеть и объявил, что звание амира воинов переходит ко мне по наследству от моих предков. Но я уже в этом возрасте узнал, что мир подобен золотому сундуку, наполненному змеями и скорпионами; поэтому я стал презирать золото и величие и остался жить в мечети.

[Четыре наставления амира Тарагая своему сыну Тимуру]

Однажды мой отец, амир Тарагай, сказал мне:

Выслушай и запомни наставления, какие я тебе сейчас дам.

Первое. Почитай и не забывай своих предков; помни, что

ты, Тимур – сын Тарагая;

Тарагай – сын амира Баргуля;

Баргуль – сын амира Илынгыза;

Илынгыз – сын Богадура;

Богадур – сын Анджайль-нойона[64],

[64] *Нойон* – у монголов обозначение владетельного князя.

Анджайль-нойон – сын Суюнчи;

Суюнчи – сын Ирдамджи-Барласа;

Ирдамджи-Барлас – сын Качули-богадура;

Качули-богадур – сын Тумене-хана;

Тумене-хан был родственником сына Яфеса;

Яфес – сын Ноя.

Из наших предков Кара-Джар-нойон первый познал Аллаха, размышляя о мире вместе с подвластными ему людьми: их рассудок убедил в истинности ислама. Он признал Аллаха – царем, Посланника Аллаха – его визирем, потом познал и четырех халифов «правого пути».

Второе. Завещаю тебе, Тимур, поступай всегда по примеру отцов и дедов, согласно шариату;

потомство Посланника Аллаха почитай и уважай;

к народу, тебе подвластному, относись милостиво и снисходительно.

Третье. Помни, что все мы – рабы Аллаха, высшей рукой заключены в жизнь под этим синим сводом; поэтому будь доволен всем дарованным тебе от Аллаха; будь ему благодарен за все его милости к тебе, повторяй непрестанно имя Аллахово, исповедывай его единство, будь послушен его велениям и не делай того, что запрещено.

Четвертое. Не рви родственных уз, никому не делай зла.

Щедро награждай всех, кто служит тебе; выработай беспристрастие в своем характере.

Обращайся снисходительно с каждым созданием.

Я выслушал мудрые наставления моего отца и твердо решил всегда исполнять их в жизни.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

Мой отец, амир Тарагай, ушел в частную жизнь. Я собрал весь его скот и все его добро, поставил отдельно каждую

сотню баранов и отделил самцов от самок для приплода. На каждый десяток рабов, принадлежавших отцу, одного я поставил старшим.

[Святой амир Куляль пророчествует о Тимуре]

Я отправился к амиру Кулялю. Придя к нему, я сел среди уважаемых людей, которые были у святого амира. Амир Куляль сейчас же обратил на меня внимания и сказал всем, кто сидел подле него, что с виду я кажусь человеком бедным и низкого звания, но в действительности, я – очень важный человек. Амир наклонил голову и несколько времени сидел молча; перед ним лежали лепешки и халва. Он поднял голову, передал мне семь лепешек и часть халвы и сказал:

– Съешь эти семь хлебов, и ты будешь владыкой семи частей мира, ты будешь владеть всем миром.

Я удивился этим словам; пришли в изумление и все сидевшие вокруг.

Семь хлебов, полученных от амира Куляля, я отослал своему отцу, амиру Тарагаю, но он вернул их мне обратно; он сказал, что амир Куляль – святой, что непременно сбудется все, что он предсказал.

Я спрятал хлебы: это было для меня началом благословения Аллаха.

Однажды отец мой, амир Тарагай, отправился к амиру Кулялю, тот сказал ему:

– Поздравляю тебя с тем, что Аллах даровал тебе такого сына, как твой Тимур.

Он дал моему отцу немного пшеницы и изюма и велел ему сосчитать все зерна и ягоды. Отец насчитал всего-навсего триста семьдесят штук. Амир сказал моему отцу:

– Вот из этого числа можно узнать о численности твоего потомства.

Я опять спрятал у себя зерна, какие святой амир Куляль дал моему отцу; богатство мое все возрастало.

Я рассказал своей матери обо всем, что случилось. Мать воздала благодарность Аллаху и сама отправилась к амиру Кулялю. Тот сказал ей:

– Женщина! сын твой будет владыкою всего мира, триста семьдесят потомков будут могущественны, семьдесят потомков будут правителями.

В его потомстве может быть и больше правителей, если только он будет строго следовать шариату Посланника Аллаха и не оскорблять его чистого духа.

– Мать по возвращении рассказала мне все, что слышала от святого амира Куляля, и я твердо решил всегда, во всех случаях жизни, строго следовать всем велениям шариата.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

Я возмужал, стал силен и пристрастился к охоте[65].

[Чудесное спасение Тимура на охоте за козами]

Однажды охотясь я гнался верхом за козой. Мне встретился на пути овраг шириной в пять аршин и глубиной в четыре аршина. Я не в силах был сдержать коня, а тот напряг все силы и перепрыгнул овраг, но достал до противоположного берега лишь передними ногами, а задние повисли над пропастью. Я быстро вскарабкался на берег, а конь упал в овраг. Спутники поблагодарили Аллаха за чудесное спасение моей жизни. Никто из них не мог перескочить разделявший нас

---

[65] *Охота* – школа войны, по меткому выражению Чингис-хана, суррогат войны, обычное занятие благородных сеньёров Востока, амиров и богадуров, в интервалах между военными действиями. Охотились обыкновенно верхом за сайгаками (степными антилопами), дикими козами, лебедями, гусями, утками, перепелками; охотились с охотничьими птицами, соколами, орлами, ястребами и т. д.

овраг; мне пришлось пешком перебраться на тот берег, где оставались мои спутники, и там уже сесть на другого коня.

Мы поехали дальше, но скоро пошел сильный дождь, превратившийся затем в хлопья снега, поднялась снежная буря. Мы потеряли надежду благополучно вернуться домой и стали готовиться к смерти.

Злые духи (джинны) угрожают путешественнику
Миниатюра одной персидской денежной шкатулки.
Оригинал в этнографическом музее в Амстердаме

Однако скоро мы заметили вдали какие-то черные предметы. Мои спутники думали, что это чернеют холмы, но я ударил коня и быстро проскакал расстояние верст в восемь, отделявшее нас от далеких пятен. Приблизившись, я увидел свет и различил в темноте юрту, сплетенную из камыша, куда и укрылся от вьюги.

После, когда я стал: амиром, я в благодарность за спасение моей жизни освободил хозяина юрты со всем его родом от уплаты дани и щедро наградил его за гостеприимство в такую трудную для меня минуту.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Я сильно заболел. Меня лечили всякими средствами, но ничего не помогало: семь суток я не ел, не пил и лежал весь в жару; в это время окружавшие меня открыли у меня рану на руке между пальцами. Все плакали, думая, что я скоро умру, плакал и я сам; но скоро у меня появился аппетит, и я стал выздоравливать.

[Явление Тимуру сайида с длинными волосами]

Однажды, когда я в комнате отца моего, амира Тарагая, сидел за чтением суры Корана «Табарак», предо мной неожиданно явился сайид с длинными волосами и сказал мне, что я буду великим владыкой. Я тотчас рассказал отцу о том, что видел.

Отец спросил у звездочетов, какая судьба ожидает меня; те предсказали, что я буду таким могучим владыкой, равного которому не была и не будет во всем мире. Я был рад, что мне предстоит такая великая будущность, и роздал нищим щедрую милостыню.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Я полюбил верховую езду; часто я устраивал воинские игры между своими сверстниками: делил их на два отряда и устраивал примерные сражения между ними.

[Рассказ амира Тарагая, отца Тимура, о предках]

Однажды отец мой, амир Тарагай, рассказал мне историю наших предков.

– Предок наш Абуль-Турк, сын Яфеса, внук Ноя, был главным ханом у турок. Пятый сын его Улиджи-хан был тоже ханом; у него одновременно родились два сына, близнецы.

Одного из них назвали Татар, а другого Могол. Оба они стали ханами, но гордость увлекла их с пути ислама в долину неверных.

От Татара произошло восемь сыновей, а от Могола – девять, которые и стали родоначальниками отдельных племен. Потомки Татара, восемь родов, и потомки Могола, девять родов, в степях Турана вели между собою ожесточенные войны до тех пор, пока ханом не стал Тумене, который был правоверным.

У него родились два сына, близнецы: Качули-богадур и Кабыль-хан. Качули-богадур в детстве видел сон, что из потомства Кабыль-хана ярко засветила звезда, подобно солнцу взошла на небо и озарила весь мир своим блеском. Качули-богадур тогда же рассказал своему отцу, Тумене-хану, виденный сон; толкователи объяснили сон следующим образом: в третьем поколении потомства Кабыль-хана должен родиться великий Завоеватель, который овладеет всем миром – «аламгир».

Братья устроили пышное торжество[66]; во время него они заключили условие, чтобы потомки обоих братьев вечно жили в мире между собой. Власть решили поделить так: потомки Кабыль-хана должны быть правителями, а потомки Качули-богадура занимать по наследству должность главы амиров. Этот договор вырезали на стальной плите и заперли в хранилище казны.

У Камсагу-богадура, сына Бурхан-богадура, внука Кабыль-хана родился сын; правнук Кабыль-хана появился на свет

---

[66] *Пиршество-угощение* – старинная символика родового быта для установления, восстановления и укрепления родственных, дружеских и союзнических связей и отношений. Взаимные подарки, угощение у домашнего очага скрепляли близкие и хорошие связи между инородичами, превращали их как бы в сородичей.

с окровавленными руками. Назвали его Темучин-ханом. После долгих подвигов Темучин-хан, сорока лет от роду, сделался правителем всего Турана. К Темучин-хану явился юродивый и сказал, что он получил от Аллаха откровение о будущей судьбе Темучина:

– Аллах открыл мне, что он весь мир отдал во власть Темучин-хана, поэтому я даю тебе имя Чингис-хан, что значит «хан ханов».

Чингис-хан принялся за завоевания, овладел многими городами и землями и умертвил великое множество людей.

Своим наместником в Мавераннехр Чингисхан назначил своего сына Джагатай-хана, а начальником воинов – моего предка, Кара-Джар-нойона;

Кара-Джар-нойон был сын Суюнчи;

Суюнчи был сын Барласа;

Барлас был сын Качули-богадура.

Чингис-хан достал из хранилища казны договор, начертанный на стальной доске, и отдал его Кара-Джар-нойону, дал ему в жены дочь Джагатай-хана[67] и назвал его своим братом. Джагатай-хан назвал своего сына Инджиль-нойоном.

Кара-Джар-нойон не был правоверным, а глубоко ошибаясь, верил, что каждому человеку присуще особое божество – избавь нас, Аллах, от такого заблуждения! – но он всякого расспрашивал о божественных делах.

Однажды он разговаривал с одним ученым сайидом; тот сказал ему, что Аллах – один и вечен, и привел этому ряд доказательств. Кара-Джар-нойон задумался над этими словами, просветился верой и произнес слова веры: «*Ляилляга-иль-Алагу, Мухаммед Расуль Улла*» [«Нет божества кроме Аллаха и Мухаммед – посланник его»], признал Аллаха, Посланника Аллаха, халифов «правого пути» и спутников

---

[67] *Джагатай-хан* – второй сын Чингис-хана.

Посланника Аллаха, стал всегда следовать велениям шариата и заботился об обращении своего народа в ислам.

Среди его народа произошли большие волнения; амир Баргуль, начальник всех воинов, не мог справиться с воинами, охранить спокойствие правителя; он добровольно отказался от своей власти и подчинился Барласу. Барлас, щедрый по характеру, осыпал милостями подвластных ему людей. По смерти Барласа я (отец Тимура, амир Тарагай) получил его власть.

В это время пришел из Персии в Мавераннехр один звездочет и в присутствии улемов предсказал на основании положения планет, что в 730 году [хиджры] родится младенец, которому предстоит в жизни совершить великие завоевания и возвеличить ислам. Когда я услыхал это предсказание, то обратился к собравшимся улемам с просьбой молиться Аллаху, чтобы тот послал мне сына для возвеличения Джагатайского улуса. Потом родился ты, сын мой.

Когда я услышал из уст отца, амира Тарагая, рассказ о предсказании, я понял, что мне предстоит быть великим владыкой, я стал замечать в своем характере черты величия, я щедро награждал сайидов, улемов и шейхов, чтобы они молились Аллаху об утверждении моего величия.

[Чудо у амира Куляля]

Однажды я отправился к амиру Кулялю и взял с собою двадцать баранов, чтобы принести их в дар святому. Во время дороги меня застиг ужасный ливень, я был вынужден оставить баранов на дороге и один отправился в дальнейший путь. Я пришел к амиру Кулялю через два дня; к своему удивлению, я нашел баранов у дома святого амира Куляля. Я принес благодарность Аллаху за чудо, которое он совершил. Амир Куляль взглянул на меня и сказал:

– Этому турку суждено овладеть всем миром Аллаха.

После этих слов Куляль стал на молитву, а после молитвы вновь уверял меня, что я буду могущественным владыкою, и просил меня все силы посвятить распространению в мире ислама.

С этой поры я совершенно отказался от игры в шахматы и всяких других развлечений. Подвластным мне людям я старался не причинять горя; всякая неприятность, какую я случайно причинял другому, вызывала у меня душевное страдание; поэтому я всеми силами остерегался доставить кому-либо горе.

МНЕ ИСПОЛНИЛСЯ ДВАДЦАТЬ ОДИН ГОД

Я достиг совершеннолетия и почувствовал себя вполне зрелым мужчиною.

[Устройство хозяйства Тимура]

В этом году, который был кратным семи[68], у отца моего, амира Тарагая, и у подвластных ему людей все посевы дали богатый урожай; родилось также очень много скота. Я занялся устройством своего хозяйства: назначил старшего на каждый десяток рабов, каждые двадцать коней соединил в отдельный косяк, а каждые десять косяков поручил отдельному рабу; для присмотра за каждым десятком верблюдов, за каждой тысячей баранов я также приставил отдельного раба, управление всем моим имением я вверил особому рабу, к которому питал наиболее сильное доверие.

[Болезнь Тимура]

После всех хлопот по хозяйству я сильно заболел. Один доктор из Самарканда велел мне пить сок гранат; напившись

[68] *Год, кратный семи,* т. е. священному числу, считался счастливым, урожайным.

этого сока, я лишился чувств. Мои родные были страшно огорчены моей болезнью и горько плакали. Меня вылечил один туркестанский врач, пустив у меня кровь. Я роздал щедрую милостыню неимущим конями и баранами; я обещал принести в жертву[69] душе Посланника Аллаха сто верблюдов, сверх того много верблюдов – душам халифов «правого пути». По милости Аллаха я скоро выздоровел.

[Султан Кран]

В этом году султан Кран-ибн-Саур своим нашествием причинил много бедствий Джагатайскому улусу: все люди, и богатые и бедные, молили Аллаха об его скорой смерти. Я хотел было наказать Крана, и стал собирать воинов, но у меня оказалось чересчур мало сторонников, хотя я и был щедр на подарки; пришлось отложить это дело до лучших времен. Глава джагатайских амиров, амир Казган, вступил в бой с Краном в долине Зенги. Совершенно неожиданно для всех справедливый [Казган] был побежден жестоким [Краном], и последний еще больше зла причинил Джагатайскому улусу. К бедствиям населения присоединился еще сильный холод, сильно вздорожали все предметы первой необходимости. Наконец амир Казган еще раз собрал

---

69 *Жертвы* – «Вы получите некогда за принесенных в жертву животных многочисленные выгоды в определенное время; потом место жертв будет в древнем доме (Кааба в Мекке)... Мы назначили верблюдов для служения при жертвенных обрядах; через это вы также получите другие выгоды. Так произносите имя Аллаха над теми, которых вы будете закалывать; они должны стоять прямо на трех ногах привязанными за четвертую; когда жертва пала, ешьте ее и давайте ее тому, кто будет доволен тем, что ему дадут, а также тому, кто просит... Мясо и кровь жертв не идут к Аллаху, но восходит к нему ваше благочестие». *(Коран, XXII сура, 34, 37, 38 аят)* Жертва, по Корану, назначается только Аллаху; позднее ее стали приносить, по мере расширения магического круга, душе Мухаммеда и четырех халифов «правого пути».

большое войско, разбил наголову жестокого Крана, взял его в плен и щедро одарил людей, пострадавших от жестокостей Крана.

Я желал один быть правителем Мавераннехра, но амир Казган был милостивый и справедливый правитель своего народа, и я удержался от восстания.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА

Я решил поднять восстание против амира Казгана в союзе с Хаджи-Барласом. Я собрал на совет сорок молодых людей, своих сверстников, которые вместе со мной учились в школе, и сказал им, что собираюсь собрать воинов на гору Арафат.

[Амир Казган привечает Тимура и дает ему в жены свою внучку]

В это время умерла моя мать, и я устроил в память ее большие поминки. Вскоре отец мой, амир Тарагай, стал сватать мне дочь амира Джагуй-Барласа.

Однажды я пришел в место, где амир Казган совещался со своими близкими амирами; тут же был и мой отец; я вступил здесь в беседу с самим амиром Казганом; он милостиво отнесся ко мне и долго со мною ласково разговаривал; совершенно неожиданно для меня он отдал мне в жены свою внучку. Я был поражен такой честью. Амир Казган дал мне много имущества и скота. По своей доброте он не был особенно сильным правителем; мне легко было бы завладеть его улусом, но я не хотел платить злом за добро.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ ТРИ ГОДА

[Тимур на охоте получает предсказание о своей будущности]

Однажды на охоте я был застигнут ужасным ливнем и заблудился. В стороне виднелась какая-то гора, я поспешил

проскакать пространство, отделявшее меня от нее. По сторонам большой горы стояли юрты из камыша, в одной из них я укрылся от холода. Хозяева юрты, очень приветливые, ласково отнеслись ко мне. Я рассказал им всю мою прошлую жизнь; они попросили меня повторить благословения Посланнику Аллаха; как они думали, этого вполне достаточно, чтобы добиться любой дели; они мне сказали дальше:

За завесою будущего тебе готовится помощь, амир! за тебя семейство Посланника Аллаха; наместник его сделается твоим помощником и спутником, но кто этот наместник, ты узнаешь только перед самой своей смертью.

Эти слова уничтожили во мне всякое волнение и горе; дух во мне поднялся, я отказался от тайного намерения отправиться в Хорасан и двинулся по направлению к Герату.

[Появление амира Хусайна]

Перед отъездом я получил: письмо от амира Хусайна такого содержания:

«Начальники моих воинов согласились убить меня и передать всю власть амиру Бакыру; надеюсь, ты скоро прибудешь; после соединения с тобой мне удастся, быть может, вместе с тобой отправиться к амиру Казгану и добиться от него почестей».

Нисколько не медля, я выступил с войском в тот же вечер по направлению к Герату. Амир Хусайн вышел с воинами из города и сделал вид, что намерен вступить со мной в бой; я опасался коварства с его стороны, но положился на Аллаха и приготовился к бою; тогда он приехал ко мне с большими подарками, и мы встретились с ним на конях.

Потом мы вместе с амиром Хусайном отправились к амиру Казгану. Тот узнал о нашем приближения и выслал нам

навстречу своего сына Абдуллу. Я отправил вперед к амиру Казгану амира Хусайна с богатыми дарами. Амир Казган заключил амира Хусайна в свои объятья и сказал ему: – Да будет лицо твое бело! – и пригласил Хусайна жить в его шатре.

Спустя некоторое время воины амира Хусайна взбунтовались и хотели разграбить его казну. Хусайн не был достаточно богат, чтобы как следует одарить бунтовщиков и успокоить волнения; бунтовщики увидели, что им нечего получить от амира Хусайна, и порешили убить его самого. К счастью, Хусайн узнал про эти Замыслы и просил меня помочь ему; я употребил большие усилия, чтобы отвратить опасность от амира Хусайна и сохранить ему жизнь.

[Волнения в Герате. Тимур и амир Хуссейн захватывают Герат]

Однажды мы с амиром Хусайном отправились на охоту; во время охоты к нам присоединился и амир Казган с десятью всадниками из самых своих близких людей. Казган был к нам очень внимателен, очаровал нас своим обращением, как самых своих лучших друзей. Амир Хусайн остановился было на берегу реки, но амир Казган просил его вместе с ним проехать на место, называемое Армуган, где было значительно лучше.

Казган остался на этом месте, а мы с амиром Хусайном попрощались с Казганом и поехали дальше степью без всякой дороги. После долгого пути мы достигли берегов реки Мургаба.

Здесь мы получили неприятные известия из Герата; в наше отсутствие амир Бакыр привлек на свою сторону население Герата и захватил власть в свои руки. Хусайн обратился ко мне за советом, как лучше поступить при таких обстоятельствах. Я высказал мнение: следует нам обоим вместе

напасть на Герат; в случае удачи мы достигнем своей цели; в случае неудачи заслужит похвалы по крайней мере наша храбрость.

Амир Хусайн принял мой совет. Я стал гадать по Корану; гадание предвещало удачу нашему предприятию, и мы еще более укрепились в нашем намерении. Амир Хусайн обещал мне, в случае удачи, разделить с ним обладание Хорасаном.

С тремястами лучших своих всадников я направился с ним в Хорасану. Мы приблизились к этому городу; городские ворота оказались открытыми настежь.

Такая странность сильно встревожила амира Хусайна: если ворота открыты, значит враг настолько силен и настолько не считается с нами, что не счел даже нужным запереть городские ворота при приближении наших богадуров. Я как мог успокоил амира Хусайна, а потом ударил коня плетью и поскакал к городу, увлекая за собою воинов. Амир Хусайн с воинами проскакал в середину города, а я остался у ворот на тот случай, чтобы, если враг сделает нападение извне, защитить воинов, которые вошли в город.

Между тем амир Хусайн отправился к стану Бакыра, нашел его спящим и в таком виде захватил в плен. Власть над Гератом снова перешла в руки амира Хусайна.

Мне амир Хусайн через гонца прислал приглашение тоже войти в самый город. Воины Бакыра скоро узнали, какая участь постигла их амира, и вздумали было напасть на амира Хусайна; только появление моих богадуров заставило их немедленно подчиниться амиру Хусайну.

Амир Хусайн овладел Гератом с моей помощью, но свое обещание разделить со мною власть над Гератом он и не думал выполнять. Возмущенный такой неблагодарностью, – я тогда не знал еще его характера, – я хотел как следует наказать его: прогнать из города и самому овладеть Гератом.

Мои воины отказались следовать за мною; волей-неволей я был вынужден отказаться от своего умысла; я понял тогда глубокий смысл пословицы, что «один верный спутник дороже тысячи неверных»...

Я расстался с амиром Хусайном и отправился назад к амиру Казгану.

[Заговор против амира Казгана]

Когда я пришел к амиру Казгану, он очень мне обрадовался. В это время против Казгана возмутились некоторые подвластные ему люди; во главе бунтовщиков стал некий Даньшманджа-Углан[70]. Я сказал об этом амиру Казгану и посоветовал от имени Даньшманджа-Углана разослать во все стороны письма и подарки, а затем наградить тех, кто покорится, и строго наказать бунтовщиков.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ГОДА

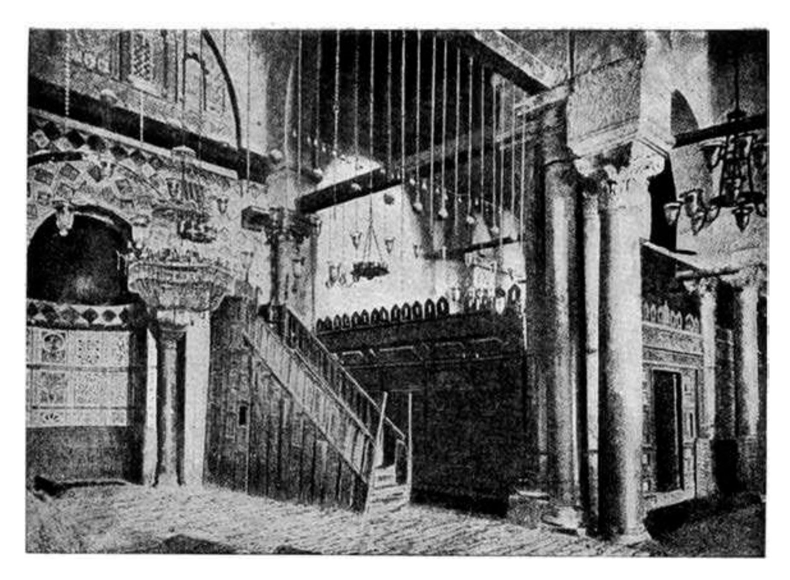
В 700 году [хиджры] я стал изучать военное искусство и хотел захватить власть.

Со мной подружились люди, составившие заговор против амира Казгана; они собирались выбрать удобную минуту убить Казгана; они предложили мне присоединиться к ним, войти в соглашение с Даньшманджа-Угланом и овладеть властью. Для видимости я согласился с ними, но посоветовал временно обождать с выполнением их замыслов; сам я поспешил предупредить амира Казгана о грозившей ему опасности. Бунтовщики узнали об этом и поспешили послать амиру Казгану письмо, в котором «от чистого сердца» признавались в злом умысле на его жизнь. Амир Казган, вполне доверяясь мне, милостиво принял заявление бунтовщиков.

---

[70] *Углан* (буквально: «юноша») – так назывались члены ханских семейств из линий, не восходивших на престол.

Однажды вечером амир Казган позвал меня к себе; у него я застал всех прежних бунтовщиков: все они были в кольчугах[71] под верхним платьем; я заметил это и тотчас сказал амиру Казгану. Ему стало ясно, что собрались заговорщики на его жизнь; он тотчас поспешил сказать, что нездоров, и отпустил всех гостей. Потом стал просить у меня совета, что делать в таком случае. Я посоветовал разослать богатые дары всем недовольным; амир Казган согласился с моим советом и роздал очень много подарков. Когда заговорщики стали делить между собой дары амира, они все перессорились, согласие расстроилось, и заговор сам собой закончился. Амир был так доволен мною, что пожаловал мне в благодарность за услугу город Шибирганат.

Внутренность мечети Scidi Оква в Кайраване
По Monuments historiques de la Tunisie

---

[71] *Кольчуга* – металлическая одежда из колец для защиты от меча, стрел и копий – обычна для рыцарского и воинского вооружения на Востоке так же, как и на Западе.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ

[Тимур хитростью овладевает Хорезмом]

Амир Казган хотел овладеть Хорезмом и, как очень трудное дело, решил поручить это мне. Я сообразил, что для меня выгоднее всего будет – сначала послать на врага кого-нибудь другого, а самому только завершить это предприятие. Хисрау-Баян-Кули был в это время самым близким человеком к амиру Казгану. Я повел с ним хитрые переговоры, я внушил ему убедить амира Казгана в том, что овладеть Хорезмом – дело вовсе не трудное, что лучше всего этот поход поручить сыну Казгана, Абдулле; он легко войдет в большую славу, если успешно овладеет Хорезмом; иначе, если это дело поручить мне, то вся слава захвата Хорезма достанется одному мне. Хисрау-Баян-Кули сообщил амиру Казгану все, что я ему внушил; амир согласился поедать к Хорезму воинов во главе с Абдуллой.

Жители Хорезма укрепили свой город; под защитой укреплений они сделали вылазку из крепости, легко одержали верх над воинами Абдуллы и отогнали их от города. Абдулла дал знать отцу, амиру Казгану, что потерпел полную неудачу. Амир Казган высказал, что давно думал поручить поход к Хорезму именно мне, и приказал мне немедленно выступить в поход. Мое тайное желание было достигнуто.

С большим числом воинов я двинулся к Хорезму на выручку Абдуллы. При моем приближении жители Хорезма поспешно отступили и скрылись за городскими стенами. Я тотчас послал письма к влиятельным людям Хорезма вместе с большими дарами и тайно просил устроить, чтобы жители добровольно сдали мне город. Все вышло так, как я хотел: я без боя занял Хорезм.

Вместе с Абдуллой вернулись мы к амиру Казгану. В качестве награды за успех я был сделан наместником Хорезма, который мне удалось так ловко захватить.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ

Однажды мы с амиром Казганом поехали на охоту в местность Камар. Охота была очень удачная, и мы остались ночевать в этой местности. Амир Туклук Тимур, зять амира Казгана, задумал убить Казгана и захватить его владения. Он составил заговор с несколькими злоумышленниками; вечером, когда мы ночевали в Камаре, он с семью людьми, вооруженными саблями, пришел убить Казгана. Около него, кроме ловчих, в это время никого не было. Я быстро сел на коня и бросился на заговорщиков; тем временем амир Казган, пользуясь темнотой, спрятался за большой камень. На шум собрались остальные охотники. Амир Туклук Тимур, опасаясь мести за заговор против амира Казгана, бежал в горы Мавераннехра.

В благодарность за эту услугу амир Казган пожаловал мне крепость Шадман. Как правитель Хорезма и Шадмана, я собрал много дани и богато одарил своих воинов. Я делал большие подарки своим воинам, но не встречал у них решимости помочь мне стать самостоятельным правителем Мавераннехра.

[Убийство амира Казгана]

В это время какие-то хитрые женщины донесли амиру Казгану, что его дочь, жена амира Туклук Тимура, огорченная бегством своего мужа, лишилась рассудка. Амир Казган поддался на эту хитро задуманную уловку, простил амира Туклук Тимура и написал ему письмо, приглашая

вернуться. Я высказал амиру Казгану, что, по моему мнению, не следует верить женщинам, а поступать так, как повелевает шариат.

Посланник Аллаха сказал, что следует советоваться с женщиной, но только для того, чтобы поступать как раз противоположно тому, что посоветует женщина.

Амир Казган согласился со мной, и я отправился навстречу амиру Туклук Тимуру с намерением отомстить ему.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ СЕМЬ ЛЕТ

Однажды амир Казган позвал меня и сказал, что он недоволен своей женой и думает дать ей развод. Однако через несколько дней мысли Казгана совершенно переменились: он раздумал давать развод жене, стал обращаться с ней по-хорошему, вызвал Туклук Тимура и простил его вину. В это самое время Казган отдал Мухаммеду-Ходже Андиджан, которым правил сын его, Абдулла.

Хисрау-Баян-Кули был крайне недоволен таким пожалованием и вошел в дружбу с амиром Туклук Тимуром; Хисрау-Баян-Кули был тестем Абдуллы, сына амира Казгана; он думал получить большое влияние и почет, когда Абдулла сделается ханом; теперь же его мечтам, повидимому, не суждено было сбыться; так вот Хисрау-Баян-Кули сообща с амиром Туклук Тимуром решили во что бы то ни стало покончить с амиром Казганом.

Я немедленно сообщил Казгану, которому был предан, как родной сын, и амир составил для меня грамату: после смерти он целиком передавал власть над Тураном в мои руки.

Однажды амир Казган с несколькими людьми, безоружный, отправился охотиться за реку Джайхун. Амир Туклук Тимур и Хисрау-Баян-Кули нашли, что здесь им представляется удобный случай покончить с Казганом; они позабыли

все хорошее, что им сделал этот удивительно добрый амир, позабыли свои родственные к нему отношения и убили Казгана, невинной кровью обагрили ту землю, где охотились. Когда до меня долетела весть о гнусном злодеянии, я впал в глубокую печаль, взял тело убитого амира Казгана и с почестями похоронил его на берегу реки Джайхун.

[Смерть Абдуллы-Вали-хана]

По смерти Казгана амир Туклук Тимур и Хисрау-Баян-Кули сделали ханом Абдуллу-Вали, которому амир Казган еще при жизни выдал грамату на ханское достоинство; они сначала его признали, потом коварно убили в окрестностях Самарканда; Абдулла отличался скупостью, а амир Туклук Тимур и Хисрау-Баян-Кули – большой жадностью; вот почему они были страшно недовольны поставленным ими ханом; скоро они низвергли Абдуллу и поставили на его место Тимур-Шах-Углана, сына Ясур-Тимур-хана. Они собрали большое войско, чтобы погубить Абдуллу. Войско Абдуллы было наголову разбито; сам он искал спасения в бегстве за реку Джайхун и там скоро умер.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЛЕТ

Я был признателен умершему амиру Казгану, почитал его, как родного отца, и считал своей священной обязанностью отомстить Хисрау-Баян-Кули и амиру Туклук Тимуру за его смерть.

[Тимур сообща с Баян-Сальдуром
и Хаджи-Барласом завладевает Самаркандом]

Я собрал много воинов и двинулся на Самарканд. По пути я встретил Баян-Сальдура, который вместе со своими воинами

присоединился ко мне. Мы достигли границы Шаша. Помимо того мне удалось уговорить присоединиться к нам и амира Хаджи-Барласа.

Амир Барлас был сын Барлу;
Барлу был сын Тамулла;
Тамулл был сын Суль-хана;
Суль-хан был сын Кара-Джар-нойона.

Мы все втроем направились к Самарканду. Мавераннехром в это время правил Тимур-Шах-Углан, которого поддерживали амиры Туклук Тимур и Хисрау-Баян-Кули. После боя, где много пролилось крови, мы овладели Самаркандом и выгнали из него Тимур-Шах-Углана; потом мы овладели всем Мавераннехром. Все мы втроем: я – Тимур, амир Хаджи-Барлас и Баян-Сальдур – заключили дружественный союз и мирно владели Самаркандом, пока Баян-Сальдур, опившись вина, не умер. По смерти Баян-Сальдура его власть в нашем союзе трех амиров перешла по наследству к его сыну, но амир Хаджи-Барлас задумал хитростью отделаться от нового союзника и стал строить козни. Я несколько раз пытался уговаривать его, но без всякого результата: он попрежнему продолжал свои происки.

[Тимур хитростью старается одолеть сильных амиров Турана и сделаться единовластцем]

Такие действия амира Хаджи-Барласа вызывали в населении Мавераннехра раздоры и смуты. Мне тогда было двадцать восемь лет. В этот год была дороговизна на жизненные припасы; воинам и населению стало невыносимо тяжело жить; жители Мавераннехра пришли в отчаяние и подали мне «фетву», что все население готово покинуть Туран и не возвращаться сюда до тех пор, пока в Туране не будет справедливого правителя.

Решение населения доставило мне большое горе. Я давно хотел быть единовластным правителем, но добиться такой власти было почти невозможно; в это время:

ханом Балха был Ильчи-Бугай-Сальдур;

правителем Ходжента был амир Баязид-Джалаир;

правителем Шибирганата был Мухаммед-Ходжа;

городами Когистана правили амиры Бадакшанские;

ханом Джилянским до местности Хазрет-Имам был Кай-Хисрау-Джиляны;

ханом Самаркандским до самого Сарыпуля был амир Хызр-Ясаури.

Все эти правители в своих улусах были полновластными владыками; одной храбростью нельзя было отнять власти у стольких сильных амиров; мне было ясно, что открытой силой здесь ничего нельзя добиться; только хитрость, одна только хитрость, могла помочь делу. Каждому из правителей в отдельности и тайно от других я написал письмо, где предлагал им вступить со мною в союз, чтобы общими силами изгнать всех остальных правителей, а нам самим овладеть всей, страной. Каждый из них, тайно от остальных, выражал свое согласие вступить со мною в союз; таким образом мне удалось всех их перессорить между собой.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ ЛЕТ

Я написал письмо Ильчи-Бугай-Сальдуру, хану Балха, и предложил ему воспользоваться тем, что жители Бадакшана жаловались мне на несправедливость и притеснения своих ханов, отправиться туда с воинами и овладеть страной. Я предупредил Ильчи-Бугай-Сальдура, что если он сам не пожелает взять Бадакшан, я лично пойду и овладею им – этим заканчивалось мое письмо. Ильчи-Бугай-Сальдур вскоре с большим количеством воинов двинулся по направлению

к Бадакшану; тем временем я получил весть от амиров Бадакшанских, что им грозит опасность от Ильчи-Бугай-Сальдура; они просили оказать им помощь и за это обещали отдать мне города Хатлан, Арлад и Хазрет-Имам, которые сейчас принадлежали Кай-Хисрау-Джиляны.

Далее я сообщил Мухаммеду-Ходже, правителю Шибирганата, что город Балх, мать городов, оставлен Ильчи-Бугай-Сальдуром, и что я послал туда своего наместника. Я предложил Мухаммеду-Ходже тоже послать в Балх своего наместника и владеть этим городом нам сообща. Мухаммед-Ходжа, желая предупредить меня, лично отправился в Балх. Весть о движении Мухаммеда-Ходжи на Балх быстро дошла до Ильчи-Бугай-Сальдура. Не думая больше о присоединении Бадакшана, Ильчи-Бугай-Сальдур быстро направился к крепости Шадман и Балху. Тогда амиры Бадакшана подчинились мне.

Придя в Балх, Ильчи-Бугай-Сальдур не только выгнал оттуда Мухаммеда-Ходжу, но и пошел на него войной, чтобы наказать за попытки овладеть Балхом. Тогда Мухаммед-Ходжа обратился за помощью ко мне. Я спас Шибирганат от вторжения Ильчи-Бугай-Сальдура, отдал его Мухаммеду-Ходже и этой услугой приобрел себе преданного и верного союзника.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

*[Появление амира Хусайна в Мавераннехре.
У Тимура родился старший сын, Мухаммед-Джехангир]*

Амир Хусайн, внук амира Казгана, задумал овладеть улусом своего отца и направился в Мавераннехр с воинами и преданными людьми. Он написал мне письмо, где просил моей помощи, чтобы осуществить свой замысел.

Моя жена была сестрой амира Хусайна; в силу своих родственных отношений я и возбудил в нем желание овладеть Мавераннехром; это была у меня злая ошибка: я считал искренней дружбу этого очень дурного человека, я тогда еще не знал, что в его характере соединялись, подобно четырем стихиями, четыре дурных качества: зависть, скупость, жадность и высокомерие.

Чтобы исправить свою ошибку, я сообщил амиру Хусайну, что ему следует прежде овладеть Бадакшаном, что это – ключ к овладению Мавераннехром.

В этом году, который по приметам был счастливым, у меня родился сын-первенец. В честь Посланника Аллаха я дал ему имя Мухаммед, а так как в этом году начались мои завоевания, то я к имени Мухаммед присоединил еще имя Джехангир. Рождение сына принесло мне счастье: за исключением амира Баязид-Джалаира[72] и Хаджи-Барласа, все правители были моими союзниками.

От этих двух сильных противников я задумал избавиться хитростью. Тесть Хаджи-Барласа составил против него заговор, чтобы посадить на его место своего внука. Хаджи-Барлас узнав о намерении тестя, поспешил его казнить: дотом он обратился ко мне за советом, не стоит ли отделаться и от потомка казненного тестя. Мне с трудом удалось убедить его не поступать так плохо.

Амир Хусайн в том же году овладел Бадакшаном и без всякой причины казнил трех из Бадакшанских амиров: за такое злодеяние он получит возмездие в день Страшного Суда! Когда я потом овладел Балхом, матерью городов, то сыновья убитых им амиров убили самого амира Хусайна, чтобы отомстить за смерть своих отцов.

---

[72] *Джалаир,* как и Барлас, название одного из четырех великих племен (кланов) Мавераннехра, присоединяется к именам амиров, принадлежащих к этим кланам.

МНЕ ИСПОЛНИЛСЯ ТРИДЦАТЬ ОДИН ГОД

[Нашествие внука Чингис-хана, хакана Туклук Тимура в Мавераннехр]

Внук Чингис-хана, Туклук Тимур, был ханом в области Джете. Он задумал овладеть Мавераннехром и с бесчисленным количеством воинов пришел в местность Хак на берегу реки Сайхуна вблизи Ходжента. Мне, Хаджи-Барласу и амиру Баязид-Джалаиру Туклук Тимур прислал граматы. В граматах заключалось грозное, не допускающее возражений приказание: «Я, Туклук Тимур, хакан, сын хакана, приказываю тебе со всем народом и со всеми своими воинами присоединиться ко мне».

Хаджи-Барлас, получив такое грозное повеление, испугался и обратился ко мне за советом, что делать. Я дал совет не затевать войны с хаканом, а явиться к нему с изъявлением покорности и таким образом заслужить его расположение. Хаджи-Барлас не послушался моего совета, переправился через Сайхун со всем своим народом и добром и ушел в Хорасан. Амир Баязид-Джалаир с людьми и дарами отправился на поклон к хакану Туклук Тимуру.

[Смерть амира Тарагая, отца Тимура]

Я тоже стал готовить дары, чтобы вместе с выражением покорности поднести их хакану Туклук Тимуру. В это время мой отец, амир Тарагай, опасно заболел; мне пришлось остаться при больном и ухаживать за ним; скоро он умер; с большой пышностью похоронил я отца в мазаре[73] Кишь-Хат, неподалеку от могилы «кутба».

---

[73] *Мазар* – кладбище, место погребения, место паломничества к гробницам особо чтимых шейхов и «кутбов», место торжественных примирений и священных клятв.

[Тимур подчиняется хакану Туклук Тимуру и получает от него грамоту на Мавераннехр]

Хакан Туклук Тимур прислал мне вторую грамату, в которой звал меня к себе, но мои воины и подвластные люди заявили, что они не желают моего подчинения Туклук Тимуру; под моей властью в стране установилось полное спокойствие; мой народ готов был силою оружия отстаивать свою независимость. На все просьбы народа я отвечал: нельзя сейчас возмущаться и вести войну против Туклук Тимура; у него большое количество воинов, нет теперь другого исхода, как подчиниться ему безусловно.

В это время до меня дошли вести, что воины Туклук Тимура под предводительством хаджи Махмуд-Шаха двигаются против меня. Я поспешил отправиться к Туклук Тимуру с воинами, представителями народа и дарами, чтобы выразить ему покорность. По дороге я встретил хаджи Махмуд-Шаха; я обильными дарами привлек его на свою сторону, убедил его не грабить страны и заручился от него доброжелательным письмом к хакану. Я пошел дальше; через два дня пути меня стали встречать по дороге начальники передовых отрядов Туклук Тимура; им всем я также роздал богатые дары и удержал от грабежа. Главою амиров у хакана Туклук Тимура был в это время Мир-Кичик-бег; он также дал мне письмо в Туклук Тимуру, прося его быть ко мне милостивым.

В степи, близ Ходжента, я представил хакану Туклук Тимуру свои дары; он был чрезвычайно доволен моей покорностью. Когда ему доложили, что начальники передовых частей его воинов награбили много добра у жителей Мавераннехра, Туклук Тимур приказал немедленно вернуть все награбленное. Начальники были оскорблены этим приказанием и взбунтовались вместе с амирами Джете.

Арабский всадник
Арабский папирус X века. Собрание папирусов эрцгерцога Райнера в Вене

Тогда Туклук Тимур обратился ко мне за советом, как ему поступить при таких обстоятельствах; я ему посоветовал удалиться в страну Джете, откуда он пришел в Мавераннехр. Этот совет понравился Туклук Тимуру; он утвердил меня правителем Мавераннехра, дал мне грамату, а сам удалился в страну Джете.

С тех пор мое величие возрастало с каждым днем, я овладел всеми городами Мавераннехра и стал жить в Шехри-Себзе. Власти, шейхи, улемы и сайиды, когда я прибыл туда, принесли мне поздравление; была прочтена молитва, установленная для лиц, получивших власть хана.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ ДВА ГОДА

[Тимур помогает амиру Хусайну овладеть крепостями Шадманом и Бадакшаном]

В 761 году [хиджры] внук амира Казгана, амир Хусайн, с моей помощью овладел: городом Бадакшаном. Теперь амир Хусайн опять стал просить меня помочь ему напасть на амира Баян-Сальдура и отнять крепость Шадман, которой тот владел. Я дал согласие и послал вперед своих воинов под предводительством своего главного амира Хызра, а вскоре и сам лично отправился за воинами.

Амир Баян-Сальдур узнал о выступлении моих воинов, пришел в большой страх и бежал в сторону Бадакшана. Амир Хызр и амир Хусайн преследовали амира Баян-Сальдура; он должен был укрываться в горах; вместе с амиром бежали в горы многие знатные люди Бадакшана; вся область была захвачена.

Я находился в крепости Шадман, когда пришло письмо от амира Хусайна: с помощью моих воинов он удачно овладел Бадакшаном, поэтому я, если нахожу нужным, могу возвратиться в свою столицу. Я пожаловал крепость Шадман своему главному амиру Хызру при особой грамате и сам вернулся в свой стольный город Шехри-Себз. Через четырнадцать дней амир Хусайн с богатыми дарами явился ко мне; я очень приветливо встретил его и позволил ему отправиться в крепость Шадман, сам продолжал жить в Шехри-Себзе.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ ТРИ ГОДА

[Тимур снова оказывает помощь амиру Хусайну]

В начале года прибыл гонец от амира Хусайна и привез мне очень спешную весть; амир Хусайн сообщал, что амир Туклук Тимур и Баян-Сальдур заключили союз между собой

против него, собрали на него много воинов; ему нечего и думать одному справиться с таким могущественным неприятелем; амир Хусайн просил меня как можно скорее оказать ему помощь.

Мне очень хотелось выручить из беды амира Хусайна; я тотчас двинулся со своими воинами из Шехри-Себза на выручку его; одновременно отправил письма амиру Хызру и амиру Баязид-Джалаиру, чтобы они тоже шли на помощь амиру Хусайну. Амир Баязид-Джалаир почему-то замедлил, а амир Хызр выступил со своими воинами тотчас, как получил от меня весть. Когда я с воинами приблизился к Бадакшану, амир Туклук Тимур и Баян-Сальдур немедленно бросились бежать. Амир Хусайн вышел ко мне навстречу и принял меня с большим радушием и пышностью. Амир Хусайн мог теперь спокойно владеть Бадакшаном, а я вернулся в свой стольный город Шехри-Себз.

[Родственник Тимура, Хаджи-Барлас, выступает против него]

Когда я подходил к железным воротам, ко мне пришла весть, что амир Хаджи-Барлас и амир Баязид-Джалаир обменялись между собою послами и заключили союз, дабы общими силами покончить со мною. Это сделал амир Хаджи-Барлас, который был моим близким родственником!.. Я написал амиру Хаджи-Бар ласу письмо, я напомнил ему о наших родственных связях, о тех услугах, какие я ему когда-то оказал, но амир не обратил внимания на мое письмо. Я двинулся со своими воинами, чтобы соединиться с амиром Хусайном, но амир Хаджи-Барлас преградил мне путь и дал бой в местности Акхаб-Джагатай.

Я разделил свое войско на семь частей и предполагал каждый день вводить в бой одну седьмую часть всех своих

сил. Амира Хызра с другими богадурами я поместил на правом фланге, а амир Джагуй-Барлас с его воинами составляли мое левое крыло. Воинов, которых я привел с собою из Шехри-Себза, я разделил на четыре части. Я сам предводительствовал войсками, и каждый день вводил в бой каждую из этих четырех частей. Бой длился уже три дня; на четвертый день, напутствуемый молитвами наших улемов и сайидов, я призвал на помощь Аллаха и бросился на вражий стан ночью, когда там царил глубокий сои. Бой без перерыва продолжался всю ночь, но зато с рассветом за мной осталась самая решительная победа: все воины неприятеля разбежались в разные стороны, а сам амир Хаджи-Барлас ускакал в Самарканд под защиту амира Баязид-Джалаира.

[Амир Хызр и амир Джагуй-Барлас изменяют Тимуру и переходят на сторону амира Хаджи-Барласа]

Я исправил после боя военные доспехи, привел в порядок воинов и, отправив передовым амира Хызра, сам двинулся в погоню за Хаджи-Барласом по направлению к Самарканду. В это время один отряд моих воинов изменил мне и перешел на сторону Хаджи-Барласа. После этого и амир Хызр, которому я верил больше, чем родному, поддался искушению шейтана, вошел в сговор с амиром Джагуй-Барласом и изменил мне; оба они вместе с воинами, которыми предводительствовали, немедленно передались на сторону Хаджи-Барласа. Все изменники решили дать мне бой и просили амира Баязид-Джалаира оказать им помощь в борьбе против меня. Но когда амир Баязид-Джалаир соединился с ними, они заподозрили его в вероломстве и поспешили от него скрыться.

Я послал тогда амиру Хызру грамату и предлагал ему помириться со мной; он не дал никакого ответа. Тогда я приготовил моих воинов и двинул их на амира Хызра. Изменник тем временем укрепился со своими воинами на местности Сырдин и решил дать мне бой. Я отдал свое знамя воинам, которых привел с собою из Шехри-Себза, и ввел их в дело, а сам с ближайшими богадурами расположился позади боевой лилии в качестве резерва. Амир Хызр увидал при воинах мое знамя и стал думать, что я сам веду передовых воинов. Бой сначала был нерешительный: то мои воины оттесняли амира Хызра, то изменники, переходя в наступление, начинали теснить мои ряды; так повторялось несколько раз, обе стороны были страшно истомлены. Я выбрал удобный момент и сам с лучшими отборными богадурами бросился на изменников; один решительный натиск обратил их в беспорядочное бегство.

[Амир Баязид-Джалаир и амир Хаджи-Барлас составляют заговор на жизнь Тимура]

Вскоре после этого боя амир Баязид-Джалаир и амир Хаджи-Барлас послали друг другу письма; они думали, что пока я жив, у них не может быть покоя; они решили хитростью отделаться от меня. Через несколько дней по окончании войны с амиром Хызром амир Баязид-Джалаир выступил из Самарканда и остановился в степи около Шаша. Амир Хаджи-Барлас заодно с тиром Баязид-Джалаиром написал мне письмо такого содержания.

«Мы, друзья – друзьям великого амира и враги – его врагам, решили овладеть Ходжентом. Если ты веришь в нашу дружбу и верность, то присоединись к нам; это для всех нас будет выгодно».

У них была цель: хитростью заманить меня в свои руки и навсегда покончить со мной. Я, как правоверный, поверил им и со своими воинами дошел на соединение с ними.

[Тимур милостью Аллаха спасается от неминуемой гибели в стане амира Баязид-Джалаира и амира Хаджи-Барласа]

Я приблизился с моими воинами к месту расположения их войск и заметил, что в средине стана из юрт и лачуг разбит огромный шатер. Я подумал, что это место, приготовленное для меня. Меня встретили с большим почетом и просили войти в большой шатер. Милостью Аллаха я каким-то чутьем угадал намерения моих врагов. Когда я вошел в шатер и увидел справа амира Баязид-Джалаира, а слева – амира Хаджи-Барласа, то сразу почувствовал, что они сговорились покончить со мною тотчас же после приема и угощения. У меня на сердце налегла тревога перед неминуемой гибелью; я стал в душе молить Аллаха спасти меня от смерти. К великому счастью, у меня неожиданно пошла кровь носом; я немедленно воспользовался этим случаем и вышел из палатки. Я тут же дал знак своим воинам, что моя жизнь подвергается опасности, и быстро вскочил на коня. Никто меня не решился остановить. Так Аллах спас меня от верной смерти.

[Тимур и шейх Али-Джар-Джари. «Для тысячи ворон достаточно одного комка глины»]

Призывая проклятия на головы своих врагов, я удалился со своими воинами в Термез. Когда я приблизился к Термезу, то шейх Али-Джар-Джари, который когда-то получил там власть с моей помощью, испугался, что я иду воевать с ним, и стал собирать своих воинов – отразить мое мнимое нападение. Я послал ему письмо; я напомнил обо всех

услугах, какие раньше оказал ему, просил, хотя бы из простой благодарности, не воевать со мною.

Но шейх Али-Джар-Джар и не обратил внимания на мое письмо; ему удалось собрать большое число воинов, больше, чем было у меня, и он стал надеяться на свои силы. Он, должно быть, не знал слов Корана:

«Сколько раз небольшие ополчения побеждали большие полчища по изволению Аллаха». *(Коран, II сура, 250 аят)*

Шейх Али-Джар-Джари расположил своих воинов в одну линию и начал бой; я разделил своих воинов на три части и двинулся с ними на неприятеля. После первого моего натиска воины шейха Али-Джар-Джари бросились бежать врассыпную. У тюрков есть пословица «Для тысячи ворон достаточно одного комка глины»; эта пословица в бою с шейхом Али-Джар-Джари вполне подтвердилась. Шейх Али-Джар-Джари сначала бежал к амиру Баязид-Джалаиру, но побоялся остаться у него; он скоро вернулся ко мне, пристыженный и униженный, изъявил полную покорность. Я решил показать ему пример великодушия, простил его и послал ему много богатых подарков, как будто между нами ничего не случилось!..

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ГОДА

[Население Мавераннехра просит Тимура избавить его от жестоких правителей]

В 763 году [хиджры] знатные и простые люди Мавераннехра явились ко мне с жалобой, что во всех городах и селениях страны народ изнемогает от жестокости и несправедливости своих правителей:

«Необходимо, чтобы великий амир, отличный своей храбростью и распорядительностью, сделался единым полновластным правителем нашей страны».

Я был немало изумлен просьбой народа и тотчас отправил гонца к амиру Хусайну; я предлагал ему помочь мне освободить Мавераннехр от жестоких и несправедливых правителей; если с помощью Аллаха нам удастся избавить народ Мавераннехра от жестоких правителей, мы заслужим этим подвигом доброе имя здесь и славу в будущем мире.

[Тимур обращается к хакану Туклук Тимуру с просьбой помочь людям Мавераннехра]

Амир Хусайн ответил согласием на мое письмо, но я узнал, что он со мною не искренен; всегда нужно было остерегаться вероломства с его стороны. Тогда я написал письмо внуку Чингисхана, хакану Джете Туклук Тимуру; я сообщил ему о тяжелом положении Мавераннехра, как люди и простые и знатные терпят от несправедливых и жестоких правителей; если он, Туклук Тимур, при помощи своих воинов наведет порядок в Мавераннехре, то это будет подвиг славный.

Туклук Тимур получил от меня весть, немедленно собрал воинов Джете и расположился с ними в окрестностях Ходжента; оттуда он прислал мне грамату, где напоминал о наших родственных отношениях и просил меня притти к нему для совета.

[Гибель амира Баязид-Джалаира и амира Хаджи-Барласа]

Амир Баязид-Джалаир решил выразить хакану Туклук Тимуру полную покорность и готовность верно служить; он запер ворота Самарканда и сам двинулся к Туклук Тимуру, Туклук Тимур потребовал от Баязид-Джалаира передать ему ключи Самарканда. Туклук Тимур заметил, что Баязид колеблется исполнить его требование, и отдал приказ немедленно убить амира Джалаира, а голову его отослать в Самарканд.

Амир Хаджи-Барлас услыхал о гибели амира Баязид-Джалаира, испугался за свою голову и с семьей и своим народом ударился в поспешное бегство за Джайхун. Хакан Туклук Тимур получил весть о бегстве Хаджи-Барласа и отрядил вдогонку за ним своих богадуров. Один из приближенных Хаджи-Барласа, Джуам-Барлас-богадур, был убит, но остальные спутники Барласа невредимыми добрались до города Карша-Джуси. Здесь сразу установилась неприязнь между местными жителями и пришельцами; дальше – больше: ненависть населения города Карша-Джуси к пришедшим с амиром Хаджи-Барласом выросла до такой степени, что дело дошло до боя; здесь погибли и сам Хаджи-Барлас и несколько его родных. Когда я потом овладел Хорасаном, я отдал город Карша-Джуси потомкам Хаджи-Барласа.

[Тимур дает советы шкалу Туклук Тимуру]

Туклук Тимур прислал мне вторую грамату и просил меня, как родственника, скорее притти к нему. Я разослал тогда множество гонцов во все стороны Мавераннехра, я просил всех, кто желает избавиться от грабежей и насилий со стороны воинов Джете, прислать мне подарки, которые я и предоставляю хакану Туклук Тимуру. Многие племена Мавераннехра прислали мне свои дары; с этими сокровищами я отправился к хакану Туклук Тимуру в Ходжент.

Здесь я поднес Туклук Тимуру все привезенные дары; он остался очень доволен и милостиво обошелся со мною. Он советовался со мною во всяком деле и всегда соглашался со мной. Однажды я сказал ему:

– Всякая власть подобна палатке, которая опирается на столбы, справедливость правителя – это столбы, на которых зиждется крыша власти. Без этой опоры власть разумная немыслима.

Я советовал хакану поддержать всеми силами в Мавераннехре добрых людей, а злых – предоставить самим себе, чтобы они сами пожали плоды своих злодеяний. Туклук Тимур остался очень доволен таким советом; его расположение ко мне выросло еще больше, он отдал мне во владение Мавераннехр, Шехри-Себз, Шибирганат вплоть до Балха.

[Хакан Туклук Тимур по советам Тимура расправляется с амиром Хусайном]

В это время пришла внезапная весть, что амир Хусайн с большим количеством воинов остановился на берегу реки Вакш и собирается напасть на хакана Туклук Тимура. Туклук был страшно удивлен дерзостью амира Хусайна и обратился ко мне за советом. Я сказал хакану, что у амира Хусайна – главный начальник его воинов Кай-Хисрау-Джиляны, которого можно подкупить; я предложил послать Кай-Хисрау-Джиляны письмо, постараться склонить его перейти со своими воинами на сторону хакана Туклук Тимура и за это пообещать ему крепость Шадман и Хутлан. Хакан сделал по-моему: Кай-Хисрау-Джиляны было написано так, как я советовал Туклук Тимуру. Наше заманчивое предложение прельстило главного начальника воинов амира Хусайна.

Когда сошлись передовые отряды хакана Туклук Тимура под предводительством Мир-Кичик-бега и передовой отряд амира Хусайна под предводительством Кай-Хисрау-Джиляны, то этот сейчас же со своими приближенными богадурами перешел на сторону Туклук Тимура; воинами амира Хусайна овладел невероятный страх; все они разбежались в разные стороны. Воины хакана Туклук Тимура преследовали побежденных до самых гор Индустана и захватили большую добычу.

[Тимур пытается после сокрушения всех своих врагов в Мавераннехре удалить хакана Туклук Тимура из пределов Мавераннехра]

Покончив с Хусайном, хакан Туклук Тимур отправился в Самарканд и убил там Баян-Сальдура.

Таким образом он учинил порядок во всех городах Мавераннехра, очистил их от злых людей. Теперь, когда все мои враги были истреблены, я стал подавать хакану Туклук Тимуру советы, чтобы он сам ушел из Мавераннехра, а меня утвердил здесь правителем. Я говорил Туклук Тимуру, что сейчас самое удобное время овладеть Хорасаном: стоит только перейти реку Джайхун, чтобы захватить богатую страну.

Туклук Тимур был уже готов последовать моему совету; как раз в это время пришла к хакану весть: амиры Джете возмутились против него и передали власть одному из потомков Чингис-хана, Тамлики-хану.

Хакан Туклук Тимур немедленно спросил моего совета, что ему делать.

Я подал совет в том смысле, что нужно тотчас же послать в Джете побольше воинов, пока новый хан не успел укрепиться; при быстром способе действий удастся легко усмирить население Джете; если же, наоборот, промедлить, то дело впоследствии окажется очень трудным.

[Неожиданно для Тимура хакан Туклук Тимур делает ханом Мавераннехра своего сына Ильяс-Ходжу, а Тимура оставляет только главным начальником воинов]

Хакан Туклук Тимур согласился с моим советом. Но он пожаловал грамату на ханское достоинство в Мавераннехре своему сыну, Ильяс-Ходже, а меня поставил первым после

хана лицом. Туклук Тимур показал мне стальную доску, где было начертано давнишнее условие наших предков, Качули-богадура и Кабыль-хана; по этому условию потомки Качули-богадура должны были по наследству получать Звание главного начальника воинов, а потомки Кабыль-хана также по наследству, от отца к сыну – получать достоинство ханов. Хакан Туклук Тимур приказал амирам повиноваться мне, а сам отправился против мятежников Джете.

[Тимур самовольно действует в Самарканде]

Ильяс-Ходжа никогда раньше не был правителем и потому не обладал необходимыми для этого способностями; его воины и амиры стали чинить всевозможные обиды населению Мавераннехра: однажды они силою увели из Самарканда четыреста девушек, а вскоре их наглость дошла до того, что они связали и бросили в тюрьму семьдесят сайидов. Тогда правоверные, произнося исповедание ислама: «Ля-илляга-иль Алагу, Мухаммед Расуль Улла» («Нет, божества кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник его»), собрались большой толпой и пришли просить меня освободить ни в чем неповинных сайидов:

– В таком деле безумство свойственно храброму, и пожертвование жизни есть источник жизни.

Эти слова так меня воодушевили, что я, ни с кем не советуясь, начал действовать решительно: прежде всего я освободил из рук узбеков семьдесят заключенных сайидов.

В следующую ночь мне приснился сам Посланник Аллаха и сказал:

– Ты освободил из неволи семьдесят моих потомков (сайидов); за этот подвиг ты получишь награду, Аллах сотворит чудо: семьдесят поколений твоего потомства будут правителями.

Я написал тогда письмо своему «пиру»[74] и просил объяснить мне значение этого сна. «Пир» ответил мне:

«В древности Сабук-Тагин спас от гибели козленка, и Аллах за это наградил его потомство достоинством султана; ты же оказал такую услугу потомкам Посланника Аллаха, что твой сон должен непременно сбыться.

Знай только, что никакой совет, где не присутствуют потомки Посланника (сайиды), никогда не приведет к хорошим последствиям».

С тех пор я всегда во всякое собрание прежде всего приглашал сайидов и улемов.

Арабский караван
Миниатюра к Харири. Рукопись в Каире

[74] «Пир» (буквально: «старец») – название святого, духовного наставника и руководителя у «правоверных». Здесь под «пиром» разумеется шейх Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади.

[Хакан Туклук Тимур приказывает убить Тимура. По совету «пира» Тимур спасается бегством из Самарканда]

После того как я освободил из темницы заключенных сайидов, мои враги послали хакану Туклук Тимуру письмо; они писали, что я произвел возмущение против Туклук Тимура и пытался овладеть Мавераннехром; меня обвиняли в тайных кознях против сына Туклук Тимура, Ильяс-Ходжи, которого я будто бы замышлял убить. Туклук Тимур поверил наветам моих врагов и приказал людям, которые доставили ему письмо, убить меня. К счастью, этот приказ попал в мои руки, и я принял все меры предосторожности против убийц. После этого амиры Джете получили еще три приказа Туклук Тимура убить меня, но убийцы выжидали, не зная, как удобнее исполнить задуманное.

В это время ко мне пришло письмо от «пира»; он писал: «Если нельзя сладить с врагами, которые превосходят тебя силой, следует искать спасения в бегстве: так установлено и самим Посланником Аллаха». Я последовал совету своего духовного наставника, удалился из Самарканда и скрывался в горах. В это время я загадал по Корану, что меня ожидает в будущем: мне открылся аят:

«Солнце течет к назначенному месту: таково повеление сильного, знающего». *(Коран, XXXVI сура, 38 аят)*

Я не знал, какое место мне назначено, но скоро ко мне опять пришло письмо от «пира»; он советовал мне отправиться в сторону Хорезма; я поспешил исполнить его приказание.

[Тимур соединяется в горах с амиром Хусайном и отправляется в Хорезм]

Амир Хусайн тоже, подобно мне, скрывался в горах; он желал примириться со мной и просил меня присоединиться

к нему; я с радостью принял его предложение. Наша встреча состоялась в местности Сагик-Кудун. Мы помирились там с амиром; Хусайном и заключили между собой тесный союз. Я предложил правителю области Хайвак[75], Тугуль-богадуру, присоединиться к нашему союзу, но он не согласился; из преданности к Ильяс-Ходже он даже велел схватить нас, но мы в темную ночь бежали из пределов Хайвака. Мы решили с амиром Хусайном отправиться в Хорезм.

[Тимур по пути в Хорезм выдерживает бой с сильнейшим отрядом Тугуль-богадура]

Придя в Фараб, мы стали раздумывать, как нам овладеть крепостью Хорезм-шах; в это время наш слух поразили звуки, как будто из степи по направлению к нашему лагерю двигалось чье-то войско; на это указывали и топот лошадиных копыт и звон оружия. Я сам сейчас же вскочил на коня и въехал на возвышенность, а амира Тага-Бугай-Барласа выслал вперед разведать, что нам угрожает. Мой посланный быстро вернулся и привез известие, что на нас двигается амир Тугуль-богадур с тысячью всадников.

Я приказал амиру Хызру собрать весь наш отряд: по счету оказалось, что мы располагаем всего-навсего шестьюдесятью воинами. Этот ничтожный отряд я разделил: на пять частей и каждой части назначил особого начальника: амир Хусайн, амир Тага-Бугай-Барлас, амир Сайф-эд-дин Никудерийский, амиры Даимджи и Садыр стали во главе этих частей, а я сам с избранными богадурами стоял на вершине горы.

В эту минуту к нам приблизился амир Тугуль-богадур с тысячью всадников. Амиры Тага-Бугай-Барлас и Сайф-эд-дин Никудерийский были очень храбрые воины: они так стремительно бросились на воинов амира Тугуль-богадура,

[75] *Хайвак* – Хива.

что вскоре из тысячи его всадников осталось только триста; все остальные его воины были убиты или ранены. Амиры Сайф-эд-дин и Тага-Бугай-Барлас в этом бою потеряли коней и вынуждены были драться пешими. Я послал им двух коней, но недостало коня посланному; я вынужден был отдать ему своего коня. Амир Хусайн сел на коня Тугуль-богадура и бросился на вражеских воинов. Скоро я заметил, что амир Хусайн со всех сторон окружен врагами и ему грозит смертельная опасность. Я с мечом в руках бросился к нему на помощь, убил несколько вражеских воинов и спас Хусайна.

Пришло время намаза «аср»[76]: и на той и на другой стороне богадуры стали на молитву. Еще «аср» не был окончен, как со стороны врага послышался шум: он возобновил нападение. Мы с амиром Хусайном бросились на врагов и многих из них убили и ранили. Конь Хусайна пал, и ему пришлось пересесть на коня своей жены, Дильшат-ага; ее я посадил на коня своей жены, сестры амира Хусайна. Мы вдвоем с амиром Хусайном яростно действовали пращами и перебили много неприятельских воинов.

Бой кончился. Тугуль-богадур, отчаявшись, остался в степи, а мы двинулись в дальнейший путь; потери в бою с обеих сторон были отчаянные: у нас осталось в живых всего лишь семь человек, а у Тугуль-богадура – пятьдесят.

Во время пути нас нагнали оставшиеся в живых пятьдесят воинов Тугуль-богадура; мы подвигались с трудом, отстреливаясь от сильнейшего врага, который наседал на нас сзади. Подвигаясь таким образом медленно вперед, мы достигли наконец Хорезма; наши враги скрылись, как только мы пришли туда.

---

[76] *Намаз* «аср» – см. прим. 22.

[Приключения в пути Тимура и его спутников]

Вскоре по дороге нам попался колодец; у одного пастуха нам удалось купить двух баранов, и мы подкрепили пищей свои силы. В одном месте мы остановились отдохнуть на два дня. Тут с нами случилось несчастье: к нашему маленькому отряду присоединились три пеших попутчика, и они-то на одном из ночлегов украли у нас трех коней – потеря очень чувствительная: из-за кражи коней моя жена и сестра принуждены были продолжать путь пешком.

[Приключения Тимура в стране туркмен]

Через несколько переходов мы достигли страны туркмен. В одном уединенном месте нам повстречались туркмены; они приняли нас за воров и напали на нас. Мы были со всех сторон окружены сильнейшим неприятелем; женщин, которые были с нами, пришлось поставить позади себя и защищать силою оружия. К нашему счастью, совершенно неожиданно среди туркмен оказался сайид Мухаммед-Ходжа, воспитанный при мне и в юности служивший у меня. Мухаммед-Ходжа избавил нас от неминуемой гибели; он сразу узнал меня, бросился к моим ногам и молил простить его сородичам оскорбление, которое они причинили нам, не зная, кто мы. Он рассказал своим сородичам, что перед ними – амир Тимур, правитель Мавераннехра. Туркмены постарались загладить свою невольную вину: угощали нас в течение трех дней, затем дали нам на дорогу съестных припасов, снарядили для нас десять провожатых, и мы двинулись дальше.

[Тимур и его жена проводят пятьдесят дней в темнице туркменского амира Али-бега Джаны-Курбаны]

Через три дня мы достигли местности Махмудиа; здесь мы сделали остановку на несколько дней, мы рассчитывали,

что, может быть, некоторые спутники, которые от нас отстали по пути, догонят нас тут.

Между тем туркменский амир Али-бег Джаны-Курбаны получил весть, будто я пришёл в землю туркмен и остановился в местности Махмудиа с враждебными намерениями. По его распоряжению отряд туркмен ночью напал на нас; перевязали всех нас и в таком виде доставили к амиру Алибегу Джаны-Курбаны. Али-бег ни о чем не спросил нас, а просто отдал приказание своим людям посадить всех нас в тюрьму. Я сам и моя жена, сестра Хусайна, провели в темнице пятьдесят мучительных долгих дней. Когда я вышел из тюрьмы, я твердо решил и дал обещание Аллаху, что никогда не позволю себе бросить кого-либо в тюрьму, не разобрав наперед дела.

[Тимур размышляет о свободе]

В глубоком отчаянии, в тюрьме, я рассуждал так:

Лучше совершить безумный поступок – вырваться, чего бы это ни стоило, из стен темницы и биться снаружи за свободу;

если я освобожусь, тем исполнится мое желание;

если моя попытка не будет успешна, я наверное буду убит; мертвого меня похоронят вне тюрьмы – на вольной земле;

значит, так или иначе нужно сделать безумную попытку, так или иначе выбраться на вольный свет.

[Тимур выбирается на свободу]

Я обещал стражам щедрую награду за помощь в побеге из темницы; некоторые из них согласились помочь мне и дали мне меч. С этим оружием в руках я бросился на тех стражей, которые не согласились помогать мне в бегстве, и сам

обратил их в бегство. Я слышал вокруг себя крики: «Бежал, бежал!», и мне вдруг стало стыдно за свой поступок.

Я отправился сейчас же прямо к амиру Али-бегу Джаны-Курбаны и рассказал ему, что пришлось мне преодолеть, чтобы выбраться из темницы; он почувствовал уважение к моей доблести и был пристыжен. Как раз в это время Али-бег Джаны-Курбаны получил письмо от своего брата, амира Мухаммеда-бега Джаны-Курбаны; он писал:

«Ты бесчеловечно и несправедливо поступил с амиром Тимуром, нанес ему тяжелое оскорбление. Я посылаю амиру Тимуру богатые дары, прошу тебя непременно передать их ему; затем советую тебе, чтобы загладить несколько свою вину, – выпросить у Тимура прощение, посадить на своего коня и отпустить его».

Амир Али-бег Джаны-Курбаны исполнил точь-в-точь все, о чем писал ему Мухаммед-бег Джаны-Курбаны. Вскоре я выехал оттуда в сопровождении двенадцати всадников и направился в Хорезмскую степь.

[Новые приключения Тимура в стране туркмен]

Через двенадцать дней пути я остановился. В этой местности кочевали туркмены, которые опять приняли нас за воров и напали на нас. Чтобы разогнать их, я вступил с ними в бой; среди туркмен, как и в прошлый раз, нашелся знакомый мне человек, Ахмад; во время моего могущества он находился при мне и получил от меня много милостей. Теперь Ахмад в свою очередь помог мне: он сумел успокоить своих сородичей, и из туркмен ко мне присоединилось пятьдесят человек.

В это самое время ко мне присоединился Мубарак-шах-Юзбаши[77] со многими воинами и подарками, а из Хорасана ко мне пришло еще двести всадников да большой отряд пеших воинов.

---

[77] *Юзбаши* – сотник.

[Тимур превращается в странствующего монаха, идет к своему народу и сорок восемь дней тайно проживает в Самарканде у своей сестры Туркан-ага]

Хусайн, амир Хорезма, и Заин-эд-дин, амир Себзеварский, нашли, что место, где мы стоим лагерем, выбрано очень неудачно. Мне не раз было предсказано, что я буду великим владыкой; поэтому я не терял надежды снова овладеть Мавераннехром. Я решил немедленно послать в Кешь двести всадников, а сам рассчитывал отправиться к своему народу и набрать там воинов.

Я двинул из Бухары в Кешь двести всадников, а сам надел платье «каляндара»[78] и пошел к своему народу. Курчи-Тимургар, один из моих сторонников, узнал о моем прибытии и тотчас же явился ко мне в сопровождении сорока воинов. Я посвятил его в свои думы и планы, а потом послал его самого и его людей в Кешь; притом я строго-настрого приказал Тимургару, как только до него дойдет весть, что я захватил Самарканд, немедля явиться ко мне.

Из среды моего народа за мной последовала тысяча человек; с ними я ночью вошел в Самарканд и приютился у своей сестры, Туркан-ага. В ее доме, не выходя никуда целых сорок восемь дней, я тайно совещался с людьми, полезными для задуманного предприятия, и успел запастить оружием в необходимом количестве.

Мы готовились начать войну против воинов Джете, но наши враги, как нам сообщили, узнали от жителей Самарканда, что мы тайно проживаем в городе. При таких условиях я счел опасным оставаться в Самарканде и отправился

---

[78] *Каляндар* – персидское слово, значит «нищенствующий монах»; ходить в одежде «каляндара» – лучший способ конспирации в те времена, а также лучшая манера для шпионов и лазутчиков; нищенствующие монахи, как и на феодальном Западе, очень чтились набожными феодалами Востока, амирами и богадурами.

из города в окрестности Кеши, тут я остановился на несколько дней; впрочем, и здесь нельзя было долго оставаться; я взял с собой пятьдесят богадуров и с ними отправился в сторону Хорезма.

[Тимур добывает себе коней и пропитание]

По дороге мы встретили табун лошадей; из расспросов мы узнали, что кони принадлежат подвластным мне людям; мы очень легко уговорили хозяев табуна уступить нам коней, и я распределил их между пешими воинами моего отряда. Двигаясь вперед, мы переправились через реку Джайхун и в местности Ачиги прожили целый месяц, охотой добывая себе пищу.

[К Тимуру собираются его сторонники.
Захват Карибыза в Кандагаре]

В это время Мубарак-шах Санджарский, сайид Хусайн Хорасанский и Заин-эд-дин амир Себзеварский присоединились ко мне; у меня теперь собралось до тысячи всадников. С общего согласия мы подошли ночью при звуках труб к городу Карибызу в Кандагаре; я послал к правителю Карибыза, Мир-Магды, посла щедрыми обещаниями склонить Мир-Магды к сдаче нам города. Мир-Магды польстился на мои обещания и вышел из города мне навстречу[79] со своими сторонниками. Я принял его торжественно, с подарками, и предложил ему роскошное угощение. Мир-Магды остался очень доволен мною. В эту ночь Карибыз по воле Аллаха подчинился мне.

---

[79] *Выход навстречу* – магический символ установления и восстановления дружеских связей.

[Тимур успешно воюет в Сеистане]

Вскоре амир Хусайн пришел: ко мне униженно просить прощения, я разделил дань с Карибыза пополам и уступил одну половину амиру Хусайну. Я прожил несколько времени в Карибызе.

Однажды ко мне неожиданно прибыло с богатыми дарами посольство владетеля Сеистана[80]; он просил меня заключить с ним союз и помочь ему в большом предприятии. Я же выжидал удобного случая отнять Кандагарскую область у гурейцев[81].

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ

Владетель Сеистана, амир Малик-Махмуд, враждовал со своими соседями; побежденный, он бежал из свой страны; он просил меня помочь ему и предлагал в подарок несколько крепостей в Сеистане. Я стал советоваться с амиром Хусайном; мы договорились, что он один, без меня, с отрядом воинов отправится в Сеистан и поможет амиру Малик-Махмуду Сеистанскому.

Через день после выступления амир Хусайн прислал мне с гонцом известие, что амир Баграм-Джалаир возмутился против него; если я тотчас же сам не поспешу к своим воинам, он один не выполнит задуманного предприятия. Я немедленно двинулся к амиру Хусайну и близко подошел к Сеистану.

Амир Малик-Махмуд Сеистанский с богатыми дарами вышел мне навстречу и оказал мне самое широкое и радушное гостеприимство. Амир Малик-Махмуд дал торжественную клятву служить мне верой и правдой до конца своих дней. Я видел его искренность и преданность и решил помочь ему.

---

80 *Свистан* – область на границе Афганистана и Персии.

81 *Гурийцы* – племя в Афганистане.

В руки врагов амира Малик-Махмуда Сеистанского перешло семь крепостей. На одну из этих крепостей я напал врасплох ночью. Я повел приступ одновременно со всех четырех сторон; целые сутки шел жестокий бой; в конце концов я овладел крепостью. Там хранилось большое количество хлеба в зерне; это стало нашей добычей. Амир Хусайн, не спрашивая меня, по своему усмотрению разделил всю добычу между своими воинами. Я сделал вид, что не обращаю на это никакого внимания, словно я не принимал никакого участия в захвате крепости!

Я назначил амира в захваченную крепость и немедленно двинулся дальше к другой крепости. Воины и население вышли из крепостных стен и упорно сопротивлялись моим воинам; мне пришлось употребить немало усилий, чтобы снова загнать их в крепость. Большая часть моих богадуров быстро влезла на вал; запертые в крепости жители увидели, что они в безвыходном положении, и сдались, крича при нашем приближении: «Аль-аман, Аль-аман!» Амир Хусайн разделил между своими богадурами добычу, взятую во второй крепости, опять не спрашивая у меня согласия. Я простил амиру Хусайну и эту его вину.

Теперь мы двинулись к третьей крепости. На этот раз нам пришлось иметь дело с почти неприступными укреплениями; я спешил своих всадников и ночью окружил крепость со всех сторон. Воины и население спали самым богатырским сном; я приказал богадурам запастись «камандами»[82] и двинуться на штурм. Благодаря «камандам» богадуры легко взобрались на крепостную стену. С рассветом я приказал

[82] *Каманд* – приспособление наподобие сети из веревок или цепочек, которым всадник в одиночном бою опутывал противника и стаскивал с лошади. При штурме крепостей осаждающие забрасывали «каманд» на зубцы стен крепости и с его помощью вскарабкивались на стену.

трубить в трубы и сам лично, призвав имя Аллаха, бросился с воинами на крепость. Очень быстро все мое войско вошло в крепость, и мы тотчас овладели ею. Когда я оканчивал утреннюю молитву («субх»), ко мне связанными привели жителей крепости, взятых в плен при штурме; в этой крепости нам тоже досталась богатая добыча. Амир Хусайн получил весть о моей удаче и лично пришел принести поздравление с захватом неприступной крепости; слух о моей блестящей победе прошел по всему Сеистану.

[Тимур ведет, борьбу против амира Малик-Махмуда Сеистанского; в бою он получает две раны]

В это время амир Малик-Махмуд Сеистанский получил грамату от остальных четырех крепостей: их жители и воины выражали желание без сопротивления сдать крепости амиру Малик-Махмуду Сеистанскому. Они писали:

«Если амир Тимур овладеет всеми крепостями, то он и тебя лишит Сеистана и нас истребит».

Амир Малик-Махмуд был согласен с жителями и тайно ночью удалился от меня и ушел в Сеистан. Население крепостей и другие жители Сеистана порешили общими силами напасть на меня.

До меня дошла весть, что мне угрожает нападение сеистанцев. Я разделил всех воинов на три части: амир Хусайн с одной частью богадуров, составлял мое правое крыло, другую часть я расположил слева, а сам, предводительствуя третьей частью, составил средину боевого порядка. В первый ряд я поставил стрелков, за стрелками расположились воины, вооруженные копьями.

Бой был упорный. Я сам с двенадцатью богадурами очутился в самой средине бившихся; в это-то время в меня попали две стрелы: одна – в ногу, другая – в правый локоть.

Разгоряченный боем, я и внимания не обратил на то, что ранен; опомнился только тогда, когда с помощью Аллаха мне удалось опрокинуть врагов и обратить их в беспорядочное бегство.

[Тимур лечит свои раны]

После боя я отправился в сторону Гармуза. Я оставался там некоторое время и лечил свои раны. Амира Хусайна я с двумястами всадников послал в сторону Бакланата. Амир Хусайн овладел Бакланатом и все заботы направил, чтобы приобрести побольше богатства; он забросил все дела управления страной, все богадуры были страшно злы на него. Ахунд-бег с воинами Джете напал на амира Хусайна; тот был разбит в бою и с четырьмястами всадников бежал в селение Шарку. Меня возмущали до глубины души действия амира Хусайна. Правда, мои раны к этому времени совершенно зажили, но я ничего не мог сделать, чтобы загладить его ошибки; все мои богадуры были рассеяны по разным местам; возле себя я мог собрать только сорок всадников.

[Тимур собирает своих вассалов в долине Арсаф]

Я призвал: к себе Тимур-Ходжу-Углана, взял амира Магди-бега с сорока всадниками, которые все были из знатных родов, собрал помимо того решительно всех воинов (включая и своих телохранителей), какие только могли за мною следовать, прошел с ними в горы Мызд и там стал на стоянку. Вскоре и Сиддык-Барлас с отрядом воинов явился ко мне на помощь; он прежде служил мне, совершил со мною ряд походов; ему было очень приятно вновь служить мне. Вместе с ними я двинулся в долину Арсаф.

Амир Хусайн прислал мне письмо; он выражал желание присоединиться ко мне, но просил прислать ему для этого

воинов. Я отрядил Сиддык-Барласа с сорока всадниками на помощь амиру Хусайну, а сам двинулся дальше.

По дороге я увидал впереди черное пятно; опасаясь неожиданно наткнуться на врага, я выслал вперед разведчиков. Вскоре разведчики совершенно успокоили меня: шел на помощь мой старый соратник Кыранджи-богадур с сотней всадников. Я принес благодарность Аллаху за помощь в такую опасную минуту.

Мы достигли долины Арсаф. По дороге нам встретился тигр; я мысленно загадал: если мне удастся убить этого тигра, значит, меня ждет удача во всех предприятиях, какие задуманы; я пустил стрелу и наповал убил тигра. Мы остановились в долине Арсаф на возвышенности. Я занимался охотой; охота обеспечивала нам продовольствие в продолжение всей нашей долгой стоянки в степи Арсаф.

Мы поджидали амира Хусайна, который должен был здесь присоединиться к нам; мои воины расположились на берегу большой реки. Однажды вечером, при лунном сиянии, я сидел на горе один. Когда пришло время ложиться спать, я стал на ночную молитву и затем скоро уснул. Во сне я услышал голос, говоривший:

– Терпение – ключ к радости!

Я проснулся в хорошем расположении духа, счастливый виденным сном. Я огляделся кругом и заметил, что со стороны Балха к нам приближается какая-то толпа людей. Я ни слова не сказал своим воинам и один вышел вперед, навстречу приближавшимся всадникам.

Я спросил, чьи это воины. Какова же была моя радость услыхать в ответ, что это приближаются воины амира Тимура, которого они и разыскивают в степи. Меня отвели к начальникам, и я вновь увидел давно хорошо мне знакомых амиров Кутлук-Ходжу-Барласа, Саоф-эд-дина Никудерийского

и Тунг-богадура. При моем появлении все они сошли с коней, припали к моему стремени[83] и плакали от радости, что видят меня живым. С ними вместе и с их богадурами я присоединился к своему отряду и устроил большое пиршество.

[Шир-Баграм возвращается к Тимуру]

Вскоре со стороны Мерва к нам подошел еще отряд. Мы опасались, что на нас надвигаются враги, но тревога оказалась напрасной: это Шир-Баграм, который раньше бежал, теперь возвращался ко мне, он устыдился своей измены

Осада Самарканда монголами
Миниатюра Джагатайской рукописи Британского музея

[83] *Припадать к стремени* – характерная символика феодального средневековья, знак радостного почтения вассала к сюзерену.

и спешил присоединиться со своими воинами к моему отряду; он молил простить его измену, забыть все старое. Я радушно принял его, сделал угощение на славу и примирился с ним, как будто между нами никогда ничего не происходило. Шир-Баграм ожидал заслуженной казни. Я, наоборот, подарил ему золотой венед и шапку, усыпанную драгоценными камнями; я даже опоясал его своим поясом, – его радость ре поддается описанию!

В долине Арсаф мы несколько дней пировали и веселились по случаю возвращения Шир-Баграма.

[К Тимуру присоединяются новые союзники]

Четыре дня спустя к нам прибыл Хаджи-Барлас и амир Хусайн с двумястами воинов. Мы были очень довольны, что нам удалось собраться вместе.

На общем совете мы решили двинуться походом на воинов Джете. Я отрядил Шир-Баграма с богадурами к Ильчи-Бугай-Сальдуру, правителю крепости Дуладжун, – просить его присоединиться к нам.

Шир-Баграм явился к Ильчи-Бугай-Сальдуру и передал наше желание. Ильчи-Бугай-Сальдур отвечал:

– Я давно дружен с амиром Тимуром и рад был бы служить ему, но я не могу сейчас изменить Ильяс-Ходже: он дал мне крепость Дуладжун, он слишком много доверяет мне.

Так Ильчи-Бугай-Сальдур отказался служить мне; все-таки около трехсот всадников от него перешло служить ко мне.

Вскоре мы оставили место нашей стоянки и перешли на другое. Правители Кундуза и Бадакшана[84], Али и Махмуд-шах-Кабули, присоединились ко мне с большими отрядами войск, я их принял, щедро одарил и устроил богатое угощение.

[84] *Кундуз* и *Бадакшан* – города в теперешнем Афганистане.

[Тимур производит рекогносцировку против войск Джете]

Как было решено на общем совете, я отрядил двести всадников под предводительством Тикиш-богадура и отправил их в сторону Балха; кроме того я послал Тамук-богадура с поручением поразведать и принести мне точные сведения, что делается в стране Джете. Отряд Тамук-богадура постигло страшное несчастье: при переправе через реку Термез все воины с оружием и продовольствием погибли в волнах реки – ни один богадур не возвратился к своей семье; сам Тамук-богадур каким-то чудом уцелел и принес мне весть о несчастьи. Он сообщил, что на нас двигается шеститысячное войско Джете; его отряд оказался не в силах сколько-нибудь приостановить движение полчища; правда, несколько воинов Джете были убиты, но остальные безнаказанно грабили окрестности Термеза. Получив такие вести, я немедленно двинулся со своими воинами и остановился на берегу реки Джайхун.

Тикиш-богадур наконец возвратился ко мне; он был счастливее Тамук-богадура и привез с собой богатую добычу. Тут же я получил граматы от амира Сулеймана, Джагуй-Барласа, амира Мусы, амира Джелал-эд-дина и амира Хинду-шаха; они узнали, что я пришел в долину Арсаф и стал лагерем; недовольные Джете, они решили присоединиться ко мне с тысячью всадников, которые были в их распоряжении; они пришли к берегам реки Термеза и выслали вперед амира Тугуль-буга, чтобы получить через него верные сведения, где я стою лагерем.

[Амиры хакана Туклук Тимура
и Ильяс-Ходжи наступают на Тимура]

Как раз в это время амир Сайид-ибн-Айгу, Менгли-Буг, владетель Дуладжуна и Хайдор Андхойский, по приказанию

Ильяс-Ходжи и хакана Туклук Тимура, с шестью тысячами всадников двинулись против меня. Они овладели окрестностями Термеза и Балха; население Балха вынуждено было переправиться через реку Джайхун и стать под мою защиту.

Через три дня утром три амира Ильяс-Ходжи с шестью тысячами всадников остановились на противоположном берегу реки Джайхун, приготовляясь напасть на нас; только река разделяла нас.

[Тимур поучает амиров Ильяс-Ходжи любить человеческий род и отказаться от войны]

Я снарядил Тимур-Ходжу-богадура послом к нашим врагам; я поручил ему убедить наших врагов отказаться от враждебных действий против меня:

«Все люди, населяющие землю, составляют как бы одно тело, одно целое;

если кто нападает на других и причиняет беду, это равносильно тому, если бы человек стал рубить собственное тело;

значит, всякие враждебные действия друг против друга лишены всякого смысла, война не нужна».

Эти слова, переданные моим послом, сильно подействовали на врагов: они отказались от намерения напасть на меня. Так я без всякого кровопролития примирился с врагами и двинулся с воинами обратно.

[«Злонамеренные люди» разрушают миротворческую идиллию Тимура]

Через день после моего ухода несколько злонамеренных людей сумели убедить моих неприятелей, что было бы позорно возвращаться, не дав мне боя. Враги совершенно неожиданно переправились через реку Джайхун и стали выстраиваться в боевой порядок, чтобы напасть на меня.

Я оглянулся на свое войско – его было мало, и противник числом воинов значительно превосходил нас; зато мое войско состояло из отборных храбрых богадуров; я не смутился малочисленностью своих сил, а был очень бодро настроен, вспомнив слова Корана:

«Сколько раз небольшие ополчения побеждали бесчисленные полчища по изволению Аллаха». *(Коран, II сура, 250 ант)*

Я понимал глубокий смысл этих слов так, что и немногие с помощью Аллаха могут одолеть гораздо сильнейшего противника.

[К Тимуру подходят
в критическую минуту новые союзники]

До вечера сражение не начиналось. Вечером я собрал на совет всех своих союзников; мы решили ночью врасплох напасть на войнов Джете; опасение за малое число наших воинов все время не оставляло нас.

Ночью мы заметили, что к нам приближаются три отряда воинов. Нам пришла в голову мысль, что это враги наши начали нападение, и мы приготовились как следует встретить их; наши страхи скоро рассеялись: амиры Сулейман, Джагуй-Барлас и Муса взбунтовались против Джете, отложились от хакана Туклук Тимура и Ильяс-Ходжи и с тысячью пятистами всадников двигались к нам на помощь. Мы приняли их с большой радостью и устроили торжественную встречу. Я воздал хвалу Аллаху за чудесную помощь в такую опасную для меня минуту!..

[Тимур одерживает блестящую победу над войсками Джете]

Вскоре Менгли-Буг, владетель Дуладжуна, амир Сайид-ибн-Айгу и Хайдор Андхойский с тремя отрядами воинов стали наступать на нас. В моем распоряжении находилось

всего-навсего три тысячи воинов; и разделил их на шесть частей. Располагая воинов в боевом порядке, я поставил впереди ряд стрелков, а за ними ряд воинов, вооруженных пиками и мечами. Эти две части моих воинов с раннего утра вступили в бой и дрались до позднего вечера; в этот день ни одна из сторон не имела решающего успеха; оба отряда – и мой, и вражеский – одинаково выбились из сил.

В моем распоряжении оставалось, однако, еще две трети войнов, совершенно не утомленных; с этими силами я ночью, врасплох, напал на врага, который был; истомлен боем предшествующего дня. Мои воины быстро ринулись на врага с криками: «Алла-яр!» при звуках труб, с боем барабанов. Три раза я производил натиск без всякого успеха, наконец четвертый – положил конец сражению: победа осталась за мной. Мы обратила неприятеля в паническое бегство, заняли его стан, забрали большое количество оружия и всякого добра. Я принес хвалу Аллаху, пославшему победу над сильнейшим врагом.

Преданные мне люди пришли принести поздравление с блестящим успехом.

[Аль-Хакк-богадур и Мир-Кичик-бег врасплох нападают на воинов Тимура]

Весть о нашей победе быстро дошла до Ильяс-Ходжи. Он тотчас же приказал Ал-Хакк-богадуру и Мир-Кичик-бегу немедленно с большим числом воинов двинуться против меня. Это было для меня полной неожиданностью; я узнал о грозящей мне опасности, отправил амира Хусайна правителем в Балх, а сам покинул место стоянки после боя, переправился через реку Джайхун и расположился станом в степи на зеленой поляне. Мои стражи не ожидали нападения и уснули богатырским сном; вдруг со стороны неприятеля к нам быстро приблизился большой отряд воинов. Палатки

моих воинов, расположенные поодаль от центра стана, были немедленно разграблены, а воины, спавшие в палатках, разбежались по степи. Я сам с окружавшими меня богадурами стал яростно действовать стрелами; нам удалось отбить натиск врага и не допустить его подойти ближе. Я видел, что со стороны реки неприятеля не было, и приказал немедленно переправить на противоположную сторону реки все наши палатки и имущество – все было быстро исполнено. Вслед за имуществом и я сам на лодке переправился на другой берег Джайхуна.

[Войска Джете после месячной стоянки на противоположном берегу Джайхуна уходят без боя. Тимур торжествует победу]

Здесь я выбрал удобное место для лагеря, укрепил его и простоял с воинами целый месяц. Войска неприятеля тоже целый месяц простояли на противоположном берегу реки.

Через месяц мы заметили, что неприятельский стан опустел: воины Джете ушли с места стоянки, – нужно думать, к себе в свои «улусы». Тогда я со своими воинами победоносно двинулся в сторону Балха и быстро достиг местности Хульм[85]. Амир Хусайн устроил нам здесь торжественную встречу; я провел в этой местности целых десять дней среди пиров и развлечений.

[Тимур приходит к намерению отнять у Джете все города Турана]

Здесь у меня созрел план отнять у Джете все города Турана. Посовещавшись с амиром Хусайном, мы двинулись в сторону Бадакшана и скоро пришли в местность Кундуз.

---

[85] *Хульм* – город в северной части Афганистана, около Кундуза.

В это время от племени узбеков ко мне присоединились два отряда воинов, всего численностью до тысячи всадников. С таким количеством воинов я поспешил ночью подойти к Бадакшану; я опасался, что население узнает о нашем приближении и успеет привести укрепления в боевой порядок. Но как только я подошел к местности Танан, правители Бадакшана с подарками вышли мне навстречу. Я взял у них до двух тысяч всадников, чтобы усилить свой отряд и отправился в Джилян; там я рассчитывал набрать еще больше воинов, а потом уже двинуться против Джете.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ

В местности Джилян я взял с собой главу амиров с воинами и двинулся в местность Кульмак, где и сделал остановку.

Амир Хусайн втайне желал мне зла, но не решался открыто выступить против меня. Чтобы повредить мне, ослабить мои силы, он затеял ссору с Пулад-Бугаиром и добился того, что Пулад-Бугаир расстался со мной и ушел в свою сторону.

[Тридцатитысячное войско Джете нападает на Тимура]

Между тем на меня надвинулось огромное войско Джете во главе с амирами: Мир-Кичик-бег, Тимурин-Туклан, Сарык-богадур, Сангум-богадур, Туклук-Ходжа и Кучь-Тимур. С ними же двигались на меня вместе с отрядом в двадцать тысяч всадников амиры, служившие прежде мне: Туклук-Сальдур и Кай-Хисрау-Джиляны. Из всего полчища противники выделили шесть тысяч всадников и расположили в один ряд, чтобы начать бой.

Я слышал в этот день, что общее число двинутых против меня воинов Джете достигает тридцати тысяч человек; у меня же, за исключением войска амира Хусайна (на верность его я никогда не мог вполне рассчитывать!), было всего шесть

тысяч воинов; как видно, я был примерно в пять раз слабее неприятеля. Я загадал по Корану, и мне открылся аят:

«Сколько раз небольшие ополчения побеждали бесчисленные полчища по изволению Аллаха». (*Коран, II сура, 250 аят)*

Прочитав это место Корана, я вполне успокоился.

*[Удачный бой Тимура
с шестью тысячами всадников Ильяс-Ходжи]*

Шесть тысяч всадников Ильяс-Ходжи начали наступление на моих воинов.

Я не принял здесь боя и отступил с воинами в сторону Джиляна. Враги подумали, что я отступил из страха перед ними, и не стали преследовать меня; преспокойно остались на месте и не приняли никаких мер предосторожности против меня. Я сделал четыре «фарсанга»[86] вперед, потом повернул назад и увидал, что неприятель беспечно отдыхает и совсем не ждет моего возвращения; тогда я внезапно напал на врага. Кай-Хисрау-Джиляны и Туклук-Сальдур неожиданно перешли на мою сторону, и мы вместе дважды набрасывались на врага; скоро обратили его в самое дикое бегство; с криками: «Аль-ферар, аль-ферар!»[87] вражеские воины рассеялись в разные стороны; многих беглецов мы захватили в плен; лишь тем, у кого были хорошие кони, удалось ускакать и присоединиться к главному отряду Ильяс-Ходжи. Настала ночь; амир Хусайн со своими воинами отодвинулся от берега реки и пошел по направлению к Джиляну. Враги наши несколько успокоились и не решались

---

[86] *Фарсанг* – мера длины в один час езды малой рысью, т. е. около 6–7 километров.

[87] *Аль-ферар* – арабское слово, значит: «бегство войска».

преследовать нас: они видели, что у меня достаточно сил оказать им самое серьезное сопротивление.

[Тимур применяет хитрую тактику в борьбе с войсками Джете]

Из боя с войсками Джете я извлек богатый опыт: стало ясно, какой тактики лучше держаться в борьбе с громадными отрядами неприятельских воинов:

открытой силой их очень трудно победить;

лучше всего сначала отступить, как будто в испуге перед численным перевесом неприятеля, а потом, когда удастся убедить врага в своей мнимой слабости, усыпить его бдительность, – неожиданно произвести решительный натиск на неприятеля.

Новую тактику мне очень скоро пришлось применить.

Я поставил против неприятеля у каменного моста амира Муайяд-Арлада, Кара-богадура и Ирак-богадура, сам с отборными богадурами поднялся на возвышенность, приказал остановиться там и разбить палатки; на вершине горы я велел разложить как можно больше костров.

Войдя в свою палатку, я стал на молитву; потом, не знаю, во сне или наяву, я услышал голос, говоривший мне:

– Тимур! поздравляю тебя с победою.

Я очень был рад этим словам.

После утренней молитвы Ильяс-Ходжа ушел со своими воинами под бой барабанов. Некоторые амиры советовали мне броситься преследовать Ильяс-Ходжу, но я догадывался, что его движение – только хитрая уловка заставить меня сойти с возвышенности, где стояли мои богадуры; я отдал приказ всем оставаться на своих местах и никуда не двигаться.

Я угадал правильно; врагам не удалось заставить нас сделать по-своему; наоборот, им самим пришлось вернуться

и начать бой в самых невыгодных условиях у подошвы горы; мы с возвышенности поражали пращами воинов, стоявших на равнине значительно ниже нас; у Ильяс-Ходжи было перебито и ранено много богадуров. С наступлением ночи бой прекратился.

[Ночной бой с войсками Ильяс-Ходжи]

Ночью я собрал на совет своих амиров; мы решили, что для нас теперь невыгодно стоять неподвижно на горе, а гораздо лучше сойти вниз и вступить в бой с неприятелем у подошвы горы.

если нам посчастливится в бою, то мы достигнем своей цели (рассуждали мы);

если же не посчастливится, мы все-таки передвинемся отсюда в другую сторону.

Я приказал воинам двигаться сомкнутыми рядами в полной тишине и ночью напал на войско Ильяс-Ходжи со всех четырех сторон. Произошел жаркий бой, дело дошло до рукопашной. В самый разгар боя я встретился с Ильяс-Ходжой и насмешливо пожелал ему: «Счастливого пути!» Не одержав над нами верха, воины Ильяс-Ходжи, отстреливаясь, ушли в свой лагерь и расположились там. Я также двинулся с поля сражения, последовав за войском Ильяс-Ходжи, и расположился вокруг города. В это время ко мне присоединился и амир Хусайн со своим отрядом.

Ильяс-Ходжа собрал на совет своих амиров; пристыженные поражением и бегством, они собрались в полном унынии, со слезами на глазах; на общем совете порешили биться со мною до тех пор, пока не победят меня или сами не будут перебиты до последнего человека.

[Смерть хакана Туклук Тимура. Ильяс-Ходжа отправляется с поля битвы для устройства своих дел]

Порешив так, Ильяс-Ходжа приготовился к бою; совершенно неожиданно прискакало несколько гонцов с вестью о смерти хакана Туклук Тимура. Ильяс-Ходжа должен был немедленно ехать для вступления на престол своего отца.

Новый хакан поспешил отправиться к умершему отцу. Он приказал амирам, которые оставались в крепости, держаться до его прихода; сам обещал вернуться, как только покончит со своими делами. Я решил убить Ильяс-Ходжу, соединился с амиром Хусайном и двинулся с воинами вслед за Ильяс-Ходжой.

[Воины Тимура разбивают у Кеши воинов Ильяс-Ходжи]

В это время, как я узнал, Ильяс-Ходжа послал в Кешь своего наместника с воинами. Каждые два-три дня от Ильяс-Ходжи уходило по отряду воинов и присоединялось ко мне. Богадуры, переходившие ко мне, подтверждали весть, что Ильяс-Ходжа послал к Кеши своих воинов.

Я, со своей стороны, послал в Кешь воинов и амиров: Сулеймана, Сайф-эд-дина Никудерийского, Джагуй-Барласа, Баграм-Джалаира и Джелал-эд-дина – отразить нападение отрядов Ильяс-Ходжи. Нужно было ввести в заблуждение врага относительно численности моих воинов; я приказал своему отряду, двигаясь по дороге, как можно больше пылить. Вблизи Кеши воины моего отряда привязали ветки деревьев к хвостам своих коней, чтобы произвести побольше пыли, и поскакали по направлению к городу. Наступление моих богадуров вызвало в Кеши полную панику среди воинов Ильяс-Ходжи; они не оказали ни малейшего сопротивления моим богадурам и сразу же ударились в бегство.

Через неделю мои воины вернулись с богатой добычей.

Вскоре Суль-Умар-Баян-Сальдур присоединился ко мне с семью отрядами; прибыл также Шир-Баграм, просил у меня прощения, поздравил с блестящей победой. Я устроил большой пир в честь их прихода.

[Воины Тимура одерживают блестящую победу над воинами Ильяс-Ходжи, берут в плен многих его амиров]

Вскоре мне пришлось выступить в поход со своими воинами: Ильяс-Ходжа собрал большое войско, чтобы напасть на меня. Во главе своих воинов он поставил Мир-Кичик-бега, Искандер-Углана и амира Сайфа. Я загадал по Корану, какая участь меня ожидает: мне открылось, что я должен победить врагов; я был очень рад и принес благодарность Аллаху за помощь.

Я пришел в местность Баш-Арыги. Я оставил там амира Хусайна, приказал ему все время быть настороже, чтобы враги, когда будут приближаться, в первую минуту не могли сглазить нашей силы. Я разделил своих воинов на семь частей и расположился в таком порядке, как располагаются на перелете журавли; так я дошел до местности Кий[88].

В это время Мир-Кичик-бег производил разведку с большим отрядом своих воинов и встретился со мной. Я загадал по Корану, что меня ожидает, мне открылся аят:

«Мы украсили небо, ближайшее к этому миру, светилами; мы поместили их тут для отражения демонов, для которых мы приготовили адский пламень». (*Коран, XVII сура, 5 аят*)

Я обрадовался и двинул своих воинов навстречу воинам Мир-Кичик-бега. Отряд за отрядом подходили мои остальные воины на помощь передовым.

---

[88] *Кий* – местность по Заравшану немного ниже Самарканда.

Сражение затянулось надолго; в моем войске произошло замешательство; тогда я поспешил сам присоединиться к воинам с избранными богадурами. Лишь только я подошел, войско Мир-Кичик-бега обуял страх. Вслед за мной вступили в бой со стороны неприятеля Искандер-Углан, амир Юсуф и амир Хамид. Я со своими богадурами пролил немало крови: в рукопашном бою мы немилосердно рубили врагов мечами. Во время боя конь Мир-Кичик-бега упал под ним, и нам удалось захватить его в плен; чтобы освободить Мир-Кичик-бега, амир Юсуф и амир Хамид со страшным ожесточением напали на нас. Один пеший воин с такой силой ударил коня амира Хамида, что конь упал, и амир Хамид был взят в плен. Амир Юсуф повернул коня и вскачь бросился назад; по пути его стремя зацепилось за стремя встречного всадника; амир упал и также попал в наши руки. Искандер-Углан бежал и присоединился к воинам Ильяс-Ходжи.

Я был крайне доволен одержанной победой, въехал на гору и начал собирать разбросанных здесь и там по полю битвы воинов в одно место. Войско мое быстро собралось, и я с удвоенной силой бросился на отряд Ильяс-Ходжи. Я снова одержал верх; я уже собирался схватить самого Ильяс-Ходжу, как на помощь к нему прискакал Искандер-Углан; он сам попал в плен, а Ильяс-Ходже удалось бежать. Мы бросились за погоню за Ильяс-Ходжой.

В моем войске не было ни одного богадура с пустыми руками; мы захватили очень много пленников, коней, оружия и имущества. Я приказал привести к себе всех пленников, чтобы переговорить с каждым из них сообразно с его положением. Я принес Аллаху благодарность за победу, мне посланную, и перешел с войсками и добычей в местность Кар, где и остановился. Я разрешил своим воинам праздновать победу: пировать и веселиться.

Угедей, сын Чингис-хана
Миниатюра из собрания Гауарт в Париже

[Тимур беседует с пленными амирами Ильяс-Ходжи и великодушно отпускает их на свободу]

Через день по приезде в Кар я велел привести к себе взятых в плен амиров Ильяс-Ходжи.

Прежде всего я обратился к Мир-Кичик-бегу, похвалил его за верность своему хану и старался всякими посулами склонить к переходу на мою сторону; он не согласился подчиниться мне. Такую же похвалу я воздал амиру Хамиду; Затем я выразил свое удивление подвигу Искандера-Углана, что он пожертвовал собой из-за Ильяс-Ходжи.

Я стал спрашивать пленных амиров, как они объясняют мои победы над их сильнейшим войском. Они отвечали: слава о моей непобедимости внушает такой неотразимый страх воинам моих врагов, что каждый мой удар по силе действия равняется тысяче обыкновенных ударов.

– Какой же казни я должен подвергнуть вас? – спросил я пленных амиров. – Конечно, мы заслужили казнь, но в стране Джете найдется немало людей, которые своим долгом сочтут отомстить за своих родичей; если ты отпустишь пленников, слава о твоем великодушии привлечет к тебе многих: они подчинятся тебе только за то, что ты так милостиво относишься к пленникам; ты сам знаешь, что лучше: мстить или прощать, – говорили мне пленники.

Я снова попробовал заманчивыми посулами склонить их к переходу на мою сторону; они так и не согласились; я убедился в их непоколебимости, преданности своему повелителю. Я дал щедрые подарки, освободил на волю их и других пленников и отправил всех к Ильяс-Ходже.

[Тимур захватывает Самарканд]

Вскоре я получил весть, что Ильяс-Ходжа пришел на берег Сайхуна у Ходжента. Я немедленно двинулся туда с воинами, но не нашел там Ильяс-Ходжи. Амира Сайф-эд-дина Никудерийского и амира Джагуй-Барласа я послал овладеть Самаркандом, а сам стал охотиться и с охотой тоже приблизился к Самарканду. Множество моих родичей и вассалов вышли мне навстречу со словами: «Истинное дело совершилось».

Я остановился в Самарканде и разослал собирать отставших по дороге воинов.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ СЕМЬ ЛЕТ

[Амир Хусайн чинит козни Тимуру, делает ханом Мавераннехра Кабуль-шаха]

Племена Джете сами по себе, без всякого моего подстрекательства, начали враждовать между собой и возмутились против своего хана. Я желал быть единовластным правителем и решил вмешаться в дела Джете.

Но в это же время я получил нехорошие вести: амир Хусайн тайно действует во вред мне, сговаривается с главами племени Тумны, что ханом следует сделать не меня, а Кара-Джой-Джагатай-хана. Я написал письмо амиру Хусайну, что, по моему мнению, достоинство хана может получить только тот, кто много и счастливо воевал и кто уничтожил врагов Мавераннехра. Амир Хусайн не обратил никакого внимания на мое письмо, а, по сговору с главами племени Тумны, отыскал внука Джагатай-хана, Кабуль-шаха, который жил в полной бедности, и сделал его ханом. Я пришел в Кешь и оставался там.

[Амир Хусайн испытывает страх перед нашествием войск Джете и унижается перед Тимуром]

Когда наступила весна, распространились упорные слухи, что мятежники Джете с большим количеством воинов собираются напасть на Мавераннехр. Амир Хусайн в страхе поспешил собрать на совет преданных ему амиров; они порешили: воевать с воинами Джете без моего участия – немыслимая вещь. В безвыходном положении они обратились ко мне с просьбой.

Амир Хусайн писал: он – мой верный друг, но свою дружбу он докажет только потом; он не будет больше поступать, как раньше, – уверять в своей преданности, писать об этом;

он догадывается о моем к нему расположении по расположению, которое сам чувствует ко мне.

О просьбе амира Хусайна узнал и воспитатель Кабуль-шаха. Он сейчас же умертвил Кабуль-шаха, поспешил притти ко мне и предложил принять его на службу. Я пришел к выводу: только очень дурной человек мог решиться убить своего повелителя, такого человека следует за гнусное злодеяние наказать самым достойным образом.

Я отослал его к родственникам убитого Кабуль-шаха, чтобы они отомстили злодею так, как он этого заслуживает.

[Тимур собирается итти войной на Джете. Рекогносцировка. Диспозиция войск Тимура]

Потом я собрал много воинов, сообщил амиру Хусайну, что собираюсь итти войной на Джете, и отправился для защиты путей через Сайхун. Всего у меня набралось до семи тысяч воинов, которых я разделил на семь частей. Я послал: гонца к амиру Хусайну; он скоро присоединился ко мне и расположился со своими воинами вблизи моего лагеря. Я разослал лазутчиков разведать о положении дел в войске Ильяс-Ходжи. Шпионы донесли мне: Ильяс-Ходжа со всеми своими воинами остановился в местности Бад. Правым и левым флангами его воинов командуют Сангин-богадур и Хаджи-бег; сам Ильяс-Ходжа с избранными богадурами занимает центр.

Ильяс-Ходжа выслал на разведку вперед Кипчак-богадура. Я в свою очередь выслал на разведки Аль-Джой-Ту, султана Толканского, Шир-Баграма, Пулад-Бугаира, амира Пархат и Малик-богадура под общим командованием Кутлушь-Саланджи-Арлада. Начальниками своих флангов я назначил Саз-Буга и Тимура-Ходжу, а сам с избранными богадурами занял центр. Амир Хусайн перешел реку. Я высказал мнение,

что нам обоим следует с двух сторон одновременно напасть на войско Ильяс-Ходжи; амир Хусайн не согласился со мной: по его мнению, нам совсем не следовало делить своих сил пополам; убедить его не было никакой возможности: волей-неволей мне пришлось подчиниться ему.

[Удачный бой Тимура с воинами Ильяс-Ходжи расстроен амиром Хусайном]

Вскоре перед нами появились воины Ильяс-Ходжи. Я смутился, когда увидел значительное превосходство неприятельских сил над моими; по своему обычаю, я загадал по Корану; мне открылся аят:

«Аллах уже помогал вам во многих битвах». *(Коран, IX сура, 25 аят)*

Прочитав этот аят, я получил уверенность в успехе. В это время передовые отряды с обеих сторон вступили в бой. Со стороны неприятеля Хаджи-бег смял воинов Саланджи-богадура и бросился на отряд амира Хусайна; с первого же натиска воины амира Хусайна подались и разбежались в разные стороны. Я молил Аллаха послать побольше твердости в бою остальным моим амирам и богадурам.

В это время амир Шамс-эд-дин со своим отрядом тоже направился в сторону отряда амира Хусайна. Я со своими богадурами напал неожиданно на амира Шамс-эд-дина[89], смял его и прогнал к отряду Ильяс-Ходжи. Удар был настолько силен, что произвел панику среди воинов Ильяс-Ходжи.

Амиру Хусайну я послал приказание, чтобы он поскорее двигался на соединение со мной: неприятель напуган, следует теперь же напасть на него; легче победить и обратить в бегство неприятеля, который приведен уже в расстройство.

---

[89] *Шамс-эд-дин* значит собственно: «солнце веры».

Амир Хусайн без всякой причины не исполнил моего распоряжения и не пришел, хотя я не менее десяти раз посылал к нему гонцов. Стало ясно, что амир Хусайн изменяет мне; тогда я отступил и остановился; воины неприятеля были крайне измучены и тоже отступили. Всю эту ночь я ни на минуту не слезал с коня. Амир Хусайн присоединился ко мне, когда надобность в нем миновала, когда удобный момент был уже упущен. Мы поставили с четырех сторон сторожевые посты и под их прикрытием спокойно провели ночь.

[«Ядачи». Воины Ильяс-Ходжи не выдерживают натиска Тимура]

Настало утро. После заклинаний «ядачи»[90], который был у неприятеля, пошел сильный дождь и сильно затруднял нам движение. Несмотря на дождь, я приказал трубить в трубы и со своими богадурами начал бой. Вскоре нам удалось поймать «ядачи», который накликал дождь, и убить его; дождь сейчас же перестал. Я с такой стремительностью и силой бросился со своими воинами на неприятеля, что он не в силах был выдержать натиска: воины Ильяс-Ходжи разбежались в разные стороны. Мои воины их преследовали, я с двумя тысячами всадников остановился на месте и приказал играть музыке.

[Амир Шамс-эд-дин наносит поражение воинам Тимура. Рассуждение Тимура о вреде двоевластия на поле битвы]

Вдруг совершенно неожиданно на нас напал с несметными полчищами воинов амир Шаме-эд-дин, глава амиров.

[90] *«Ядачи»* – шаман, призыватель дождя заклинаниями; «реальность» действий «ядачи» (прекращение дождя после убийства «ядачи») указывает, как твердо верили в силу магических заклинаний все люди Мавераннехра и Джете, включая самых высоких сеньёров.

Я тотчас же послал ему навстречу тысячу всадников. Бой продолжался целый день без перерыва до наступления темноты. Посланная мною тысяча всадников погибла вся целиком от бесчисленных врагов. Я получил весть о гибели отряда и понял, что больше продолжать бой невозможно; в эту же ночь я отступил по направлению к городу Кешь. Вот какая незадача постигла нас только потому, что амир Хусайн упрямо не захотел последовать моему совету – напасть на Ильяс-Ходжу сразу с обеих сторон! Как ясно, что двоевластие во время боя всегда пагубно отражается на исходе сражения. Как подтвердилась поговорка, что «две головы рогатых баранов нельзя сварить в одном котле»!

[Амиры Тимура терпят поражение от Кепек-Тимур-богадура, главы амиров Джете]

Амир Хусайн перешел Джайхун и со своими родичами, а также с близкими амирами остановился на берегу реки, рассчитывая бежать в Индустан, если воины Ильяс-Ходжи двинутся в его сторону. Амир Хусайн приглашал и меня последовать его примеру, но я наотрез отказался: я рассчитывал набрать сначала побольше воинов и потом уже с большим успехом произвести нападение на воинов Ильяс-Ходжи.

Вскоре я собрал два отряда. До меня дошли вести, что амиры Джете пришли с большим числом воинов и расположились в горах Самарканда. Я отделил тогда три отряда под началом Тимур-Ходжи-Углана, Аббаса-богадура и Чадырджи-богадура и приказал им напасть внезапно на воинов Джете. За первыми тремя отрядами я отправил еще два под началом Дауд-Ходжи и Хинду-шаха; два отряда должны были составлять резерв для передовых отрядов. Задние отрады скоро догнали передовые, но те своей

трусостью нагнали страх, уничтожили всякую уверенность в победе и в двух задних отрядах: Дауд-Ходжа и Хинду-шах с позором повернули обратно.

Скоро я получил весть об их неудачах. Бежавшие амиры были очень смущены своим поражением. На пути они встретили только Кепек-Тимура-богадура, главу амиров Джете, бились с ним, потерпели неудачу, бежали и поодиночке вернулись ко мне. Я собрал рассеявшихся воинов, двинулся в сторону Балха и остановился на берегу реки Джайхун. В этом месте ко мне присоединилось много богадуров: Кепек-хан, Туман и Ильчи-Бугай-Сальдур с большим количеством воинов пришли ко мне.

*[Самарканд терпит бедствия от войск Джете,
жестоких холодов и моровой язвы]*

К нам пришла весть, что войска Джете взяли и разграбили несколько городов. Встревоженный этим, я переправился через реку Джайхун. В это время я получил известие из Самарканда, что туда тоже явились враги. В Самарканде не было крепости; жители перегородили улицы и, укрепившись таким образом, ждали, что я с моими воинами приду к ним на выручку. Я немедленно двинулся к Самарканду с тысячью всадников. По дороге до нас дошли еще более печальные вести: неприятель со всех сторон обложил Самарканд; там стоял жестокий холод, и свирепствовала моровая язва. Я двинулся быстрее и нашел жителей Самарканда в самом ужасном состоянии. Я не стал сам много заниматься Самаркандом, а оставил там для боев с войсками Джете амира Джагуй-Барласа, амира Сайф-эд-дина Никудерийского, Ак-Буга, Ильчи-Бугай-Сальдура, а сам отправился в сторону Баклана. Туда ко мне явился и амир Хусайн. Из Баклана я перешел в Карши, чтобы там провести зиму. Я решил

дать отдых всем своим воинам: распустил их по домам и приказал вновь собраться ко мне на будущую весну к празднику Науруз.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЛЕТ

Город Карши носил также название Кепек-хан-магмурассы[91]; я распорядился построить вокруг города стену и укрепить ее; построил внутри города много красивых зданий. Наступила весна. Я собрал своих воинов и, посовещавшись с амиром Хусайном, направился к Самарканду. Вблизи Самарканда мы разбили палатки и расположились большим станом.

[Жадность амира Хусайна]

Амир Хусайн был вместе со мной, но втайне он завидовал моим успехам в боях; поэтому, когда я собирался итти на Самарканд, амир Хусайн вдруг стал взыскивать с моих амиров все, что они истратили, хотя всю дань амиры тратили на воинов. Этот поступок амира Хусайна так возмутил меня, что в припадке гнева я хотел убить его; но в это время мне пришел на память аят из Корана:

«Старайтесь заслужить прощение Аллаха и обладание раем, обширным, как небеса и земля, назначенным тем, которые боятся Аллаха, тем, которые дают милостыню как при достатке, так и при нужде, которые умеют укрощать гнев свой и которые прощают людям, их оскорбляющим». *(Коран, III сура, аят 127 и 128)*

И я отказался от своего злого умысла.

Я послал письмо амиру Хусайну, высказал, что не нахожу ничего предосудительного в том, что он добивается получения

---

91 *Кепек-хан-магмурассы* значит: «город, построенный Кепек-ханом», джагатайским ханом XIV века н. э.

своей доли добычи и послал ему верблюдов и коней. Моя жена, сестра амира Хусайна, Аль-Джой Туркан-ага, послала брату в подарок много скота, имущества и драгоценности; амир Хусайн все это взял с жадностью. Я послал ему много денег, он тоже все их взял, не зная предела своим желаниям; он оставался все время недоволен тем, что имеет. Мои амиры ненавидели амира Хусайна за такую жадность и скупость.

Когда войска Джете нападали на города Мавераннехра, амиры стратили много денег, чтобы привести в порядок крепости перед приходом врагов. Амир Хусайн из скупости несправедливо обвинил некоторых амиров в излишних тратах; они доказывали свою правоту, ссылаясь на мой приказ о постройке крепостей. Во время борьбы с воинами Джете амир Хусайн из корысти притеснял многих жителей Самарканда. Поступки амира Хусайна вызывали страшное негодование жителей Самарканда; жители старались всячески настроить меня против амира Хусайна, я же всеми силами старался не нарушать правил дружбы по отношению к родичам.

[Тимур пытается всеми средствами доказать свою приязнь к амиру Хусайну и убедиться в его расположении к нему]

В то же время враги амира Хусайна возбудили против него некоторых его богадуров и направили их ко мне. Я несколько раз приказывал им возвратиться к амиру Хусайну и повиноваться ему, но они меня не послушались. Я написал амиру Хусайну и просил его простить этих изменников и взять их к себе; амир Хусайн на мое предложение не согласился.

Амир Муса и Али-Дервиш-Джалаир, зять, но враг амира Хусайна, всячески старались утвердить во мне вражду к нему: они написали письмо, что намереваются убить амира Хусайна. Мои враги, желая повредить мне, написали амиру Хусайну подложное письмо от имени моей жены, где сообщалось, будто я замышлял убить амира Хусайна.

Он прислал мне это письмо, но я сейчас же дал ему знать, что это письмо подложно. Я желал еще убедительнее доказать амиру Хусайну, что не питаю к нему зла, и послал к нему амира Мусу и Али-Дервиш-Джалаира, но они по дороге бежали в сторону Ходжента.

Бегство двух амиров, кажется, должно было окончательно убедить в подложности письма, будто бы посланного ему моей женой, но амир Хусайн не придал ровно никакого значения и этому доводу; я все более и более убеждался, что он восстановлен против меня и желает мне только зла.

[Силлогизмы Шир-Баграма]

Я продолжал все-таки по-дружески относиться к амиру Хусайну; однако я спросил однажды амира Шир-Баграма, что он думает об отношении ко мне амира Хусайна. Тот откровенно отвечал: для него не подлежит никакому сомнению – амир Хусайн из зависти желает мне зла. Я просил Шир-Баграма привести мне доказательства в пользу его мнения.

Удостовериться в искренности амира Хусайна, – ответил Шир-Баграм, – очень легко.

Если амир Хусайн расположен ко мне, он должен милостиво отнестись и к тому, кто служит у меня; нужно написать амиру Хусайну просьбу о прощении всех, кто раньше служил амиру Хусайну, а теперь служит мне;

если амир милостиво отнесется к просьбе о прощении, значит, и ко мне он дружески расположен;

если, наоборот, он не помилует тех, кто обращался к нему с просьбой, значит, он и мне желает зла.

Сказано – сделано: сам Шир-Баграм и некоторые другие амиры написали просьбу о прощении и послали ее амиру Хусайну. Тот разорвал просьбу и сказал, что он не только никогда не согласится простить изменников, но и от души рад был бы их истребить.

[Шир-Баграм изменяет Тимуру и переходит на сторону амира Хусайна]

Когда мне сообщили про эти слова амира Хусайна, я решил покончить с ним и тотчас же послал Шир-Баграма и Адиль-богадура в область Джилян, чтобы они собрали там и привели ко мне воинов. Шир-Баграм собрал много богадуров и укрепился в Сатруни и Каите[92]. В это время амир Хусайн стал льстивыми посулами склонять Шир-Баграма изменить мне и вновь перейти на службу к нему. Амир Хусайн в конце концов добился своего. Когда я узнал об измене Шир-Баграма, я написал ему такое письмо:

«Презренный! ты сам поссорил меня с амиром Хусайном, ты зажег огонь, от которого сам сгоришь и будешь растоптан».

Так в конце концов и случилось. После этого я послал к Ходженту Аббас-богадура и амира Джагуй-Барласа; они поняли, что ссора между мною и амиром Хусайном не может окончиться примирением, и решили остаться там; я об этом узнал.

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЬ ЛЕТ

[«Перелеты» амиров от Тимура к амиру Хусайну и обратно]

Когда я двигался от Карши к Самарканду и сделал один переход, амир Сулейман и Чадырчи бежали от меня и присоединились к амиру Хусайну. Вскоре умер амир Хызр-Ясаури. Тогда Али-Дервиш-Джалаир, Ильяс-Ходжа, Махмуд-шах бежали от амира Хусайна и присоединились ко мне.

В то же время вернулись из Ходжента и тоже пришли ко мне амир Джагуй-Барлас, Аббас-богадур и Баграм-Джалаир.

---

[92] *Каит* – город в восточной Персии.

Я прибыл в Самарканд. Жители очень просили меня назначить им правителя, кого я только пожелаю. Я назначил Кара-Хинду. Когда я ушел из Самарканда, я узнал, что правитель, которого я назначил, индус душой, изменил мне и перешел на сторону амира Хусайна!

[Смерть жены Тимура, Аль-Джой Туркан-ага]

В это время я был сильно потрясен печальным известием: моя жена Аль-Джой Туркан-ага, сестра амира Хусайна, скончалась. Я вспомнил тогда аят Корана:

«Те, которых коснется беда, восклицают: “Мы во власти Аллаха и к нему возвратимся!”» *(Коран, II сура, 151 аят)*

Чингис-хан на троне
Джагатайские рукописи Британского музея

Амир Хусайн, услышав о смерти своей сестры, тоже был очень огорчен. Со смертью моей жены прекратилось и наше родство с амиром Хусайном: между нами не осталось ничего, кроме вражды и ненависти.

[Тимур готовится к борьбе с амиром Хусайном]

После совещания со своими амирами я стал собирать воинов, чтобы напасть на амира Хусайна. Я молил Аллаха словами:

«Он – лучший из защитников, и на него можно полагаться».

Я вышел из Карши и прежде всего послал амира Сайф-эд-дина Никудерийского с отрядом воинов вперед, в Джеханы, чтобы разведать о намерениях амира Хусайна.

Вскоре я получил весть от амира Сайф-эд-дина: мой враг втайне собирал воинов для борьбы со мной, действуя с большою хитростью; амир Сайф-эд-дин настойчиво советовал мне большую осторожность и бдительность.

Я двинулся в город Кахлака; в это время пришло письмо от амира Хусайна; он настойчиво желал заключить со мной самый тесный союз, и не на словах только, а «вполне искренно». Амиры Ясура очень опасались амира Хусайна; они узнали про письмо, решили, что мы скоро помиримся, и задумали бежать. Я прослышал про их намерение и на глазах у них разорвал письмо амира Хусайна; мои амиры убедились, что отныне один только меч может решить наше дело; мой поступок, как мне сказали после, очень понравился всем.

Амир Хусайн узнал, что я не собираюсь с ним мириться, и отступил.

Я вернулся в Карши.

[Амир Хусайн ложной клятвой на Коране пытается захватить в плен Тимура]

Через несколько дней амир Хусайн выслал вперед Шир-Баграма, а потом двинулся сам; у него было хитрое намерение; он пришел в Учь-Ганы и сделал остановку; я находился в Хырасе. В это время ко мне явился казначей амира Хызра и принес Коран; на этом Коране, по его словам, амир Хусайн дал клятву никогда не враждовать со мною; пусть он позволит себе хоть что-либо сделать во вред мне, тогда он будет моим пленником. Посол добавил, что амир Хусайн очень желает для большей убедительности повторить свою клятву в моем присутствии; он просит меня повидаться с ним в долине, которая принадлежала Мир-Кичик-бегу.

В долине, где предполагалась наша встреча, амир Хусайн позаботился приготовить засаду для меня – два отряда воинов, чтобы захватить меня в плен, если я туда приду. Я догадался, что и клятва, и приглашение – не больше как хитрость со стороны моего врага; чтобы не восторжествовало предательство амира Хусайна, я со своей стороны тоже расставил в разных местах степи отряды своих богадуров.

Между тем от амира Хусайна пришло известие, что он направляется в долину без войска, в сопровождении лишь самых приближенных к нему ста богадуров; он меня просит довериться ему и так же, как и он, итти в долину без воинов.

В средине долины, – писал мне амир Хусайн, – есть хорошее место; там мы встретимся.

Я чуял хитрость амира Хусайна и вступил в долину с тремястами всадников, а амир Хусайн взял с собою до тысячи всадников. Я издали заметил амира Хусайна, который двигался мне навстречу, и остановился. Тайно поставленные Хусайном амиры и отряды воинов напали на меня; скрытые для моей защиты воины бросились тогда с двух сторон

и вступили в бой с врагами. Удар моих богадуров был настолько силен, что воины амира Хусайна не выдержали даже первого натиска и в страхе обратились в бегство. Мои богадуры с яростью преследовали воинов амира Хусайна и многих перебили и ранили. Беглецы направились к знамени своего повелителя; тот был совершенно уверен, что я буду взят в плен его войсками, и спокойно поджидал, когда меня, связанного, приведут к нему. Велико было изумление амира Хусайна, когда он увидал, что его воины со всех сторон бегут; только теперь он понял, что его замысел против меня потерпел полную неудачу.

Гнев его обрушился на Шир-Баграма!

[Амиры Тимура дают торжественную клятву никогда не изменять ему]

Таким образом я остался победителем, вернулся в Карши и, довольный успехом, там отдыхал. Но и в Карши я не терял своего врага из виду; прилагал все усилия, чтобы получать точные вести о том, что делает амир Хусайн.

Я собрал всех своих амиров и сказал им торжественное слово:

– Кто из вас будет служить мне верой и правдой, пусть будет уверен, что я буду обращаться с ним, как с братом; я всегда делил поровну между вами всю добычу; так же буду поступать и вперед. Кто из вас не чувствует доверия и преданности ко мне, пусть лучше немедленно покинет меня.

Все амиры уверяли меня в своей преданности, поклялись мне в верности, и каждый собственной рукой подписал обещание в таких словах:

«Мы дали великое обещание никогда не покидать амира Тимура. Аллах – наш свидетель; если мы изменим своему слову, пусть Аллах жестоко покарает нас за это».

Таким образом я убедился в преданности моего войска.

Я двинулся в Бакан, чтобы подчинить себе племя санджар. До меня дошли вести, что амир Хусайн послал около двенадцати тысяч всадников, под предводительством амира Мусы и амира Малик-богадура, для захвата города Карши и для преследования меня. Я не знал, что и предпринять, подкрепил обещанием наград бодрость духа моих воинов и продолжал двигаться к санджарам; этому племени я вперед дал знать, что иду к ним. Санджары раньше получили от меня много милостей, а потому из благодарности поспешили выслать мне навстречу отряд в тысячу всадников и богатые подарки; некоторых из моих амиров они пригласили в свою столицу и угостили.

На некоторых своих амиров я все-таки не мог вполне положиться, не чувствовал полной уверенности в их преданности. Когда десть о моем недоверии, – я его не слишком скрывал, – дошла до этих амиров, они пришли ко мне с Кораном и с мечами и сказали:

– Если ты веришь в нашу клятву, то вот – Коран; если же ты хочешь убить нас, то вот – меч.

Я принял их очень милостиво и убедился в их преданности. Это были:

амир Джагуй-Барлас,
Абгу-Тимур,
амир Сары-Бугай,
амир Баграм-Джалаир,
амир Муайяд-Барлас,
амир Сайф-эд-дин Никудерийский,
амир Аббас,
Хасан-богадур,
Ак-Буг,
амир Муайяд-Арлад,
Ак-Тимур-богадур,
амир Ильчи-Бугай-Сальдур,

Кипчак-богадур,

Махмуд-шах-Бухари.

Так все они еще раз убедили меня в своей верности, и я спокойно двинулся к санджарам.

[Воины амира Хусайна занимают Карши. Тимур хитрит, чтобы отвоевать Карши и достойно наказать амира Хусайна]

Я сделал уже четыре дневных перехода, когда военачальник амира Хусайна, Хинду-шах, занял Карши и дал об этом знать амиру Хусайну, эта весть возмутила меня до глубины души. Я решил покончить с злодеем и распустил слухи, будто отправляюсь в Хорасан; на самом же деле я отправил к санджарам те войска, которые считал худшими, а сам с отборными богадурами двинулся в другую сторону и остановился у колодца Исаака[93]; там пробыл некоторое время. Воины, отставшие по дороге, успели к нам присоединиться. Оттуда я отправился в Бахан, чтобы обмануть врагов. Я не надолго остановился на берегу Джайхуна, а затем перешел реку. Когда весть о моей переправе через Джайхун дошла до Карши, то и воины и амиры Муса и Хинду-шах успокоились. Я пробыл там два дня, пока все мои воины не перебрались через реку.

Отсюда я послал граматы в Герат и Мухаммед-бегу Джаны-Курбаны. Одного надежного богадура я выслал в Хорасан – успокоить его жителей, а сам степной дорогой пришел в Шураб, где и остановился на два месяца; там я занялся охотой. В Герат и Мухаммед-бегу Джаны-Курбаны я послал богатые подарки. Вскоре я получил оттуда ответные грамоты с выражением безусловной преданности мне; вместе с грамотами мне было прислано очень много подарков; все эти дары я поделил между своими воинами.

---

[93] *Исаак,* сын Авраама, – пророк «правоверных».

[Караван из Хорасана в Карши]

В это время мимо нас из Хорасана в Карши проходил: большой караван. Когда караван приблизился к моему отряду, то начальник каравана, опасаясь с ратей стороны грабежей и насилия, явился ко мне с богатыми дарами. Я стал расспрашивать его о Хорасане и узнал от него, что население, услышав о том, что я туда двигаюсь, было очень радо и возносило благодарность Аллаху. Начальник каравана просил меня дать ему провожатого и таким образом оградить караван от нападения моих воинов. Я отдал приказание, и караван благополучно проследовал в Карши. Амир Муса и амир Хинду-шах расспросили начальника каравана, что я делаю, и решились итти вдогонку за мной на Хорасан.

[Тимур в сопровождении трехсот сорока избранных богадуров выступает, чтобы отнять Карши у амира Хусайна]

В Карши амир Муса оставил своего сына, а сам с семью тысячами воинов дошел до местности Ниммург, где и остановился. Отсюда амир Муса написал письмо амиру Хусайну с просьбой о подкреплениях. Амир Хусайн выслал отряд в пять тысяч воинов; они, нисколько меня не опасаясь, расположились в местности Рашун и пировали там, не принимая даже необходимых мер предосторожности. Я разведал про это и решил врасплох напасть на них; для этого дела я отобрал триста сорок богадуров, лично мне известных своей храбростью.

Перед выступлением я, как всегда, загадал по Корану, и мне открылся аят:

«В этот День верующие возрадуются победе, одержанной помощью Аллаха; он помогает, кому хочет, Он – могуч, милосерд». *(Коран, XXX сура, 3 и 4 аят)*

С этими тремястами сорока богадурами я собрался в поход. Когда я вышел из своей палатки, мои амиры восторженно меня приветствовали. В числе амиров, отобранных мною, были:

амир Муайяд-Арлад } женатые на моих сестрах,
амир Дауд-Барлас }
амир Джагуй-Барлас,
Суюр-Гитмишь-Углан,
амир Сары-Бугай,
Хасан-богадур,
амир Сайф-эд-Дин Никудерийский,
Аббас-богадур Кипчакский,
Ак-Тимур-богадур,
Махмуд-шах-Бухари.

Прежде всего ко мне обратился с приветствием амир Муайяд-Арлад, и я принял это за предзнаменование помощи Аллаха. Потом высказал свое приветствие Тугуль-богадур, и я возложил свои упования на милость Аллаха. В это же время я загадал по Корану, и мне открылся аят:

«Аллах поможет тому, кто полагает на него упование; Аллах ведет свои определения к доброму концу». *(Коран, XV сура, 3 аят)*

Когда я прочитал эти слова, я ободрился в душе и почувствовал в себе уверенность, что задуманное мною предприятие несомненно будет успешно. Я переправился через Джайхун и двинулся в местность Азсанат.

По дороге в Карши я поставил; сторожевые отряды, загородил дорогу таким образом, чтобы никто не мог пройти незамеченным. Я сделал несколько переходов и приблизился к городу Саркенду. Амир Джагуй-Барлас пришел ко мне и сказал, что, по его мнению, следует здесь остановиться и подождать, пока соберутся отставшие по дороге воины. Я согласился и приостановил движение моего отряда.

[Тимур один глубокой ночью производит разведку укреплений Карши]

Чтобы остановка не прошла даром, я приказал готовить крепкие штурмовые лестницы. Сам я, ничего не говоря войску, с сорока богадурами, тихо, пользуясь темнотой ночи, пробрался к крепости Карши. Ров оказался полон воды, но нам удалось найти крепкий мост для перехода через ров. Здесь я оставил сопровождавших меня богадуров, отдал своего коня моему верному конюху Абдулле, один пошел к крепостным воротам и постучал рукой; никто мне не отвечал. Я убедился, что все население и воины, защищавшие крепость, спят богатырским сном, даже сторож у крепостных ворот и тот уснул. Благодаря такой беспечности я имел полную возможность хорошо ознакомиться с расположением всех укреплений Карши, узнал все входы и выходы и определил места, где всего удобнее поставить штурмовые лестницы. Таким образом я разузнал все, что мне было нужно, сел на коня и вернулся в свой стан.

[Ночной совет амиров Тимура; похвала храбрости Тимура]

Я собрал всех амиров на совет и подробно рассказал им расположение крепости, которую нам предстояло штурмовать. Все амиры, когда узнали, что все сведения о крепости Карши добыты мною лично, что я ночью один ходил для разведок к крепости, удивлялись моей храбрости; некоторые из них даже осуждали меня за мое ночное предприятие, связанное с такою опасностью для жизни.

[Захват крепости Карши богадурами Тимура]

Я выделил из своего отряда сорок воинов для присмотра за конями, а сам, верхом на коне, с тремястами пеших храбрецов, вооруженных мечами и пращами, двинулся к Карши,

соблюдая самую строгую тишину. Все мои богадуры перешли по крепостному мосту, быстро расставили штурмовые лестницы и по ним скоро проникли в крепость. К моему удивлению, никто в крепости не проснулся. Я послал нескольких богадуров занять крепостные ворота. Каждого из привратников, которые просыпались при приближении богадуров, они немедленно убивали, но все-таки крики стражей будили население крепости. Тогда я приказал затрубить во все трубы и бить во все барабаны; невероятный шум произвел на сонных жителей впечатление, как будто внезапно разразилось землетрясение; все пришли в неописуемый ужас, а воины, защищавшие крепость, попрятались в дрова и солому.

Начальник крепости Карши, сын амира Мусы, Мухаммед-бег, увидал, что перевес на нашей стороне, сошел с крыши внутрь дома и там заперся; мы подожгли этот дом; все выбегавшие оттуда были взяты в плен и доставлены ко мне. Наконец привели и Мухаммед-бега, сына амира Мусы: передо мной стоял очень молодой юноша, почти мальчик, я дивился его храбрости и обошелся с рим, как с родным сыном. Я пощадил все население Карши, а добычу разделил поровну между всеми своими богадурами.

*[Тимур располагает своих богадуров
для обороны крепости Карши]*

Я расположил своих богадуров по укреплениям крепости Карши; к воротам Хызар приставил амира Сары-Бугая, амира Сайф-эд-дина Никудерийского, Дауд-Барласа и Муайяд-Арлада; Суюр-Гитмишь-Углана, амира Аббаса, Хасан-богадура и Ак-Буга я поставил у других ворот по стенам крепости; остальных своих богадуров я расположил по крепостным башням.

[Амир Муса ведет осаду Карши;
удалые подвиги амиров Тимура]

Я пожаловал своей милостью все семейство амира Мусы и отправил к нему всех членов его семьи, взятых в плен. Амир Муса, как только до него дошли вести о захвате мной крепости Карши, вместе с Малик-богадуром собрал до двенадцати тысяч храбрых всадников и двинулся по направлению к Карши, чтобы отобрать у нас крепость.

С двенадцатитысячным войском амир Муса осадил меня в Карши. Я сейчас же отрядил амира Муайяд-Арлада с сорока всадниками и Ильчи-Бугай-Сальдура тоже с сорока всадниками и послал их вечером в субботу произвести нападение на амира Мусу. Они навели ужасную панику на воинов амира Мусы, будто волки напали на стадо баранов; из посланных мною богадуров некоторые, правда, были избиты и ранены, зато в неприятельском отряде они очень многих перебили, ранили, захватили многих пленников, которых и привели ко мне. В числе пленников оказался и Шадраван-богадур. Я решил оказать ему гостеприимство, принял его с почетом, устроил ему угощение; я предоставил на его усмотрение возвратиться к амиру Мусе или же остаться у меня. Шадраван-богадур пожелал остаться служить мне.

Через три дня я послал Ак-Тимура к амиру Мусе в Шадраван. Он быстро двинулся и храбро напал на воинов амира Мусы. Ему удалось отбить у врагов и привести ко мне до ста коней. Кендже-богадур с двумястами всадников, заняв одни ворота, находился за стеной. Ильчи-Бугай-Сальдур и Ак-Тимур-богадур с шестьюдесятью всадниками положили через ров досчатый мост, вышли из крепости, перебили пращами и избили до тысячи двухсот неприятельских воинов.

[Подвиг Гази-Буган-богадура]

В это время на помощь неприятельскому отряду прибыл Тага-Бугай-богадур, а я со своей стороны выслал на помощь моим воинам Биргуджи-богадура. Оба отряда с такой стремительностью и отвагою бросились в бой, что все, видевшие сражение, не могли удержаться от удивления и одобрения.

Во время боя произошел замечательный случай: из рядов неприятеля вышел известный своей храбростью и непомерной силой узбек и замахнулся, собираясь ударить тяжелой палицей по голове Гази-Буган-богадура, но Гази-Буган-богадур сам схватил руки узбека вместе с палицей, заложил их ему за спину и в таком виде привел его в крепость, как птицу, которую держат за оба крыла. Все, кто видел этот поединок, говорили, что Гази-Буган-богадур совершил подвиг, напоминавший подвиги древних богатырей Рустема и Исфендиара; все неприятельские воины пришли в испуг и укрылись за ров, но и там их преследовали мои воины и выгнали их оттуда. Амир Муса и Малик-богадур с испугу спрятались в садах.

Тугуль-богадур с двумястами всадников напал на отряд моих богадуров и потеснил их. Я заметил, что мои богадуры отступают, приказал трубить в трубы и сам бросился к ним на помощь; увидев меня, оробевшие было богадуры, снова вступили в бой и перебили много врагов между стенами. На Ильчи-Буга и Тугуль-богадура мои воины бросились с мечами через пролом в стене. Оба они со своими отрядами бежали. Амир Баграм-Джалаир и Маджур Хорасанский кинулись за ними в погоню; первый из них почему-то принял Маджура Хорасанского за моего врага и убил его.

[Тимур отбивает от стен Карши амира Мусу]

Амир Муса, не зная, что̀ предпринять, послал на ворота Хызар отряд в пять тысяч воинов. Четыре тысячи воинов

под личным предводительством амира Мусы напали на меня; я сначала мог противопоставить нападающим только до ста всадников, но они не могли справиться с бесконечно сильнейшим неприятелем; чтобы помочь моим воинам, я сам открыл стрельбу. Один из брошенных снарядов очень удачно попал в самого амира Мусу; он так испугался, что сейчас же бежал в свою страну с семитысячным отрядом.

Пять тысяч неприятельских воинов, которые под предводительством Малик-богадура бились у ворот Хызар с амиром Сайф-эд-дином Никудерийским и амиром Сары-Бугаем, после нескольких стремительных ударов моих богадуров тоже обратился в бегство; Малик-Бауд следовал за ними; спасшиеся бегством неприятельские воины присоединились к амиру Мусе. Они были до того перепуганы, что оставили в степи Арзу-Малик-ага, дочь Баязид-Джалаира, жену амира Мусы. Я обрадовал ее своею Милостью и отослал к одному шейху. Мы преследовали неприятеля до Кизыл-тога.

[Тимур отправляет своих богадуров овладеть Бухарой]

Затем я собрал на совет всех амиров; с общего согласия решено было зимовать; это нашли выгодным и бухарские амиры; я возвратился в Кешь, потому что город был обильно снабжен съестными припасами и хорошо укреплен. В сторону Бухары я отправил отряд под предводительством Махмуд-шах-Бухари и приказал овладеть городом.

Войска амира Хусайна, бежавшие от Карши, услышали, что амир Хусайн их проклял, устыдились, выбрали своим предводителем амира Мусу и в количестве десяти тысяч человек под предводительством десяти амиров двинулись по направлению к Бухаре, чтобы захватить ее. Я послал против них правителя Герата, Малик-Хусайна, который раньше испытал мое великодушие.

[Тимур отправляется в Мавераннехр]

Жители Мавераннехра настойчиво призывали меня к себе. Я внял этим просьбам и решил отправиться туда. Я оставил вместо себя при воинах моего старшего сына, Мухаммед-Джехангира, а аталыком[94] к нему назначил Мубарак-шаха. Я загадал по Корану, и мне открылся аят:

«Кто уповает на Аллаха, тому он – довольство; Аллах совершит свое дело».

Я очень обрадовался этим словам. Я переправился через Джайхун и был в нерешительности, куда мне лучше направиться: в Самарканд или Бухару.

[Тимур отбивает от Карши воинов из отряда амира Мусы]

В это время ко мне пришла весть, что большое количество воинов из отряда амира Мусы сосредоточилось близ Карши; поэтому я туда и направился. Я быстро напал на врагов, обратил их в бегство, взял в плен амиров Кайсара и Урды-шаха и овладел богатой добычей, которую и разделил между своими воинами.

[Тимур ведет бой в степи Кузы с Хинду-шахом и амиром Сулейманом]

Прослышав про мою победу, Хинду-шах и амир Сулейман бежали с пятью тысячами всадников и собрались в заранее намеченном месте, чтобы подготовиться к предстоящему бою с моими воинами. Я узнал об их приготовлениях и решил

---

[94] *Аталык* (буквально: «воспитатель»). – Новорожденного сына хана отдают в другую семью на воспитание. Аталык обязан вскормить ребенка, выучить верховой езде, стрельбе, перенесению голода, лишений и опасностей. При наступлении совершеннолетия аталык дарит своему питомцу коня, одежду и оружие и возвращает его в родительский дом. Семья аталыка считается родственной семье своего питомца.

внезапно напасть на них. Я разделил всех своих воинов на семь частей. Шейх-Али-богадура и тира Джагуй-Барласа я выслал на разведку, начальниками отдельных частей моего отряда я назначил Дауд-Барласа, Сары-Джой-богадура, Хинду-шаха, Ильчи-богадура, Али-Ясаури и Махмуд-шаха. В это время ко мне пришло известие, что мои враги, собравшись вместе, сами решили напасть на меня. Я стал также собирать моих воинов и готовить их к бою в степи Кузы. Наконец мы издали увидели, что к нам приближаются неприятельские отряды.

Тимур на троне
Миниатюра б. Королевского этнографического музея в Берлине

Я заметил, что враги идут несколькими отрядами, и приказал вступить в бой передовым отрядам, которые находились на правом и левом флангах; на поддержку им я выслал еще много воинов. Бой был кровопролитный и продолжался с утра до вечера. Я сам с несколькими богадурами без страха ринулся в бой. С помощью Аллаха мне удалось рассеять моих врагов, как дым. Я взял много пленников и овладел большим количеством оружия. Я горячо благодарил Аллаха за дарованную мне победу. Мои воины преследовали беглецов и многих врагов захватили в плен.

[Пленник Тимура, Аль-Джой-Ту, султан Толканский]

Среди пленников между прочим оказался Аль-Джой-Ту, султан Толканский. Увидав меня, он сказал, что из благодарности он был предан амиру Хусейну и служил ему, а теперь он готов служить мне с такой же преданностью, если я того пожелаю.

– Если же ты не пожелаешь принять меня к себе на службу, – добавил он, – и находишь нужным казнить меня, то пусть так и будет.

Я поспешил ободрить Аль-Джой-Ту и хвалил его храбрость. Некоторые из моих амиров советовали мне убить Аль-Джой-Ту, но я не согласился, а напротив, обласкал его, назначил его начальником отдельного отряда, пожаловав ему грамоту. Он был в восторге от моего великодушия. Впоследствии Аль-Джой-Ту, султан Толканский, оказал мне столько важных услуг, что невозможно всех их перечислить.

Таким образом я прогнал воинов амира Хусайна.

[Чакыр-богадур занимает Самарканд; успешный бой Тимура с воинами Чакыр-богадура]

Чакыр-богадур занял Самарканд; чтобы задержать его там, я выступил по направлению к Самарканду. Я написал

письмо Чакыр-богадуру и приглашал его добровольно подчиниться мне. Я обещал ему в награду за преданность сделать его амиром, но Чакыр-богадур ответил мне, что он предан амиру Хусайну и безмерно благодарен ему за все его милости.

«Если я изменю амиру Хусайну, – писал Чакыр-богадур, – то кто же мне после этого поверит?»

Я не мог не похвалить такой преданности Чакыр-богадура своему повелителю.

Я подошел к Самарканду; оттуда вышел с воинами Чакыр-богадур и вступил в бой с моими отрядами. С первого же удара мне удалось обратить в бегство воинов неприятеля. Ак-Тимур преследовал их до ворот города и даже отнял у Чакыр-богадура его пояс.

[Амиры Кай-Хисрау-Джиляны и Баграм-Джалаир возвращаются служить Тимуру]

После победы я оставался некоторое время на одном месте. Мне сообщили, что богадуры, преданные амиру Хусайну, пришли из области Кушь и заняли Мачук, а сам он двигается сзади. Я собрал на совет своих амиров и обсуждал с ними, что делать дальше. Я перешел реку Джайхун и в четыре перехода достиг Ходжента.

Амир Хусайн особенно не любил двух своих амиров, и оба они знали об этом. Это были Кай-Хисрау-Джиляны и Баграм-Джалаир, которые раньше бежали от меня и стали служить амиру Хусайну. Оба они, зная нерасположение к ним амира Хусайна, прислали мне письмо; они писали, что обратились за помощью к хану Джете, получили от него семь тысяч всадников и прибыли в Ташкент, чтобы служить мне, они ждут меня в Ташкенте.

Я поспешил двинуться в Ташкент; Кай-Хисрау-Джиляны устроил мне торжественную встречу и богатое угощение. Я пробыл в Ташкенте целый месяц. Амир Кай-Хисрау-Джиляны был женат на дочери умершего хакана Джете, Туклук Тимура; у него была дочь, которую я сговорил за своего сына, Мухаммед-Джехангира. Амиру Баграму-Джалаиру я пожаловал у себя большую службу.

[Тимур ведет успешный бой с воинами амира Хусайна в Джехан-шахе]

В это время до меня дошли вести, что амир Хусайн остановился в Гираке и Яйлаке. Мне сообщили, что амир Хусайн приказал двенадцати тысячам воинов напасть на меня и немедленно выслал вперед Малик-богадура с тремя тысячами всадников. Я прибыл с воинами в Джехан-шах и рассеял в разные стороны наступавших на меня воинов. В бою я захватил большую добычу и много оружия и разделил все между своими воинами. Кай-Хисрау-Джиляны вскоре тоже присоединился ко мне.

[«Могольское» знамя Тимура устрашает воинов Малик-богадура]

С общего совета мы остановились в местности Варак и оттуда тремя отрядами двинулись дальше. Чтобы навести страх на врага, мы распространили слух, что пришли моголы и распустили могольское знамя[95]. Так мы догнали Малик-богадура. Увидя могольское знамя, войска Малик-богадура в страхе бежали и присоединились к амиру Хусайну. Я одержал таким образом полную победу и передвинулся в местность Рабат-Малик. Там амир Кай-Хисрау-Джиляны торжественно встретил меня и поздравил с победой.

---

[95] *Могольское знамя* – знамя Джете.

[Неудачная попытка амира Хусайна встретиться с Тимуром]

Мы расположились на отдых и хотели отпраздновать как следует наши победы над воинами амира Хусайна, но вскоре пришла весть, что, по слухам, амир Хусайн устыдился своей вражды ко мне и приближается ко мне. Я тоже двинулся к нему в местность Барсын. Стоял сильный холод, и выпало очень много снегу; я узнал, что амир Хусайн возвратился назад, повернул поэтому или провел зиму в Ташкенте.

[Муллы Ташкента, Андиджана и Ходжента пытаются примирить амира Хусайна с Тимуром]

Наступило лето. Я собрал на совет своих амиров и решил послать хану Джете богатые подарки и просить у него помощи. Хан прислал мне в помощь десять тысяч всадников.

Амир Хусайн узнал, что ко мне прибыла большая помощь от хана Джете. Он написал мне письмо, снова клялся Кораном, что никогда ничего не предпримет против меня, и просил меня помириться с ним. Муллы из Ташкента, Андиджана и Ходжента принесли ко мне и Коран, на котором амир Хусайн клялся искренне примириться со мной. Муллы, со своей стороны, просили меня не отвергать настойчивой просьбы амира Хусайна и помириться с ним. Я подробно рассказал муллам все, что раньте было между мною и амиром Хусайном; я передал, что амир Хусайн один раз изменил уже клятве, которую он дал на Коране. Тогда муллы дали мне совет: не предрешать пока вопроса о примирении, им самим погадать по Корану и поступать так, как откроется. Из гадания вышло, что мне следует примириться с амиром Хусайном. Я дал тогда свое согласие на примирение и со всеми амирами двинулся по направлению к Самарканду, чтобы увидаться там с амиром Хусайном.

[Тимур ведет переговоры с амиром Хусайном о примирении]

Чтобы убедиться, насколько искренне желает амир Хусайн примириться со мною, я послал к нему амира Мусу, а сам отправился в крепость Шадман. Турак-шах явился ко мне и передал, что амир Хусайн очень доволен, что я ушел в Шадман, и снова передал мне от имени амира Хусайна просьбу примириться с ним. Я ответил, что я уже послал Аббас-богадура, и просил передать от меня амиру Хусайну, что я крайне прошу его вместе с Аббас-богадуром притти к священному мазару Али-ата. Я со своей стороны обещал притти туда же и там торжественно примириться с амиром Хусайном.

[Тимур совершает торжественное примирение с амиром Хусайном на священном «мазаре» Али-ата]

Амир Муса и Аль-Джой-Ту, султан Толканский, пришли к амиру Хусайну, передали ему мое приглашение и привели амира Хусайна в сопровождении сотни всадников к священному мазару Али-ата. Я подъехал к мазару с пятьюдесятью всадниками, и мы встретились с амиром Хусайном.

Амир Хусайн обратился ко мне и сказал:

– Забудем старую вражду.

– Пусть не будет впредь таких отношений между нами, какие были раньше, – ответил я амиру Хусайну.

После этого я дал торжественное обещание, что не преступлю впредь нашего мирного договора до тех пор, пока амир Хусайн не изменит своей клятве, данной на Коране. То же самое обещал в точности исполнить по отношению ко мне и амир Хусайн.

[Тимур оказывает помощь амиру Хусайну против бунтовщиков]

После торжественного примирения мы оба сели на коней и разъехались в разные стороны: амир Хусайн отправился

в Сали-сарай, а я прибыл в Кешь и там предался отдыху. Своему старшему сыну, Мухаммед-Джехангиру, я написал письмо, чтобы он из Мерва явился ко мне с воинами и оружием.

В это время я получил письмо от амира Хусайна; он сообщал, что амиры Бадакшана возмутились против него, что он отправился их усмирять. Я ответил амиру Хусайну, что желаю ему «счастливого пути».

Когда я расположился на отдых вокруг Кеша, ко мне пришла весть, что Малик-Хусайн, правитель Герата, грабит жителей во владениях амира Хусайна. Я сейчас же двинулся туда с войнами, перешел: реку Термез, отнял у Малик-Хусайна все награбленное им добро и возвратил его людям, подвластным амиру Хусайну. Сам же я, чтобы помочь амиру Хусайну, отправился к столице Бадакшана...

Сказание об Аксак-Темире (Хромце Железном)

[Дурной сон правителя Индустана, Джудай-хана]

Был: в Индустане[96] правителем сын Чингисхана, Джудай-хан. Однажды крепко заснул он и увидел дурной сон; от испуга проснулся, сидел и дрожал. Потом созвал он кудесников и гадателей узнать свою судьбу. Те сказали:

– Хан! в твоей судьбе вот иго значится: у тебя в государстве, в ауле Алмалы, живет человек по имени Тарагай;

Тарагай был сын Тарнаджа;

Тарнадж был сын Тагуши;

Тагуши был сын Олокши;

Олокши был сын Каракши.

Приметы Тарагая: на лопатке – родимое пятно, на левом глазу – бельмо[97]. Жена его носит ребенка; от этого ребенка и придет твоя смерть.

[Джудай-хан разыскивает Тарагая в ауле Алмалы]

Выслушал Джудай-хан слова кудесников и гадателей, приказал найти Тарагая в ауле Алмалы и стал смотреть; видит: на лопатке у него – родимое пятно, а на глазу – бельмо.

– Есть ли у тебя в доме, Тарагай, женщина, которая носит ребенка? – спросил Джудай-хан.

– Моя жена носит ребенка, хан, – ответил Тарагай.

– Тарагай, ребенок от этой женщины убьет меня, а потому я его убью до появления на свет.

[96] *Индустан* – здесь чисто сказочное название богатой, цветущей страны.

[97] *Родимое пятно* и *бельмо* – две сказочные приметы героя.

[Джудай-хан хочет изменить волю Аллаха, уничтожить своего убийцу до появления на свет]

Джудай-хан велел привести жену Тарагая; неразумный, он хотел изменить свою судьбу, но кто из смертных может изменить предопределение Аллаха?[98]

Стал хан совещаться со своими советниками, как лучше уничтожить своего убийцу будущего.

Одни советники говорили: надо убить женщину, потом разрезать живот и посмотреть, что там у нее делается.

Другие советовали: самой женщины не убивать, а лучше уничтожить самого ребенка, задавить его в животе у матери.

Джудай-хан послушался вторых советников: стали коленями живот жены Тарагая давить, ребенка придавливать; женщина от боли ужасной чувств лишилась. Сказал Джудай-хан:

– Ну, теперь не только ребенок, но и сама мать умерла, бросьте ее.

[Жена Тарагая приходит в себя после смертельных побоев и рождает сына Аксак-Темира]

Но волею Аллаха жена Тарагая ожила после смертельных ударов в живот и родила сына, у которого одна нога была повреждена. Назвали его Аксак-Темиром (Хромцом Железным), потому что подвергался он тяжким мучениям до своего рождения и был как бы железным.

[Аксак-Темир остается сиротой, переселяется в город Шамаху и там пасет телят]

Аксак-Темир (был он из рода Барлас) приходился по женской линии племянником одному из ханов, скоро после

[98] *Судьба человека* – птица, привязанная Аллахом к шее всякого человека, стрелы, посылаемые лучником-Аллахом. Как можно, – думали правоверные, – сбросить с шеи птицу, уберечься от стрел Аллаха?

рождения отец и мать его померли, он остался круглым сиротой, совершенно один; заботиться о нем было некому: сам о себе он думал, еду промышлял. Вырос он и ушел в город Шамаху; сначала он ничего там не делал, а потом нанялся телят пасти. Вспоминал он все свое сиротство, жалел о нем, приласкал он к себе шесть-семь сирот, они с ним вместе пасли телят и играли[99].

[Слепой и хромой муравей в степи научает Аксак-Темира бороться за жизнь и власть]

Был однажды Аксак-Темир в степи, пас своих телят; была там полуразрушенная стена; прислонился он к ней и видит, как один хромой и слепой муравей взбирается на эту стену: взберется немного, упадет вниз, потом опять взберется, доберется до верху, опять упадет. Дивился на муравья Аксак-Темир. С большим трудом муравей все-таки дополз до верху стены. Призадумался тут Аксак-Темир: вот этот маленький муравей, и слепой и хромой, упорством и настойчивостью достиг все-таки своей цели. Буду я домогаться стать ханом и если будет Аллаху угодно, то завоюю я аулы, города, орды...

С такими думами пас он телят и забавлялся со сверстниками-мальчиками.

[Аксак-Темир хитростью побеждает на состязании своих сверстников. Мудрый приговор старика]

Однажды Аксак-Темир сказал своим сверстникам:

– Поставим в одно место какую-нибудь вещь; кто раньше прибежит к ней и ею завладеет, того мы и назначим ханом своим.

Все согласились с Аксак-Темиром.

---

[99] *Сверстники-мальчишки* – пережиток древних возрастных групп.

Вдалеке положили какую-то вещь, все мальчишки побежали к ней. Аксак-Темир не мог опередить своих сверстников; он добежал до места и упал, в то время как два его товатоварища готовы были уже схватить вещь; он все же успел опередить их, коснувшись палкой.

– Я опередил вас, – сказал Аксак-Темир.

– Нет, мы! – кричали сверстники, и каждый выставлял себя первым.

– Нет, я!.. Пока вы руками хотели коснуться, у меня голова была уже там, – возразил Аксак-Темир.

Во время спора подошел к ним какой-то старик; все мальчишки стали усердно просить старика разрешить их спор.

– Будете ли вы согласны с моим решением? – спросил их старик.

– Что ни скажешь, будем во всем согласны! – закричали все разом.

– Эй, молодцы! у этого хромого мальчика голова была раньше, чем вы прикоснулись к вещи руками; его и назначьте ханом, – сказал тогда старик.

Все мальчишки согласились с тем, что сказал старик, и дружно выбрали Аксак-Темира ханом.

[Аксак-Темир режет теленка и угощает своих сверстников]

Однажды Аксак-Темир говорит своим товарищам:

– Кто зарежет одного теленка и угостит им всех, того и выберем ханом.

Никто из мальчишек на это не решался.

Аксак-Темир зарезал теленка, сварил мясо и угостил всех товарищей; тут его подняли наверх, в общий голос избрал его ханом.

По возвращении домой сказали хозяину стада:

– Одного теленка волк заел.

Тот ничего не стал говорить, только заметил:

– Так видно угодно Аллаху.

[Аксак-Темир и его сверстники делаются знаменитыми разбойниками[100]]

После этого Аксак-Темир предложил сверстникам:

– Давайте грабить: кто едет на базар, давайте отбирать у него скот.

Товарищи согласились.

Говорит им Аксак-Темир:

– Вот вам мой наказ: вооружайтесь, кто как может, сегодня вечером.

К полуночи все вооружились кто чем мог: кто – ружьем, кто – саблею, и вышли из города Шамахи.

Они расположились по дороге в Индустан, стали грабить всех, кто ехал туда или возвращался обратно. Сделались знаменитыми разбойниками. Всякий беглый у них приют находил. Скоро стало в их шайке двести, триста человек. По дороге было ездить опасно: приостановились караваны из Шамахи в Индустан и обратно.

[100] *Разбойники* – социальная группа, особенно характерная для феодального средневековья. Разбойники успешно конкурируют и борются с войсками местного хана, их казна богаче ханской казны, у разбойников служить выгоднее, чем в войсках хана, воины хана быстро переходят и растворяются в шайке разбойников; часто сами разбойники переодеваются купцами, отправляются с караванами, втираются в купеческую среду, чтобы легче получить богатую добычу. *Разбойники-купцы-конквистадоры* (захватчики городов и земель) – прекрасная аналогия с норманами в Западной Европе и на Руси, с испанцами и португальцами в Новом Свете.

[Джудай-хан присылает три раза своих послов к Аксак-Темиру с просьбой не обижать проезжающих]

Дошла до Джудай-хана в Индустан весть, что нет ни проходу, ни проезду от разбойников.

Послал он к Аксак-Темиру послов триста человек – спросить его:

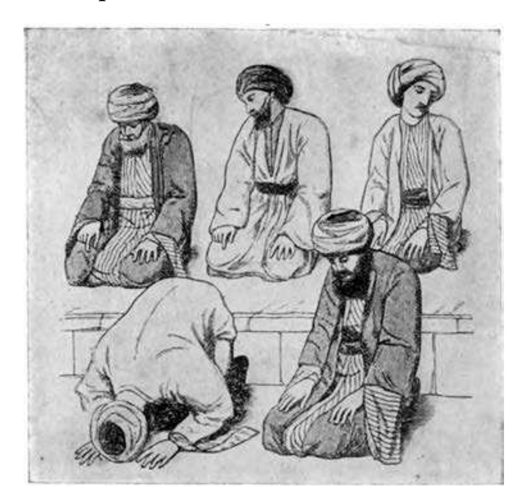
– Зачем ты грабишь проезжающих?

Но разбойники Аксака-Темира убили начальника послов, а самих их одарили подарками и к себе заманили – одинаковым делом заниматься.

Дошла весть до Джудай-хана, рассердился он на чем свет стоит и послал пятьсот девяносто одного человека новыми посланцами к главе разбойников.

Аксак-Темир и новых посланцев переманил к себе, а Джудай-хану отослал одного лишь главу послов.

В третий раз послал Джудай-хан своих послов к разбойникам, готов был одарить их серебром-золотом, лишь бы проезжающих не трогали.

Правоверные на молитве
По Lane. Manners and Customs

Аксак-Темир узнал от послов, что Джудай-хан разбойникам обещает, и говорит:

– Скажите вашему хану, что золота-серебра у нас куда больше, чем у него самого; желает он, пусть придет к нам и возьмет чего хочет.

[Джудай-хан самолично идет на разбойников. Разбойники Аксак-Темира притворяются купцами и заманивают Джудай-хана. Аксак-Темир вершит волю судьбы]

Долго ли, коротко ли, слышит Аксак-Темир, что едет к нему сам Джудай-хан, ведет с собою много воинов. Выслал Аксак-Темир навстречу хану несколько человек узнать, действительно ли сам Джудай-хан едет к нему...

Посланцы Аксак-Темира встречают Джудай-хана; едет он ровно с тридцатью провожатыми.

– Не видали ли по дороге разбойников? – спрашивает их Джудай-хан.

– Никаких разбойников мы видом не видали, слыхом не слыхали; нечего вам их бояться, – отвечают посланные Аксак-Темиром разбойники.

Думает тут Джудай-хан:

«Должно быть, прослышали про нас разбойники, испугались, и все по домам разбежались».

А посланные другой дорогой вернулись к Аксак-Темиру и говорят ему: едет хан сам впереди и только тридцать провожатых с ним. Аксак-Темир и говорит им:

– Раз так, навьючьте разного товара тридцать верблюдов, поезжайте им навстречу.

Сказано – сделано. Встретил их хан и кричит издали:

– Кто вы такие? не видали ли по дороге разбойников?

– Нет, никого видом не видали, слыхом не слыхали, – отвечают те.

Подъехал к ним поближе Джудай-хан; они его и спрашивают:

– А вы кто такие?

– Я – Джудай-хан; выехали мы разбойников искать, ловить.

– Мы – купцы, едем свои товары продавать, чужие – покупать; наложи «тамгу» на наш товар, чтобы никто не мешал нам свой – продавать, чужой – покупать.

Поверил Джудай-хан, велел «тамгу» наложить да кстати посмотреть, нет ли среди товаров чего-нибудь редкостного.

Стали слуги Джудай-хана выполнять его приказ, а разбойники и давай их избивать.

Сам Аксак-Темир схватил Джудай-хана и хотел ему голову снести.

Взмолился Джудай и говорит:

– Я сделал тебе добро, чего же ты хочешь сделать мне зло?

– Ты беспечный, а я – нет; ты себе делаешь зло, а я себе делаю добро, – ответил Аксак-Темир и с этими словами снес Джудай-хану голову.

[Аксак-Темир захватывает Индустан]

Прибыл Аксак-Темир в Индустан и сделался ханом: его воины-разбойники другим путем-дорогой пришли и овладели городом. Вернулось войско Джудай-хана без своего хана, смотрит – в их городе другие воины и уже другой хан сидит, и вольной волей или неволей покорились новому владыке.

Так рассказывают о покорении Аксак-Темиру – все доброе, и все злое исходит только от Аллаха.

[АКСАК-ТЕМИР ИДЕТ ПОХОДОМ НА СТАМБУЛ]

После этого Аксак-Темир овладел и другими городами, всем светом. Было два сына у Аксак-Темира: Сафи и Вали.

Набрал он несметное число воинов и стал в дальний путь готовиться походом на Стамбул, навьючил верблюдов и слонов, и числа им нет – яствами разными, оружием. Мать-сыра-земля содрогалась, когда двигалось его воинство. По дороге взял он город Миср и вслед за тем подошел к Стамбулу. Остановилось войско Аксак-Темира; готовиться стали к предыдущему бою, а бой ожидался великий.

[Владыка Стамбула Шах-Султан вступает в бой с полчищами Аксак-Темира и, разбитый в бою, укрывается за стенами Стамбула]

Правил в те времена Стамбулом Шах-Султан. Дошла до него весть грозная: идет несметный враг, хочет его городом завладеть, а ему самому голову снести. Набрал Шах-Султан тоже воинов немало и пошел насупротив Аксак-Темира. Выслали враги искусных «караулши»[101] и зорко сторожили друг друга. Встретились наконец враги в грозном бою. Двинул Аксак-Темир свои полки неисчислимые, дрогнул Шах-Султан, побежал и укрылся в своем родном Стамбуле. Аксак-Темир следом за ним пошел, обложил Стамбул со всех сторон.

[Аксак-Темир ведет осаду Стамбула]

Целых пять лет без лишнего шла осада Стамбула и все без толку: восемь курганов опоясали велик город, а дорогу туда никто сыскать не может. Видит Аксак-Темир, что не взять ему Стамбула открытой силой, и задумал он одну хитрость – овладеть Стамбулом неприступным.

---

[101] *Караулши* – разведчики воюющих стран; очень реальный намек на образцово поставленное разведочное дело в армии Аксак-Темира.

[Аксак-Темир пускается на хитрость, чтобы овладеть Стамбулом]

Притворился Аксак-Темир тяжко больным, измазал тело сплошь шафраном и желтым стал прежелтым. Посылает он послов к Шах-Султану и велит им сказать: наказал его Аллах за грехи великие болезнью тяжкою; нет у него сил воевать больше, только бы до мира как-нибудь добраться.

Прокричал эту весть тяжелую посланец Аксак-Темира тем, кто в Стамбуле в осаде сидел. Не поверил Шах-Султан, что так болен его враг лютый, и послал он человека верного поразведать, что за лихо приключилось с Аксак-Темиром.

Прибыл в стан враждебный посланец Шах-Султана, видит: лютый враг лежит желтый-прежелтый, и сила вся из него ушла нивесть куда. Аксак-Темир еле слышным голосом говорит послу:

– Видишь, одолела меня хворь какая! Повернулся посол восвояси, пришед к Шах-Султану, обо воем ему рассказал, что видел, и молвил ему в таких словах:

– Болен Аксак-Темир хворью тяжкою, просит кланяться Шах-Султану да просить у него мира скорого, чтобы было чем перед Аллахом покаяться перед смертью неминуемой.

[Аксак-Темир хитростью убивает Шах-Султана и захватывает Стамбул]

Поверил Шах-Султан легковерный, что сказал ему посланец его, велел отворить ворота городские и сам с войском отборным пришел к Аксак-Темиру навестить больного, успокоить миром близким. Как вошел Шах-Султан, тут откуда сила явилась у Аксак-Темира: он вскочил с ложа смертного, схватил гостя и тут ему сам голову снес. Он разбил потом войско вражеское и с силою великой вошел в Стамбул, город неприступный.

Вот каким путем Аксак-Темир хитростью, а не силой открытою захватил Стамбул, покорил себе народ Шах-Султана.

[Аксак-Темир живет в Стамбуле, а оттуда с силою несметною через город Ашдархан идет по Волге к Болгарам]

Годов несколько прожил Аксак-Темир в крепком городе Стамбуле, а потом набрал много воинов и пошел на город Ашмахи; захватил после боя город Ашдархан[102]. Пять-шесть лет прожил: там и стал держать дорогу по Волге на север на Болгар. Столько войска у него было, что не счесть его ни одному человеку, один Аллах про то ведает, сколько чисел тому войску Аксак-Темира.

[Аксак-Темир берет город Булгар и уничтожает Абдуллу, хана болгарского]

Абдулла-хан был в то время правителем Болгар. Слышит он, сам Аксак-Темир с силою несметною на него войной идет, земля под его ногами дрожит: сам собрал воинов немало и пошел навстречу Железному Хромцу. Лютый бой, прелютый был. Но кто на белом свете устоит, когда Аксак-Темир на врага летит?

Бежал Абдулла-хан и заперся в стольном городе своем, Булгаре. Много воинов погибло смертью несчастною, а кто жив остался, заперся с Абдуллой-ханом в стольном городе Булгаре.

Семь лет без лишнего осаждал Аксак-Темир крепкий город. В 700 году [хиджры], в двадцать восьмой день месяца зуль-хадж, взял он Булгар, уничтожил бегов сто двадцать четыре человека, а их жен-красавиц вдовами оставил. Он убил самого Абдуллу-хана, а детей его Алтын-бега и Гилим-бега

---

[102] *Ашдархан* – Астрахань.

болгары, что в живых остались после погрома Аксак-Темирова, в лесу спрятали, там жили, кормили там и воспитывали... Было старшему Алтын-бегу только девять лет, а младшему Гилим-бегу и того меньше, всего-навсего семь лет.

[Народ «бараж», прозванный по змею, который опустошал их землю]

Некоторые из спасшихся от погрома Аксак-Темира пришли в город Булгар, выкопали там рвы и поселились жить. Был там ханом Самет. Большинство его народа были Бес-Калпаки, «бараж» прозванные. В стране, где они прежде жили, поселился змей лютый Бараж. Стал этот змей народ мучить, истреблять, вышли они на него, все разом навалились, да не сладили со Змеем могучим: одолел их змей, стал еще пуще народ истреблять. Бросили они город родной да страну родную и ушли в чужую сторону, к Болгарам. На реке Болгары построили они четыре города и назвали их Болгарами. Так вот почему этот народ «баражем» прозывался, и «ураном»[103] его был «бараж».

[Самет-хан держит совет со своими людьми об Аксак-Темире]

Вот сказал Самет-хан своим людям:

– Был Бараж, зло причинял неисчислимое нашим родичам, оставили они города родные и пришли сюда, здесь поселились;

вот теперь Аксак-Темир сюда пришел, на нашей земле вздумал города строить.

Что нам делать с ним, как нам жить?

[103] *Уран* – племенной и боевой клич.

Народ ему в ответ молвил:
– Сам ты знаешь, твоя воля, хан!
прикажешь, повоюем с ним:
либо его сокрушить сумеем,
либо головы свои сложим там;
как прикажешь, хан, так и будет!

Самет-хан опять говорит своему народу:

– Есть у меня один святой человек; лучше спросим его: как он скажет, так тому и быть.

[Святой видит Хызра среди воинов Аксак-Темира и запрещает баражцам воевать с ним]

Привели святого, и с поклоном глубоким вопросил его народ:

– Что ты скажешь нам про Аксак-Темира: воевать ли с ним, или мир держать? Говорит святой: «Посмотрю» – и взошел на минарет[104]. Видит полчища Аксак-Темира несметные и среди них самого Хызра. Спустился он вниз с минарета и говорит народу:

– Нет вам разрешения воевать с Аксак-Темиром: с ним сам Хызр идет.

Нужно судьбе поклониться и ворота перед ним отворить.

[Аксак-Темир захватывает город баражцев]

Горько заплакал народ баражцев, но все покорились воле святого: все ворота курганов открыли, так говоря:

– Воле Аллаха никто противляться не смей.

Без боя Аксак-Темир в город вошел и там много народу убил.

---

[104] *Минарет* – вышка мечети, откуда муэззины возглашали «правоверным» время их пятикратной молитвы; оттуда же производились наблюдения над приближавшимся врагом.

[Аксак-Темир в городе баражцев ведет беседы о причинах бед, которые он всюду приносит]

Вечером ходил Аксак-Темир по городу баражцев, тая себя от других, и все расспросы вел. Видит, собрался народ в одном месте, подошел и спрашивает:

– От кого вся эта беда приключилась? Говорят ему в ответ;

– Вся беда на нас от Аксак-Темира:

от лютой злобы его пропадаем.

На следующий день Аксак-Темир замучил говорунов раскаленным железом.

В другой день вечером Аксак-Темир опять вышел к народу баражцам и опять спросил:

– Отчего такая вышла гибель?

А ему в ответ молвят:

– Ничего не знаем, отчего, не ведаем;

знаем только, пришел Аксак-Темир,

нас перебил и разорил.

Среди толпы была одна вдова; ее муж по имени Джаушибег умер еще до прихода Аксак-Темира. Она не так сказала, как все до нее говорили:

– Нужно помнить одно: вся гибель наша и разорение от наших грехов и нашего зла свои корни ведут.

Ну, что бы мог с нами сделать один Аксак-Темир?

Нет, уж видно, здесь воля и предопределение Аллаха!

У нее было два сына: Ихсан-бег и Инсан-бег. На следующий день ведут их к Аксак-Темиру, и весь народ не знал, всю голову потерял: зачем их ведут?

Сами дети думали, что их ведут на смерть, и горько плакали.

Аксак-Темир сказал вдове свою волю непреклонную:

– Ты грехи свои признала и дела все злые; потому тебя я милую; куда ты только ни пойдешь, никто тебя не тронет.

Он приказал всем своим воинам не трогать вдовы и двух ее сыновей.

[Судьба детей вдовы, Ихсана-бега и Инсана-бега]

После того дети Ихсан-бег и Инсан-бег стали совещаться между собою и решили уйти от Аксак-Темира. Инсан-бег сказал своей матери-вдове:

– Мы пойдем с Волги вовнутрь страны,
в местность горную, поселимся там:
будем жить-поживать;
лучше той страны в белом свете нет.

Согласилась мать, но другой брат, Ихсан-бег, не согласен был; говорит он матери-вдове:

– Я уж лучше пойду туда, где предки жили: там я буду жить-поживать.

Инсан-бег с матерью-вдовой пошел в горную страну и там, на реке Кубня[105] дом себе построил.

У Инсана-бега родился сын Сулейман,
у Сулеймана родился сын Кор;
у Кора родился сын Нур-Даулей;
у Нур-Даулея родился сын Нур-Хасень;
у Нур-Хасеня родился сын Нур-Бул;
у Нур-Була родился сын Котуж;
у Котужа родился сын Мактым;
у Мактыма родился сын Икне;
у Икне родился сын Махмуд;
у Махмуда родился сын Мухаммед-Ходжа;
у Мухаммед-Ходжи родился сын Тяукель;

[105] *Кубня* – река Кубань.

у Тяукеля родился сын Бир-Мухаммед;
у Бир-Мухаммеда родился сын Бабаж;
у Бабажа родился сын Ульмес;
у Ульмеса родился сын Джокамыш.
Ихсан-бег ушел в страну предков.
У Исхана-бега родился сын Али-Мухаммед;
у Али-Мухаммеда родился сын Кан-Мухаммед;
у Кан-Мухаммеда родился сын Ток-Мухаммед;
у Ток-Мухаммеда родился сын Атак;
у Атака родился сын Шымак,
у Шымака родился сын Индерши;
у Индерши родился сын Текениш;
у Текениша родился сын Безерген.
У всех у них «ураном» был «бараж».

[АКСАК-ТЕМИР ДВИГАЕТСЯ НА МОСКВУ, НО ХЫЗР НЕ РАЗРЕШАЕТ ЕМУ ВОЕВАТЬ С РУССКИМИ]

После завоевания города Булгара Аксак-Темир пошел прямо на Москву, дошел до города Владимира и решил дать бой. Русские собрали по всем городам тоже немало воинов. Михаил был в то время царем в Москве; услышал он, что нет на свете ни одного города, который бы устоял против Аксак-Темира, и ужаснулся.

Аксак-Темир окружил своими воинами Владимир; к нему тогда явился Хызр и строго приказал:

– Нет позволенья тебе этот народ воевать;
только одно ты можешь свершить:
силу свою показать и дивную вещь сотворить. Аксак-Темир встал с места, схватил двухлетнего жеребенка и бросил его в сторону города Владимира. По допущению Аллаха жеребенок, брошенный мощной рукой, при падении сломал башню каменную и упал за версту; там, где упал, вода

потекла струею обильной. А как крикнул Аксак-Темир, у всех воинов – а им нивесть числа – отнялся язык от страха, и бледность страшная все лица покрыла.

[Аксак Темир, двигаясь к Бухаре,
заходит в урочище Кыйа]

Аксак-Темир, не получив разрешения от Хызра воевать Москву, собрал свои полчища безмерные и пошел обратно по направлению к Бухаре. По пути он зашел на урочище Кыйа, где были ханами Амет и Самет.

[Ханы кыйатовцев, Амет и Самет, собирают народ
на совет об Аксак-Темире]

Амет-хан и Самет-хан проведали, что к ним идет Железный Хромец; они зарезали кобылу, собрали свой народ и стали совещаться, куда им теперь откочевывать. На народном собрании никто о деле не говорил: кто хвалил свою лошадь, кто – собаку, а кто – жену; поели мяса кобыльего и стали по домам расходиться.

Один на собрании, именем Кендже, сказал:

– Если бы из рода моего было сорок человек, я сделал бы, конечно, дело.

А вы с умными людьми не совещаетесь, а только смеетесь.

Ну, нас, конечно, постигнет беда!

Лучше откочуйте отсюда, а здесь оставьте своих караульщиков.

[Кыйатовцы в панике бегут от Аксак-Темира]

Амет-хан и Самет-хан сказали народу, что идет на них Аксак-Темир, и тотчас же стали откочевывать. Такая поднялась суматоха; второпях у одного потерялся кнут, у другого – шапка. Какой-то пастух хотел поднять кнутом свалившуюся

шапку, но лошадь, испугалась привязанного сзади конька[106], уронила седока, когда тот нагнулся за шапкой, и умчалась, вспугнув целый табун лошадей; народ пустился в погоню, кто – за лошадью, кто – за табуном. Кто не знал в чем дело, тоже поскакал, крича:

– Враги догоняют, враги догоняют!

Между тем воины Аксак-Темира на самом деле скоро догнали их, остановили и часть перебили.

[Аксак-Темир проповедует ислам среди кыйатовцев]

Аксак-Темир потребовал к себе Амет-хана и Самет-хана и грозно молвил им:

– Если вы хотите жизнь свою спасти
и адских избежать мучений[107],
то ислам принять должны вы.

Ханы спросили Железного Хромца:

Если примем ислам, то вернешь ли нам добро, все, что взял у нас?

Аксак-Темир молвил им в ответ:

– Если вы по-настоящему примете ислам,
произнесете исповедание веры,
если будете совершать пятикратную молитву,
совершать омовение и тридцатидневный пост соблюдать,

---

[106] *Конёк* – кожаное ведро, в которое доят кобыл.

[107] Ад. – Умерший прежде всего поступает к двум ангелам – Монкиру и Накиру, которые чинят ему допрос, взвешивают его поступки на огромных весах, потом проводят по тонкому, как волосок, мосту «сырат» (буквально: «стезя»). По словам Сонны, праведники по мосту проходят прямо в рай, а грешники обрываются и падают в ад, который простирается на семь ярусов в глубину. Наказания в аду – самые утонченные. Самое обычное орудие муки – огонь в разных его применениях; полагается также глотать плоды особого адского дерева «заккум» и других; самой слабой мукой считаются огненные башмаки.

давать «закят»[108] и «хадж»[109] творить,
то ни вам, ни вашему народу не сделаю вреда.

После этих слов Аксак-Темира все они приняли ислам; целых два года провел там Аксак-Темир, наставляя в правой вере.

[Аксак-Темир завоевывает Самарканд и остается там ханом до конца жизни]

Потом года два спустя он простился с кыйатовцами и ушел в сторону Самарканда, завоевал его и оставался там ханом до самой смерти своей.

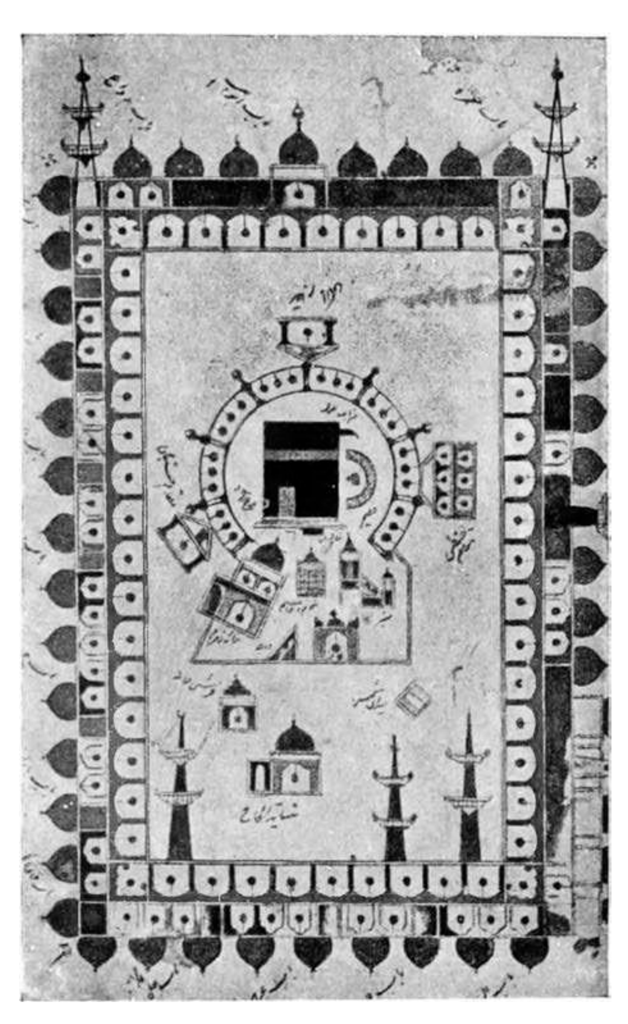
[Слава Аксак-Темира. Наставление автора сказания читающим и слушающим повесть о нем]

Так Аксак-Темир перевернул все вверх дном на земле. Слава о нем долетела до наших дней, и я для примера изложил сказание о нем. Вы, читающие и слушающие это сказание, вознесите молитву Аллаху; временными удовольствиями не прельщайтесь, исполняйте все веления Аллаха, чтобы не подвергнуться вечным мукам в аду.

---

[108] *Милостыня – «закят»* (буквально: «очищение») – уплата десятины доходов на благотворительно-религиозные дели. «Они спросят тебя, как должно творить милостыню. Скажи им: должно помогать родным, ближним, сиротам, бедным, путешественникам. Добро, которое вы сделаете, будет известно Аллаху!». *(Коран, II сура, 211 аят)* «Закят» можно выполнять четырнадцатью способами: уплачивать золотом, серебром, верблюдами, коровами, баранами, зерном, ячменем, просом, маисом, бобами горохом, рисом, изюмом и финиками. Относительно золота: если владеешь суммою ниже двадцати мелких золотых драхм, то не платишь десятины; если владеешь большей суммой, то платишь три на сто; так же и для серебра, принимая во внимание сравнительную стоимость с золотом. Что касается скота, то владеющий двадцатью пятью верблюдами дает одного верблюда; из баранов дают одного на сорок и т. д.

[109] *Хадж* – священное паломничество в Мекку, которое каждый «правоверный» должен совершить по крайней мере раз в жизни по достижении зрелого возраста.

Мечеть в Мекке с Каабой
Миниатюра из одной персидской книги путешествий 1576 г.
Частные собрания в Нью-Йорке

Сказание о Чингис-хане

[Генеалогия Чингис-хана]

У Ноя было четыре сына и четыре дочери; сыновей звали: Хам, Сам, Киньган и Яфес, дочерей – Ряжаб, Захаб, Рахат и Ряжиб; первая была родной дочерью его жены, а остальные, по молитве угодного Аллаху Ноя, – от щенка, кошки и осла. От Хама произошли арабы, от Сама – персы, Киньгам погиб во время потопа и не оставил потомков, от Яфеса – у него было еще имя Абульджа-хан, – румы (европейцы).

У Абульджа-хана родился сын Бакыр-хан;
у Бакыр-хана родился сын Узь-хан;
у Узь-хана родился сын Кок-хан;
у Кок-хана родился сын Богдо-хан;
у Богдо-хана родился сын Кара-хан;
у Кара-хана родился сын Кунамир-хан;
у Кунамир-хана родился сын Ушам-Бурыл-хан;
у Ушам-Бурыл-хана родился сын Шамшуши;
у Шамшуши родился сын Лекаберди;
у Лекаберди родился сын Кашу-мерген;
у Кашу-мергена родился сын Кара-дусан;
у Кара-дусана родился сын Турумтай-шешен;
у Турумтай-шешена родился сын Тумакул-мерген;
у Тумакул-мергена родился сын Дуюн-Баян;
у Дуюн-Баяна родился сын Шингиз-хан;
у Шингиз-хана родился сын Юши-хан;
у Юши-хана родился сын Баян;
у Баяна родился сын Баян-хан;
у Баян-хана родился сын Сыртак-хан;
у Сыртак-хана родился сын Биртак-хан;
у Биртак-хана родился сын Тогалы-хан;
у Тогалы-хана родился сын Токтагы-хан;
у Токтагы-хана родился сын Узбег-хан;

у Узбег-хана родился сын Джанибег-хан;
у Джанибег-хана родился сын Бердибег-хан;
у Бердибег-хана родился сын Султан-хан;
у Султан-хана родился сын Шабак-хан;
у Шабак-хана родился сын Муртаза-хан;
у Муртаза-хана родился сын Кошум-хан;
у Кошум-хана родился сын Арыслан-хан;
у Арыслан-хана родился сын Бурхан,
который принял веру русских[110].

[Красавица Гулямалик-Курукти, дочь Алтын-хана и Курляуш]

На острове Белого моря[111] стоял город Малтаб, правил им Алтын-хан; была у него жена Курляуш, которая родила ему дочь, названную Гулямалик-Курукти. Дочь хана жила в сорокасаженном дворце[112], темном-претемном, что ни солнце, ни месяц туда никогда своими лучами не заглядывали. Гулямалик была писаная красавица:

Взглянет на дерево – листья распустятся;
Взглянет на землю – трава-мурава поползет;
Волосы станет расчесывать – жемчуг посыплется;
Плюнет на землю – золото падает.

---

[110] *Вера русских* – вера христианская, которую Бурхан, касимовский царевич, принял в 1653 г. при царе Алексее Михайловиче.

[111] *Страны света* обозначались у монголов разными цветами: *север* – черный; *юг* – красный; *восток* – голубой; *запад* – белый. Таким образом «*Белое море*» означает море, лежащее к западу.

[112] *Темный сорокасаженный дворец,* где воспитывалась дочь хана, – часто встречающийся сказочный мотив девицы, заключенной в терем, в башню, куда не может добраться добрый молодец; динамика сказочного мотива сводится к добыванию молодцом девицы-красавицы, осложненному беременностью ее от солнечного луча и плаваньем по белу морю в золотом корабле. *Сорок* – магически-сказочная цифра.

Словом, лучше ее на свете не было. К ней были приставлены подружки-прислужницы[113], из них наибольшую звали Уртхан.

Однажды, когда Гулямалик была уже в совершенных летах, попросила она Уртхан:

– Выведи меня, Уртхан, из моего дворца! Что это за мир Аллахов: похож ли он на этот дворец, или он – что-нибудь другое?

– Мир снаружи, – ответила Уртхан, – широкое большое пространство, и ходят там солнце и месяц попеременно и его освещают.

– Покажи мне мир Аллахов! – сказала дочь хана.

– Если увидишь, можешь умереть, – отвечала Уртхан.

– Пусть умру, а хочу все видеть, – не испугалась дочь хана.

Отворила окно Уртхан; в темную комнату вбежали лучи солнца, Гулямалик без чувств упала[114]. Перепугались подружки-прислужницы, горько плакали и говорили друг другу:

– Что-то мы скажем хану?

[У Гулямалик-Курукти дитя образуется от света солнца]

Только через час пришла в себя дочь хана. Страшно обрадовались этому ее подружки-прислужницы и стали приставать, расспрашивать, что она видела. Гулямалик молвила в ответ:

– От виденного света солнечного образовалось у меня дитя. Что-то теперь скажете моим родителям?

---

113 *Подружки-прислужницы* Гулямалик-Курукти – пережиток возрастных групп, облеченный в сказочную оправу; яркая параллель к сверстницам Гулямалик-Курукти – служанки царевны Навсикаи в «Одиссее» Гомера.

114 Проникновение луча света в темный дворец – *символика полового акта.*

Очень любил свою дочь Алтын-хан и время от времени навещал свою любимицу. Пришел он однажды к ней и увидел, что Гулямалик готовится стать матерью[115].

– Отчего у тебя на лице появились «мятежи»? – спросил он. – Какая беда случилась!

С печальными думами вернулся он домой и молвил жене:

– Ах, Курляуш, со дня нашего супружества не было еще у нас такого стыда: какая беда случилась с дочерью! Ну, что нам теперь делать?

– За здешнего человека не выдашь ее замуж, будет много разговоров и дурных догадок: люди все равно, что дьяволы... Давай лучше пойдем на хитрость, пустим ее в корабле по морю! – ответила Курляуш.

Сказано – сделано. Снарядили корабль[116], наполнили его златом-серебром, многими яствами, посадили на него дочь и сорок ее подружек-прислужниц с сизыми голубками и попугаями, поставили светильники и пустили корабль в море ночью, пожелав ему встретиться со счастьем!

[Тумакул-мерген, сын Турумтай-шешеня,
охотится и видит золотой корабль]

Прошло несколько дней. В это время сын Турумтай-шешеня, Тумакул-мерген, охотился вдали от своего дома

---

115 *Беременность без мужчины (самца)* – мотив восточных сказок и легенд; интересны варианты этот мотива: 1) курица – зола – яйца без петуха; 2) женщина – луч солнца – беременность без мужчины.

116 *Золотой корабль* без выхода, куда сажают и отправляют провинившуюся дочь хана, – сказочный мотив, аналогичный в «Сказке о царе Салтане» герметически закупоренной бочке, куда была брошена провинившаяся царица с царевичем.

с сорока сверстниками[117] и одним караульщиком[118], Шяба-сокуром, прозванным так потому, что у него был только один глаз. Он-то и сказал Тумакул-мергену:

– Там вдали что-то чернеет...

– Что такое? – спрашивает Тумакул.

– Какой-то золотой корабль, сейчас трудно разобрать, завтра к обеду он придет сюда, – ответил Шяба-сокур.

Так и вышло: на завтра, ровно к обеду корабль подошел к берегу. Оказался он золотым, и не было у него входа-выхода, так что не знали охотники, как же войти в него.

Выручил Шяба-сокур.

– Эй, Тумакул-мерген, стреляй в корабль! – молвил он.

– Как стрелять: прямо или вкось? – спросил Тумакул.

– Если будешь стрелять прямо, можешь убить того, кто внутри корабля, стреляй лучше вдоль корабля, – молвил Шяба-сокур, родом туркменец.

– Хорошо, в таком случае я выстрелю из лука вбок, – сказал Тумакул и выстрелил.

Три доски от стрелы отскочили. В дыру вышла писаная красавица Гулямалик-Курукти с сорока подружками-прислужницами, голубками и попугаями, всех их взял себе Тумакул, а корабль достался Шяба-сокуру.

[Гулямалик-Курукти достается Тумакул-мергену]

Красавица Гулямалик сказала Тумакулу:

– Теперь я навсегда твоя, но сейчас ты не касайся меня, потому что у меня дитя зародилось и не от человека, а от солнца.

Тумакул не обратил внимания на ее слова.

– Мне это все равно, – молвил он.

---

117 *Сорок сверстников ханского сына Тумакул-мергена* – также пережиток старинных возрастных групп облеченный в сказочную оправу.

118 *Караульщик* – разведчик на войне, здесь на охоте.

– Я была, как сокол на небе, и села на твое дерево; ты – герой, и я не буду тебе перечить; только исполни мое желание заветное, – сказала Гулямалик.

– Хорошо, сделаю по-твоему, – ответил Тумакул.

В тот же вечер они поставили палатку.

– Теперь я вижу, что у тебя дитя зародилось от солнца, иначе не была бы девицей, – сказал Тумакул, и стала Гулямалик ему еще милее.

– Ты, быть может, не поверишь, что я не знала ни одного мужчины в жизни, – сказала Гулямалик.

– У тебя и дитя зародилось и вместе ты – девица; такая может выпасть на долю лишь особенному счастливцу, и такую-то девицу я везде искал, – сказал Тумакул.

– Цени меня, – промолвила Гулямалик.

[Гулямалик-Курукти рождает от света солнца Дуюн-Баяна]

Долго ли, коротко ли, явился на свет Аллахов ребенок, назвали его Тангри-бергеном-Дуюн-Баяном.

Несколько дней спустя отец Тумакул-мергена, Турумтай-шешен, умер, Тумакул вернулся к себе домой и сделался ханом.

У Гулямалик родились потом еще два сына: Бодентай и Болектай. Когда явились они на свет Аллахов, Гулямалик запечалилась.

– Когда мальчики рождаются, все радуются, что же ты кручинишься? – спросил ее муж[119].

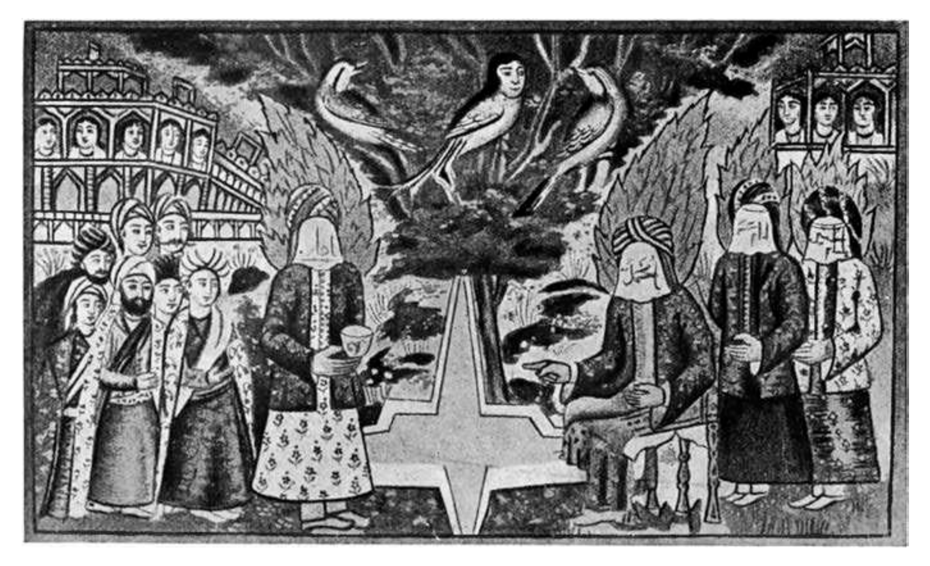
– Я печалюсь за старшего сына: по пословице нашей – «Кто поведется с куланами[120], тот будет резвиться на цветах, а кто подружится со свиньей, тот будет валяться в грязи»,

---

[119] Обычное превосходство *мальчиков (мужчин)* над *девочками (женщинами).*

[120] *Кулан* – один из видов диких ослов, водившихся в Монголии; предмет охоты у монголов.

или по другой; «кто не ханского рода, тот не для народа, кто не знает своего народа, тот бывает ненасытным»... Бодентай и Болектай – не для народа. Я – дочь льва; когда досталась тебе, что хорошего я увидела? – ответила жена.

Рай
Миниатюра одной персидской денежной шкатулки.
Оригинал в этнографическом музее в Амстердаме

– Не говори больше... я знаю, – сказал Тумакул.

– После твоей смерти Бодентай и Болектай разделят твой народ, а мой сын Дуюн-Баян, рожденный от света солнечного, ничего не получит, а вот о нем-то я и печалюсь... Отправь-ка лучше Бодентая и Болектая к калмыкам.

Послушался ее муж и отправил сыновей к калмыкам, каждого с семью провожатыми[121]. Братья поселились среди калмыков, построили себе дома. От них-то и произошли; калмыцкие ханы.

---

[121] *Семь* провожатых Бодентая и Болектая, *семь* сыновей Алтын-хана; число «семь» носит магически-сказочный характер вавилонского происхождения.

[ДУЮН-БАЯН БЕРЕТ СЕБЕ В ЖЕНЫ АЛАНГУ]

Тем временем отец с матерью женили старшего сына, который остался дома, Дуюн-Баяна, на Алангу, дочери младшего из семи сыновей Алтын-хана, Тулекти. У них родилось три сына; Боденджар, Кенджар и Сальджут. От Боденджара пошел род кыйатовцев, а от Сальджута – китайцы[122].

Тумакул был ханом двадцать лет и после него Дуюн-Баян – девятнадцать лет.

[Слова Дуюн-Баяна своему народу]

Дуюн-Баян собрал свой народ и молвил:

– Думал я вместе с женой умереть, но вижу – моя смерть приближается. Я умру, а вы останетесь. Вот мое слово к вам: все три сына моих недостойны править народом после смерти моей. Моя жена останется вдовой, но я приду, и у нее родится хороший мальчик. Мой народ, подчинись ему! Знаками моего прихода будут: после смерти я буду гореть, как солнце, выйду в виде волка[123]. Так и знайте.

Слова эти распространились в народе.

[Бодентай и Болектай утешают вдову Дуюн-Баяна]

Когда дошла до Бодентая и Болектая весть о смерти старшего брата, пришли они из калмыцкой земли к вдове Алангу и нашли ее горем убитой. Сели они на лучших коней умершего брата и доехали охотиться на гору Байыр-тау; они стали там охотиться на сайгаков[124], одного живым поймали и домой поехали.

В это время им навстречу из леса толпа народа валит...

---

122 *Персонификация* народов: племя *замещается* своим родоначальником, славою.

123 Сказочный мотив *оборотня.*

124 *Сайгак* – степная антилопа.

– Что вы за народ и откуда? – спросили братья народ.

– Мы из города китайцев и три месяца уж, как мы бежим. Мы голодны[125] – смилостивитесь над нами, дайте нам этого сайгачонка!..

– Зачем же вы бежали от своих ханов? – спросили братья народ.

– Ханы наши плохи стали, мы не стерпели и от них убежали[126], – ответила толпа.

– Не дадим вам целого сайгака – везем мы его развлечь Алангу, нашего умершего брата вдову, – сказали охотники.

– Ну, так возьмите у нас одного мальчишку, а сайгака отдайте нам, – закричал народ братьям.

Охотники отдали толпе одну лишь заднюю ногу сайгачонка и получили взамен мальчишку.

Братья решили:

– Он будет хорошим развлечением для вдовы...

Мальчишку назвали Бален, а по отцу он был Манкгытай-дульджа. Вот каким образом сын бия, Бален, был продан голодными за одну ногу сайгака...

Возвратились братья домой, мальчика вручили вдове, узнала она, что мальчик знатного рода, и стала думать, как получше его воспитать.

А братья Бодентай и Болектай домой стали проситься – к своим калмыкам.

Вдова Алангу говорит им:

---

[125] *Голод* был постоянным бичом средневековья как на Востоке, так и на Западе, показателем экономической неорганизованности той эпохи. Случаи продажи детей в рабство – самое заурядное явление; продают *знатного* мальчика из голого расчета, что родовитость дороже ценится на рабском рынке.

[126] *Миграции* – постоянное явление средневековья, когда все текло и двигалось вследствие экономических невзгод, лютых соседей, жестоких правителей, прикрывшись поисками праведной земли, распространения правой веры среди неверных, отвоевания священных земель.

– Побудьте еще несколько дней со мной; три моих сына меня не уважают, своевольничают, то-и-дело людей обижают. Наставьте их на добрый путь-истину.

[Наставления Бодентая и Болектая своим племянникам, сыновьям Алангу[127]]

Отвечали на это два брата, Бодентай и Болектай:
– Ах, сноха ты наша дорогая!
Вот наставления нашим племяшам:
Тишину соблюдайте, уважайте
и слушайте первых и старших людей.
В народе устроенном –
хозяйство в полном благополучии,
от врагов все тайны сокрыты,
к старшим – почтение;
к младшим – внимание во всех их делах.
В народе неустроенном – все шиворот-навыворот:
родных своих хулят, а чужих хвалят,
братьев и родных не уважают,
старших разговоры младшие перебивают,
дети – разговоры отцов,
насмехаются друг над другом.
Тот настоящий человек,
кто поступает по совету старших;
тот народ не пропадет,
кто будет слушать советов одного старшего
и исполнять его волю.

---

[127] *Наставления ханов Бодентая и Болектая своим племянникам* – любопытный «Домострой» кочевников: организация народа – функция взаимоотношений между возрастными группами родового общества; народ устроен хорошо там, где младшие подчиняются старшим, и народ устроен плохо там, где, наоборот, верховодят младшие, а старшие не уважают.

Кто не служил ханам, тот, случись это делать,
Захочет питаться и человечьим мясом.
Кто не имеет скота и сразу много получит его,
тот гордым становится.
Такие люди и богатых считают бедняками,
Хороших – дурными, родовитых – простыми.
Где такие люди, там нет единодушия.
Знающие пусть остаются при своем знании,
а незнающие пусть учатся.
Но помните твердо: нельзя за советом обращаться
к пекарю, кузнецу и котельнику;
каждый из них только свое ремесло знает
и всегда его хвалит,
а опытный хвалит всегда хлеб.
Вы, братья, живите по-другому.
Надейтесь
на Аллаха,
всегда слушайтесь старших, первых людей.
Больше нет у нас к вам наставлений.

[Сыновья Алангу обижают свой народ]

...Бодентай и Болектай уехали домой – к калмыкам. Племянники не послушались их: по-прежнему матери не почитали, совести не имели, старших не уважали, самовольничали, у богатых отбирали лучших верблюдов, иноходцев, аргамаков, у знатных отбирали дочерей. Народ стал волноваться и пришел жаловаться к их матери-вдове.

– У нас остались только кости да кожа[128], не можем дольше терпеть.

---

128 *«Кости да кожа»* – в данном случае символическое обозначение нищеты, бедности, хозяйственного упадка.

– Они и моих слов не слушают, умерший Дуюн-Баян говорил, что они разорят народ, но народится еще сын, который и будет управлять вами, – ответила мать.

Народ возрадовался от этих слов. Быстро весть пробежала, и все с нетерпением стали поджидать новорожденного.

Три старших сына Дуюн-Баяна услышали, что говорят в народе, и в сердцах пришли к матери:

– Мы слышали твои лживые слова.

– Ах, вы, злые люди, почему зовете слова мои лживыми? – закричала мать.

– Как не лживыми, раз ты говоришь, что у тебя сын зародился, народ обманываешь, а нас за детей не считаешь? С чего зародился у тебя ребенок, – не с воды ли, которую пьешь?! Уж не курица ли ты, которая в золе поваляется и носит яйца без петуха? Не мать ли ты Куа, которая покушала пены и оттого дитя носить стала? Твой муж умер вот уже несколько лет, а ты народ обманываешь своим ребенком. От кого? Не от мальчика ли Валена, купленного за заднюю ножку сайгачонка?.. – допрашивали Алангу сыновья.

[Выборные от народа сторожат появление на свет чудесного сына Алангу]

Алангу стала спрашивать народ:

– Чьи это слова – народа или их (сыновей ее)?

Народ в один голос закричал с гневом:

– Это – слова твоих детей!

Алангу прибавила:

– Пожалуй, вы тоже мне не верите; приставьте-ка лучше стражу ко мне из трех; Дуюн-Баян предсказал, что перед новорожденным сначала появится светило, которое потом обратится в волка и уйдет.

Народ ничего не ответил, а тайком от Алангу приставил к ней для наблюдения трех стражей: Ишака, Еря и Одаша.

Стали они сторожить. Вот однажды с неба сошел свет; со страху они без чувств попадали, а когда немного погодя в себя пришли, стали спрашивать друг у друга:

– Куда девался этот свет?

Никто не знал.

– Будем сторожить внимательнее: должен же он выйти волком.

Вот, скоро ли, долго ли, вышел наружу серый волк величиною с лошадь, посмотрел назад и ушел в лес. Стражи хорошо видели серого волка и сказали сыновьям Алангу:

– Теперь сбудется все, что она предсказала.

[Рождение Чингис-хана]

Алангу никто уже не беспокоил.

Вот через некоторое время она родила сына. У него был золотой клочок волос на макушке, а на спине печать имени Джабраила[129]; лицом он был так красив, так пригож, что всякий, кто раз его увидит, оторваться не может, готов все ему принести (в подарок), и коня и одежду.

[Чингис – лучший сын хана Дуюн-Баяна]

Вот так и начал расти Чингис. Быстро он возмужал. Был он справедливым к народу, полезным во всем для него. Народ во всем его слушался, восхвалял его, называл лучшим сыном хана Дуюн-Баяна.

[Братья завидуют Чингису, пытаются его уничтожить, народ мешает братьям погубить Чингиса]

Стали завидовать братья Чингису и вслух говорить:

– Наши бии и народ почитают рожденного незаконно.

---

[129] *Джабраил* – ангел Гавриил, через которого Мухаммед получал откровения Аллаха, составившие потом Коран.

Уничтожим его: иначе нам не будет покоя.

Народ услышал эти слова и громко сказал:

– Не позволим трогать Чингиса:
больше вашего он достоин быть ханом;
лучше вы разделите-ка отцово наследство;
если по-нашему сделать не захотите,
мы сами без вас разделим покойного хана добро.

После этого братья Чингиса не решались открыто убить Чингиса, потому что боялись народа, а задумали убить его втихомолку, тайком от народа.

[Сыновья Дуюн-Баяна делят отцово наследие. Драгоценный золотой лук]

Они поделили все отцово наследие, только разделить лука золотого драгоценного[130] не могли. Не могли они определить, какая цена этому луку; сговорились между собой пойти к своей матери Алангу; кто получит лук, тому она передаст и ханство.

– Мать! кому ты жалеючи присудишь ханство, тому пусть достанется и этот драгоценный золотой лук, – молвили сыновья Алангу.

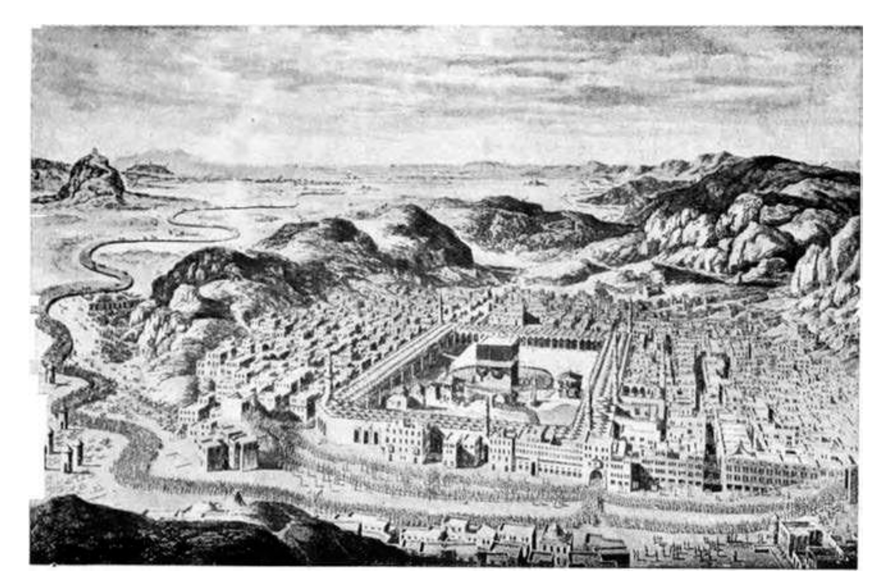
– Дети! кто хулит свой народ, тот получит возмездие от других, а кто хулит свою мать, будет терпеть обиды от врагов. Лукавые! будете ли вы слушаться меня? – закричала гневно Алангу.

– Будем слушаться, – отвечали в один голос сыновья.

– В таком случае пусть каждый из вас выставит свой золотой пояс на солнце у окна; у кого свет пойдет от пояса, тот будет ханом, и тому золотой лук достанется.

---

130 *Раздел* отцовского золотого лука между сыновьями – обильный вариантами сказочный мотив; как обыкновенно в сказках, приз достается самому младшему, наиболее любимому матерью сыну.

Вид Мекки
По Ohsson. Tableau Général de l'Empire Ottoman. Paris 1790

[Шелковый пояс Чингиса издает свет;
он получает драгоценный золотой лук]

Братья согласились с матерью; сняли с себя пояса, на солнце их выставили; ни у кого из них пояс не светит.

Выставил Чингис свой шелковый пояс на солнце; глядь, от его пояса свет пошел. Увидали братья, удивились, изумились да говорят друг другу:

– Видно, наша мать – волшебница, колдунья[131].

С дурными мыслями ушли они от матери и твердо порешили у себя в мыслях покончить, чего бы ни стоило, с Чингисом.

---

[131] *Колдовство, волшебство* – самая популярная форма веры в магические силы личности, характерная для феодально-племенного общества средневекового Востока и Запада.

[Чингис с тремя сверстниками уходит от своих братьев к верховьям речки, где черная гора Куркурлен]

Чингис хорошо знал, что грозит ему от братьев беда неминучая, стал он думать со своими сверстниками, не уйти ли ему к киргизам. Приходит он раз с тремя сверстниками своими к матери своей Алангу и молвит:

– Матушка! ухожу я отсюда на верховья той речки, где черная гора Куркурлен,

там я буду жить-поживать,
тебе клочья птичьего пера посылать[132],
как увидишь – они по течению плывут,
так и знай, что я там жив и здоров,
я заставлю там медведей рычать,
львов ушастых заставлю реветь[133];
кто сыскать меня пожелает,
пусть ко мне туда жалует[134].

Мать Алангу со слезами рассталась с Чингисом.

[Братья Чингиса обижают народ. Народ приходит к Алангу и просит дать весточку о Чингисе]

На другой день пришел народ Чингиса повидать, а его уже след простыл. Плачут все, пришли к Алангу, ее спрашивают:

– Где наш хан Чингис?

– Ваш хан Чингис к киргизам ушел, – отвечает им мать Алангу.

---

[132] *Птичий пух*, по речке плывущий, – весточка матушке родимой от сыночка любимого – обычный сказочный образ.

[133] Сказочный герой одарен высшими магическими силами, повелевает грозными представителями животного царства – медведями и львами.

[134] Герой скрывается в неведомую даль (за тридевять земель, в тридесятое царство), где его нужно добыть, – многовариантный сказочный мотив.

Как ушел Чингис, братья его Боденджар, Кенджар, Сальджут опять своевольничать стали да народ обижать.

Разобиделся народ, вынести не мог обиды горькой да напрасной, плачет навзрыд, к Алангу идет с жалобой, с вопросом горьким:

– Ах, зачем ты Чингис-хана нам показала, а потом отпустила нивесть куда; уж ты лучше бы нам совсем его не казала!..

[Алангу указывает народу, как ему найти Чингиса]

Алангу молвила народу:

– Я скажу вам в таком случае, что ушел он от меня рано утречком.

– А куда он нас покинул, горьких сиротинушек? – молит народ, спрашивает.

– А́ вот идите к этой речке – Текелик – посмотрите на нее, скоро весть получите.

Побежал народ к речке Текелик, ничего не видит там, кроме пуха птичьего; идет он, возвращается опять к Алангу.

– Что вы видели там в быстрой речке Текелик? – спрашивает их Алангу.

– Ничего не видали, только птичий пух там плывет вниз по реченьке.

Говорит им Алангу, мать Чингиса:

– Этот пух – весточка от сына моего Чингиса, идите, отправляйтесь его искать прямо по этой речке Текелик, к ее верховью, где гора черная стоит Куркурлен; шесть деревьев наверху горы; там живет и здравствует мой родимый сын Чингис, ловит птиц, а пух бросает в реку. А река та днем, каждый день разливается, из берегов выходит, а ночью убывает, в свои берега входит.

Вот идите на то место сказанное, моего сына родимого, любимого там ожидайте: придет он к вам, покажется.

А приметы его – родного: а лицо то прекрасное, прекрасное, шапка белая и одежда, драгоценный лук золотой, Джабраила печать и конь сивый; как ударит коня плетью, так с виду вашего и сгинет тотчас. Вот увидите такого человека – это будет сын родимый мой, Чингис.

[Десять биев[135] отправляются на поиски Чингиса]

Майкы-бий,
Калдар-бий,
Урхеш-бий,
Кипчак-бий,
Тамиен-бий,
Керейт-бий,
Кунград-бий,
Темир-Котлу-бий,
Тулак-бий,
Туленгут-бий.

Вот эти-то десять биев и вознамерились ехать. Чингиса искать.

Только четверо биев, а зовут их:
Кунград-бий,
Кытай-бий,
Санджут-бий,
Кыят-бий –
ехать за Чингисом отказались; из них три последних имели большую власть в народе и не решались ехать за Чингисом, своих собственных ханов боялись обидеть и искать хана где-то вдали.

Кунград-бий совсем не хотел ехать за Чингисом, он сторону держал трех его братьев, Боденджара, Кенджара и Сальджута, и ненавидел Чингиса; остальные бии не обратили

---

135 *Бий* – глава рода, главный участник «курилтая» избиравшего ханов.

внимания на его советы и поехали одни искать Чингиса. Майкы-бий даже взял у матери Чингиса, Алангу, перстень с печатью, а остальным биям об этом ни слова не сказал.

[Десять биев странствуют по горам и отыскивают Чингиса]

Дошли десять биев до мест, которое указала им мать Чингиса, Алангу, взобрались на гору, где шесть деревьев было, осмотрелись вокруг, видят вдалеке два дворца: белый и синий. В них они не вошли, остановились на черной горе Куркурлен. Тихо, мертво было кругом; никого не было; только неделю спустя услыхали они голос, подобный карканью ворона и говору человека. Видят, что к ним на гору взбирается какой-то мужчина, но они ничего не говорили, а спокойно лежали на земле.

Наступило утро; где-то зарычал медведь, заревел лев... Вот бии наконец догадались, что здесь-то и живет Чингис. Побежали, видят: Чингис на сивом коне, в белой одежде и шапке, с драгоценным золотым луком, по красоте похож на Джабраила.

Чингис спросил:

– Что вы за люди и зачем преследуете меня?..

Чингис ударил коня сивого плетью и стал невидим. Заплакали горько бии и решили вернуться на старые места.

Настало другое утро, но теперь, помимо крика птичьего, они ничего не слыхали. Так прождали они Чингиса на горе еще два-три дня.

[Чингис по перстню матери признает десять биев, называет их друзьями и задает пир]

Но вот однажды рано утром они услышали знакомые звуки: медведь рычал и лев ревел – то Чингис опять выехал на охоту. Радостные они бросились к нему навстречу и снова увидали его.

Чингис счел их за воров:

– Кто вы? Что вы все время следите за мною? Что вам нужно от меня? – крикнул Чингис.

Горько заплакали бии.

Увидал их слезы Чингис, сам горько заплакал и молвил:

– Зачем вы приехали ко мне?

– Мы готовы за тебя умереть.

– Кто вас послал сюда ко мне?

– Мать твоя, Алангу, сжалилась над нами, сюда послала нас.

– А какой у вас знак, что она послала вас сюда?

Бии остановились, не зная, что отвечать Чингису. Один Майкы-бий вынул из кармана перстень матери Чингиса, Алангу, с печатью[136] и показал его Чингису. Тот поглядел, узнал свой родимый перстень – перстень матери Алангу, улыбнулся и молвил:

– Если я буду ханом, то будешь ты бегом, Майкы-бий.

Хорошо, что ты привес мне перстень матери, иначе я рассердился бы крепко на тебя и на всех вас: ни ты, Майкы-бий, ни вы все, бии, ничего не значили для меня; не обижайтесь теперь на меня за это! Теперь вы мои друзья, пойдемте в мою кибитку.

Чингис и десять биев вошли в «сарай» и жили там целую неделю, пили напитки опьяняющие, разные яства кушали[137].

---

[136] *Перстень с печатью* Алангу, матери Чингиса, – символ высшей политической власти, а одновременно и чудесный талисман для овладения кладом – самим Чингисом.

[137] Это – *куначество,* символика родового быта, принятие чужеродцев в пределы своего рода; вообще чужеродец ничего не значит для рода, но кого впускают в дом, кто живет вместе с родичами, ест, пьет с ними, тот становится как бы членом этого дома; совместная жизнь, еда и питье в пределах родового общества – символика установления родственно-дружеских связей с чужаками.

[Десять биев просят Чингиса взять власть над их родами]

На пиру молвил им Чингис такое слово:

– Послали вас люди искать меня, ханом сделать, а какого вы роду и сколько у вас родичей, чтобы мне помогать во всем и меня поддерживать, раз я ханом буду?

Вскочили бии на ноги, поклонились низко Чингису и говорят ему с робостью:

– Мы здесь старшие главари от десяти родов,

один только Калдар-бий от самого себя.

Твоя мать Алангу за нас и вместе с нами тебя просит ханом быть.

Один Кунград-бий против тебя был и остался у своих сородичей, отказался с нами ехать тебя искать и просить.

Мы все время твое лицо желали видеть, тебе подчиниться хотели.

Теперь наше желание исполнилось: мы и наш народ – твои отныне.

Чингис в ответ им молвил:

– Почтенные бии! с этого дня я – с вами и вы – со мною.

Бии обрадовались этим словам и поднесли ему в дар своих коней, а Чингис свое согласие дал принять эти подарки.

[Чингис с десятью биями возвращается в свой стольный город]

Чингис сказал им:

– Как вы повезете меня, куда уложите столько вещей?

Видите, как их много у меня?

Калдар-бий ему в ответ ответил:

– Я сделаю одну вещь; на, нее мы все твое и положим.

Калдар-бий сделал телегу. Если спросят, кто первый сделал телегу, знайте, что это сделал Калдар-бий Баленев.

Нагрузили бии на телегу все добро Чингиса, посадили на нее самого Чингиса и отправились домой.

Через несколько дней они добрались до стольного города и послали просить Алангу во дворце остановиться.

Бии знать не знали, спорили, кому из них первому во дворец итти вслед за Чингисом. Майкы-бий спросил других:

– Кто должен взойти – бык, который вез телегу, или хозяин, который им управлял?

Чингис ответил:

– Прилично ли быку взойти раньше хозяина?

И Майкы-бий взошел первым и занял место с правой стороны хана. Другие сели подле него.

[Бии сокрушают противников Чингиса]

На другой день десять биев напали на аулы, бии которых не поехали к Чингису, были большими врагами его: Боденжара, Кенджара, Сальджута и Кунграда; всех их они перебили вместе с их родичами.

[Сестра Кунград-бия, Бортакшин,
скрывает детей четверых убитых биев]

Бортакшин была сестрою убитого Кунград-бия; она успела скрыть детей четырех убитых биев: Боденджара, Кенджара, Сальджута и Кунграда.

Народ проведал про то и сказал Чингис-хану. Одолел того гнев, кричит Чингис-хан:

– Идите, приведите этих детей!..

Явились к Бортакшин и говорят:

– Сам Чингис-хан требует тебя, иди скорее!

Та молвила в ответ:

– Хорошо, сейчас пойду к Чингис-хану.

[Бортакшин, писаная красавица]

Встала Бортакшин, накинула верхнюю одежду, на ноги – расшитые туфли, на голову – шапку чернобурой лисицы

и взяла с собой четверых мальчиков: одному из них было десять лет, другому – одиннадцать, третьему – тринадцать, а четвертому – всего четыре года; все они были писаные красавцы.

Но сама Бортакшин была всех красивее: на всем белом свете не сыскать равных ей; косы ее сорокасаженные[138] две женщины носили позади на блюде золотом.

Народ говорил ей:

– Ах, Бортакшин, какая ты красавица писаная и на такое ты дело осмелилась: воровкой стала, этих мальчишек у себя спрятала.

Бортакшин в ответ молвила:

– Что вы зовете меня воровкой? Стала я воровкой только перед самим ханом!..

[Чингис-хан разговаривает с Бортакшин о детях, которых она утаила у себя]

Привели Бортакшин к самому Чингис-хану. Удивился Чингис-хан, как увидел красоту ее неописанную и волосы сорокасаженные на золотом блюде, что две прислужницы за нею несли.

– Бортакшин, зачем ты стала воровкой в моих глазах, зачем ты скрыла этих мальчишек?

Та в ответ молвила:

– Я воровкой стала, тебя жалеючи.

Чингис-хан опять спросил ее:

– За что же ты меня жалеешь?

---

[138] *Сорокасаженные косы* – сказочная гипербола. Ср. сорокасаженные волосы девицы в золотом ящике в казакской сказке «Кран-каракшы» (№ 30 из собрания Г. Н. Потанина), полностью кобылу сорока сажен длиной в казанской сказке «Ер-Тюстюк» (№ 13 из собрания Потанина).

А Бортакшин ему в ответ:

– Я думала, что тебе трудно будет ответ держать за участь этих детей.

А Чингис-хан ее снова спрашивает:

– А почему ты думаешь – мне так трудно ответ держать перед Аллахом?

Говорит Бортакшин:

– Во времена Ноя Аллах послал неверным потоп: потопил их, уничтожил;

а чтобы не прекратился род людской,

спас лишь тех, кто был в корабле Ноя.

А ты, хан, сам не раб ли Аллахов?

Вот лев бросается на сайгака,

если перескочит его, то не возвращается больше к нему, и так дает ему свободу.

Ты – человек: поэтому освободи меня и этих детей.

Народ в гневе, не зная их рода, мог убить и тем самым прекратить их род[139];

вот, чтобы такого зла не вышло,

я и решилась их спрятать, скрыть.

[Чингис-хан любит Бортакшин и делает ее своей женою]

И сказал тогда Чингис-хан:

– Ради слов твоих хороших, ради сердца твоего, по широте подобного морю[140],

готов тебя избавить я от ста смертей.

Только дай свою любовь и от меня не уходи.

---

[139] *Насильственное прекращение рода* – величайшее преступление в рамках родового общества.

[140] *Море* – символ бесконечно большой величины для людей средневековья; сравнение чего-либо с морем – указание на безграничную ценность сравниваемою предмета.

А Бортакшин ему в ответ:

– Если любишь меня – я твоя жена.

Услышал такие слова Чингис-хан и обрадовался. Крепко они полюбились друг другу, поженились, устроили пир, веселились.

Бортакшин родила Чингис-хану четырех сынов: Юши-хана, Джудай-хана, Керейт-хана и Таулей-хана.

[ЧИНГИС-ХАН ДАЕТ СВОИМ БИЯМ, КАЖДОМУ ОТДЕЛЬНУЮ «ТАМГУ», НАЗНАЧАЕТ ИМ ЛЮБИМЫЕ ДЕРЕВЬЯ И ПТИЦ]

Чингис-хан был справедливый и добрый правитель; он завоевал много орд и таким образом славу о себе распространил по всему свету.

Он указал всем биям, которые приезжали к нему на черную гору Куркурлен, а также и остальным биям особое место, дал каждому особую «тамгу»[141], особую птицу, особое дерево.

Чингис-хан сказал первому из них, Кыяту Боденджарову:

– Пусть твоим (любимым) деревом будет
сосна,
птицей будет сокол,
«тамгой» будет «верблюжье седло».

Сепкилю Кунградову:

– Пусть твоим деревом будет яблоня,
птицей будет кречет,
«тамгой» будет «полная луна».

Майкы-бию:

– Пусть твоим деревом будет черное дерево,
птицей будет орел,

---

[141] *«Тамга»* – клеймо, своего рода *герб* крупного феодала-кочевника в Монголии.

«тамгой» будет «козел».

Ордаш-бию сказал Чингис-хан:

– О ты, с тысячею стрел Ордаш-хан!!

С тех пор и осталось за ним это название: в бой он всегда выходил, вооруженный тысячью стрел.

Сказал Чингис-хан Ордаш-бию:

– Пусть твоим деревом будет береза,
птицей будет ястреб,
«тамгой» будет «пара ребер».

Тамиен-бию:

– Пусть твоим деревом будет ива,
птицей будет ворона,
«тамгой» будет «крюк».

Кипчак-бию:

– Пусть твоим деревом будет осина,
птицей будет беркут,
«тамгой» будет «гребень».

Думарт-бию:

– Пусть твоим деревом будет вяз,
птицей будет пустельга,
«тамгой» будут «вилы».

Керейт-бию:

– Пусть твоим деревом будет липа,
птицей будет гусь,
«тамгой» будет «глаз».

Буржан-бию:

– Пусть твоим деревом будет дуб,
птицей будет журавль.

Буркут-бию:

– Пусть твоим деревом будет клен,
птицей будет «хӧт-хӧт»,
«тамгой» будет арабская буква «аин».

Калдар-бию:
– Пусть твоим деревом будет сандал,
птицей будет голубь,
«тамгой» будет «половник».
Темир-Котлу-бию:
– Пусть твоим деревом будет «шырык»,
птицей будет сорока,
«тамгой» будет «половина гребня».

Всех этих биев Чингис-хан назначил начальниками своих воинов и отправил их для завоевания орд по всему свету.

Когда выезжал Чингис-хан на охоту за сайгаками, то его начальники воинов выезжали вместе с ним со своими птицами, которые так назывались: у самого Чингис-хана – двуглавый «кур-кус», у других биев – кречет, сокол, орел, ястреб, ворона, беркут, пустельга, гусь, журавль, дудак, голубь, сорока.

Деревом у самого Чингис-хана был «шынар», у других – черное дерево, сосна, яблоня, береза, ива, осина, вяз, липа, дуб, клен, сандал, «шырык».

«Тамгой» у самого Чингис-хана была «голова птицы», у других – «верблюжье седло», «полная луна», «козел», «пара ребер», «крюк», «гребень», «вилы», «глаз», арабская буква «аин», «половник», «половина гребня».

[Кольчуги биев Чингис-хана]

Каждому своему начальнику воинов Чингис-хан дал для боя особую кольчугу с отдельным названием:

у Кыята – «город»;
у Кунграда – «луна под мышкой»;
у Ордаша – «материн глаз»;
у Кайгака – «синий воротник»;

у Керейта – «справедливый мой»;
у Муйтака – «суровые брови»;
у Буржана – «счастливый»;
у Кытая – «шляпа из корня»;
у Калдара – «кусающийся»;
у Темир-Котлу – «телячья голова».

[Чингис-хан с сыновьями и биями охотится за сайгаками]

Однажды Чингис-хан со своими сыновьями и начальниками воинов выехал на охоту; встретили они сайгака видом с тигра; прицелились все в него, выстрелили и не попали.

Тогда трое погнались за ним, догнали и пристрелили: сын Кунграда – Сепкиль, второй – Ордаш с тысячью стрел и третий – Тамиен-бий.

Убитого сайгака доставили Чингис-хану, тот дивился их храбрости, дал им в награду много денег, и когда собирался «курилтай», восхвалял их храбрость.

В другое время они опять выехали на охоту и увидели сайгака из породы «булан». У Буржан-бия конь был скакун, на нем он догнал «булана», схватил за хвост и притащил к самому Чингис-хану. Хан щедро наградил Буржан-бия. Так забавлялись они охотою ежедневно.

[Чингис-хан посылает на охоту своих биев с охотничьими птицами]

Один раз Чингис-хан послал своих начальников воинов одних на охоту с охотничьими птицами. Каждый из них выехал со своей птицей.

Кыят-бий – своего «сокола» пустил на лебедя;
Майкы-бий – своего «орда» – на утку;

Ордаш-бий с тысячью стрел – своего «ястреба» на гуся;

Тамиен-бий – свою «ворону» – на перепелку.

Каждый птицу, какую поймал, принес хану. Тот щедро их одарил.

[Чингис-хан делит свои улусы
и добро между четырьмя сыновьями]

Чингис-хан разделил свои улусы и богатство между четырьмя сыновьями.

Старшему сыну, Юши-хану, надел свою шапку

и поставил на свое место ханом;

второго сына, Джудай-хана, назначил ханом в Индустан,

где жили различные народы;

третьего сына, Керейт-хана, назначил ханом среди благородного народа

и надел на него шубу героя;

четвертого сына, Таулей-хана, поставил ханом в московскую орду,

к народу милостивому и великому,

надел на него шубу с атласным воротником.

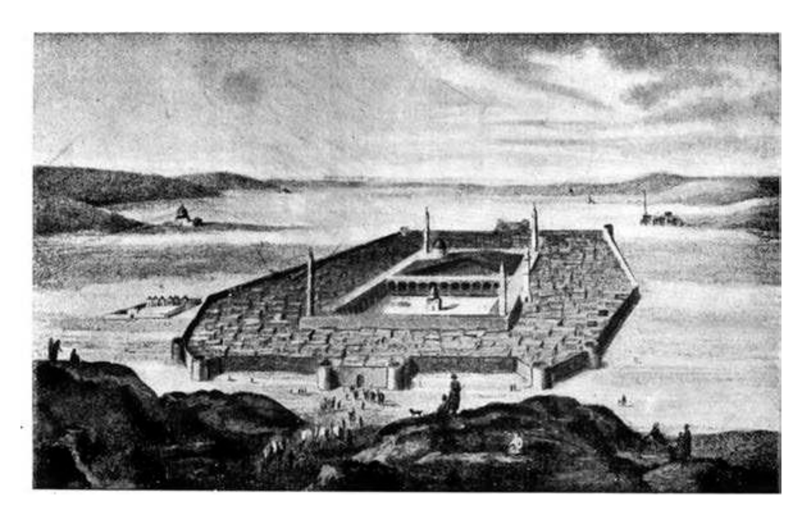
Таким образом Чингис-хан поделил все свои орды между четырьмя сыновьями; все ханы в этих ордах ведут свое происхождение от Чингис-хана.

[Годы рождения и смерти Чингис-хана]

Чингис-хан родился через пятьсот сорок девять лет после смерти Мухаммеда, в месяце зу-ль-хадж.

Он прожил семьдесят два года; десяти лет он был уже ханом и правил всего пятьдесят девять лет. Город, в котором он был ханом, назывался Китаем.

После семидесяти двух лет, вечером в пятнадцатый день месяца рамадана он умер в 621 году [хиджры].

Вид Медины
По Ohsson. Tableau Général de l'Empire Ottoman. Paris 1790

Содержание

Автобиография Тимура

Богатырские сказания о Чингис-хане и Аксак-Темире

12+

Ответственный редактор *Л. Сурис*
Верстальщик *А. Тельная*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru

Отпечатано в ООО «ПАК ХАУС»
142172, г. Москва, г. Щербинка,
ул. Космонавтов, д. 16